Р.Г.СКРЫННИКОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Портрет Ивана Грозного XVI в.
Национальный музей. Копенгаген

На первой странице обложки —
скульптурный портрет
Ивана Грозного.
Реконструкция М. М. Герасимова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «История нашей Родины»

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1980

Вторая половина XVI в.— важный этап в истории Русского государства. Крутой поворот от боярского правления к реформам и последовавшая затем опричнина — таковы важнейшие вехи политического развития того времени. Избрав биографический жанр, автор анализирует узловые проблемы русской истории XVI столетия, всесторонне характеризует противоречивую личность Ивана Грозного.

Р. Г. Скрынников — доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета, автор ряда исследований по отечественной истории: «Начало опричнины» (Л., 1966), «Опричный террор» (Л., 1969) и др.

С $\frac{10604-015}{054(02)-80}$ 35—75 НП

ВВЕДЕНИЕ

Многое переменилось в жизни европейских народов в XVI в. На континенте еще господствовал феодализм, но в передовых западноевропейских странах подспудно стали складываться буржуазные отношения. Великие географические открытия положили начало мировой торговле и созданию колониальной системы, обогатившей буржуазию. Наступила эпоха ранних буржуазных революций. Первая такая революция победила в Нидерландах, освободившихся от испанского владычества. Реформация в Германии, направленная против феодальной реакции, совершила переворот в области идей.

Лицо Европы преобразилось. Если Италия и Германия не смогли преодолеть феодальную раздробленность, то Франция и Англия превратились в абсолютистские централизованные монархии. На востоке Европы возникла огромная держава — единое Российское государство.

Страны Восточной Европы добились в XVI в. крупных экономических успехов, выразившихся в расцвете торговли и ремесел, в росте городских центров. Но, несмотря на достигнутый прогресс, в этих странах победила феодальная реакция. Немецкое дворянство закрепостило крестьян, жестоко подавив крестьянское восстание. Волны крепостничества захлестнули сначала Польско-литовское государство, а затем, в конце XVI в., Россию.

В силу неблагоприятных исторических условий, среди которых немаловажную роль играло страшное татарское нашествие, Русское государство несколько отставало в своем развитии. Губительные последствия иноземного ига давали о себе знать в течение длительного времени. Но русский народ стряхнул оцепенение. Русское национальное

самосознание переживало подъем. В сфере литературы и публицистики, летописания и книгопечатания, живописи и архитектуры появились замечательные мастера. Далекая Московия ощутила ветры европейской Реформации. На ее культуру пал отблеск итальянского Возрождения.

Политическое развитие России в XVI в. отмечено было противоречиями. Объединение русских земель в рамках единого государства не привело к немедленному исчезновению многочисленных пережитков феодальной раздробленности, которые опутывали русское общество густой пеленой. Между тем потребности политической централизации диктовали необходимость преобразования отживших институтов. Реформы стали велением времени.

Благодаря своему возросшему военному могуществу Россия смогла решать крупные внешнеполитические задачи. Она перестроила на новых началах отношения с татарским миром и западными соседями. Ее вооруженные силы повели борьбу за воссоединение западнорусских земель, попавших после татарского погрома под власть Литвы. Но страна все еще не располагала морскими гаванями, через которые она могла бы установить тесные экономические связи с развитыми странами Запада. Вопрос о завоевании выхода к морю был поставлен на повестку дня.

Таким было время образования и укрепления Русского централизованного государства. Это время сформировало личность Ивана Грозного и испытало на себе ее воздействие. Едва ли в русской истории найдется другой исторический деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков. Одни считали его выдающимся военачальником, дипломатом и писателем, образцом государственной мудрости. В глазах других он был кровавым тираном, почти сумасшедшим. Где же истина? Кто прав в своей оценке? Ответ на подобные вопросы могут дать только факты. Проследим же за ними терпеливо, со всей возможной тщательностью.

СЕМИБОЯРЩИНА

Дед Грозного Иван III женат был дважды: в первый раз на тверской княжне, а во второй — на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия. Великий князь короновал на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака Василию III. Подобно отцу, Василий III тоже был женат дважды. В первый раз государевы писцы переписали по всей стране дворянских девок-невест, и из полутора тысяч претенденток Василий выбрал Соломонию Сабурову. Брак оказался бездетным, и после 20 лет супружеской жизни Василий III заточил жену в монастырь. Вселенская православная церковь и влиятельные боярские круги не одобрили развод в московской великокняжеской семье. Составленные задним числом летописи утверждали, будто Соломония постриглась в монахини, сама того желая. В действительности великая княгиня противилась разводу всеми силами. В Москве толковали, будто в монастыре Соломония родила сына — законного наследника престола — Юрия Васильевича. Но то были пустые слухи, с помощью которых инокиня пыталась помешать новому браку Василия III.

Второй женой великого князя стала юная литвинка княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью. Ее предки вели род от хана Мамая. Союз с Глинской не сулил династических выгод. Но Елена, воспитанная в иноземных обычаях и непохожая на московских боярышень, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак блудодеянием. Но большей бедой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным. Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Недоброжелатели-бояре шептали, что отец Ивана — фаворит великой княгини. Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас» [1]. Известно еще много других знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом.

В великокняжескую семью рождение сына принесло обычные заботы и радости. Когда Василию случалось покидать Москву без семьи, он слал «жене Олене» нетерпеливые письма, повелевая сообщать, здоров ли «Иван-сын» и что кушает. Ото дня ко дню Олена уведомляла мужа, как «покрячел» младенец и как явилось на шее у него «место высоко да крепко» [2]. Ивану едва исполнилось три года, когда отец его занемог и вскоре умер.

Характер взаимоотношений великого князя с окружавшей его знатью никогда прежде не проявлялся так ярко, как в момент болезни и смерти Василия III. Завещание великого князя не сохранилось, и мы не знаем в точности, каковой была его последняя воля. В Воскресенской летописи 1542 г. читаем, что Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр великой Руси», а жене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания [3]. При Грозном в 50-х годах летописцы стали утверждать, будто великий князь вручил скипетр не сыну, а жене, которую считал мудрой и мужественной, с сердцем, исполненным «великого царского разума» [4]. Иван IV любил свою мать, и в его глазах имя ее окружено было особым ореолом. Неудивительно, что царские летописи рисовали Елену законной преемницей Василия III. Со временем летописная традиция трансформировалась, и Елена превратилась в носительницу идей централизованного государства, защитницу его политики, твердо противостоявшей проискам реакционного боярства.

У постели умирающего Василия III. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

Если от официальных летописей мы обратимся к неофициальным источникам, то история прихода к власти Глинской предстанет перед нами в совсем ином освещении. Осведомленный псковский летописец записал, что Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим» [5]. Если верить псковскому источнику, великий князь передал власть боярскому совету, Елена же узурпировала власть, законно принадлежавшую опекунам.

Какая же версия — официальная или неофициальная — верна? Ответ на этот вопрос заключен в самых

ранних летописях, составленных очевидцем последних дней Василия III.

...Великий князь смертельно занемог на осенней охоте под Волоколамском. Услышав от врача, что положение его безнадежно, Василий III велел доставить из столицы завещание. Гонцы привезли духовную грамоту, «от великой княгини крыющеся». Когда больного доставили в Москву, во дворце начались бесконечные совещания об «устроенье земском». На совещаниях присутствовали советники и бояре. Но ни разу великий князь не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Вот когда Елену пустили, наконец, к постели умирающего. Горько рыдая, молодая женщина обратилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь великий князь! На кого меня оставляешь и кому, государь, детей приказываешь?» Василий отвечал кратко, но выразительно: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тобе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиням». Елена хорошо уразумела слова мужа. Вдовы московских государей получали «по достоянию» вдовий удел. Так издавна повелось среди потомков Калиты. Елена плакала. «Жалостно было тогда видеть ее слезы, рыдания»,— печально завершает очевидец свой рассказ [6].

Слова московского автора подтверждают достоверность псковской версии. Великий князь передал управление боярам, а не великой княгине. Василию III перевалило за 50, Елена была лет на 25 моложе. Муж никогда не советовался с женой о своих делах. Красноречивым свидетельством тому служила их переписка. Перед кончиной Василий III не посвятил великую княгиню в свои планы. Он не доверял молодости жены, мало надеялся на ее благоразумие и житейский опыт. Но еще большее значение имело другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщины в делах правления. Если бы великий князь вверил жене государство, он нарушил бы древние московские традиции.

Летописные сведения относительно передачи власти боярам получили различную интерпретацию в литерату-

ре. Известные историки А. Е. Пресняков и И. И. Смирнов высказали мысль, что Василий III образовал при малолетнем сыне регентский совет из числа бояр, совещавшихся у его смертного одра. А. А. Зимин не согласился с ними и пришел к выводу, что великий князь поручил государственные дела всей Боярской думе в целом, а в качестве опекунов при малолетнем Иване IV назначил двух удельных князей — Михаила Глинского и Дмитрия Бельского.

Попробуем более детально рассмотреть свидетельства источников. Перелистав тексты духовных завещаний московских государей, мы можем убедиться в том, что великие князья неизменно возлагали ответственность за выполнение их последней воли на трех-четырех душеприказчиков из числа самых близких советников-бояр. Примерно так же поступил смертельно занемогший Василий III. Он призвал для утверждения своего завещания трех бояр (М. Юрьева, князя В. Шуйского и М. Воронцова), а также младшего брата Андрея, которого он любил и которому во всем доверял. В беседе со своими будущими душеприказчиками великий князь упомянул о том, что он намерен облечь опекунскими полномочиями также князя Михаила Глинского («что ему в родстве по жене его»). Бояре выразили согласие, но тут же стали ходатайствовать о включении в состав регентского совета и своих собственных родственников. Василий Шуйский выставил кандидатуру брата Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев назвал имя своего двоюродного дяди Михаила Тучкова. Так был сформирован опекунский совет.

Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковская летопись. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела семи душеприказчикам. Этот факт помогает решить загадку знаменитой московской семибоярщины. Появление семибоярщины в годы Смуты перестает быть необъяснимой случайностью. В книгах Разрядного приказа находим указания на то, что семибоярщина много раз «ведала» Москву при царе Иване и его сыне Федоре. Образцом для них, как можно теперь установить, служила семибоярщина Василия III.

При жизни Василия III его бранили за то, что он решает дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третий у постели» — без совета с Боярской думой.

Великий князь рассчитывал сохранить такой порядок управления посредством учреждения особого опекунского совета. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего появления она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная не допустить ослабления центральной власти. Василий III ввел в семибоярщину нескольких самых доверенных своих советников, которые выдвинулись по его милости и из-за своего худородства не могли претендовать на высшие посты в государстве. С их помощью Василий III надеялся оградить трон от покушений со стороны могущественной боярской аристократии и ограничить влияние Боярской думы. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение 12 лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

Бояре-опекуны короновали трехлетнего Ивана через несколько дней после кончины великого князя. Они спешили упредить мятеж удельного князя Юрия. 25 лет Юрий примерялся к роли наследника бездетного Василия III. После рождения Ивана князь не отказался от своих честолюбивых планов. Опекуны опасались того, что Юрий попытается согнать с трона малолетнего племянника. Чтобы предотвратить смуту, они захватили Юрия и бросили его в темницу. Удельный государь жил в заточении 3 года и умер «страдальческою смертью, гладною нужею» [7]. Иначе говоря, его уморили голодом.

Передача власти в руки опекунов вызвала недовольство Боярской думы. Между душеприказчиками Василия III и руководителями думы сложились напряженные отношения. Польские агенты живо изобразили положение дел в Москве после кончины Василия III: «бояре там едва не режут друг друга ножами; источник распрей — то обстоятельство, что всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре — князья Бельский и Овчина — старше опекунов по положению, но ничего не решают».

Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, названный поляками в числе главных руководителей думы, стал для опекунов самым опасным противником. Он сумел снискать расположение великой княгини Елены. Молодая вдова, едва справив поминки по муже, сделала Овчину своим фаворитом. Позднее молва назовет фаворита подлинным

отцом Грозного. Но то была пустая клевета на великокняжескую семью.

Овчина рано отличился на военном поприще. В крупнейших походах начала 30-х годов он командовал передовым полком армии. Служба в передовых воеводах была лучшим свидетельством его воинской доблести. Василий III оценил заслуги князя и незадолго до своей кончины пожаловал ему боярский чин, а по некоторым сведениям, также титул конюшего — старшего боярина думы. На погребении Василия великая княгиня вышла к народу в сопровождении трех опекунов (В. Шуйского, М. Глинского и М. Воронцова) и Овчины.

Простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает в том, что карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне.

Овчина происходил из знатной семьи, близкой ко двору. Родная сестра его — боярыня Челяднина — была мамкой княжича Ивана IV. Перед смертью Василий III передал ей сына с рук на руки и велел «ни пяди не отступать» от ребенка. Семья Овчины была связана узами родства с опекуном Михаилом Глинским, но родство не предотвратило конфликта. Семейный раздор возник на почве политического соперничества. За спиной Овчины стояла Боярская дума, стремившаяся покончить с засилием опекунов, за спиной Глинского — семибоярщина, которой недоставало единодушия.

Фаворит оказал Глинской неоценимую услугу. Будучи старшим боярином думы, он бросил дерзкий вызов душеприказчикам великого князя и добился уничтожения системы опеки над великой княгиней.

Семибоярщина управляла страной менее года. Ее власть начала рушиться в тот день, когда дворцовая стража отвела Михаила Глинского в тюрьму.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

Перед смертью Василий III просил Глинского позаботиться о безопасности своей семьи. «Пролей кровь свою и тело на раздробление дай за сына моего Ивана и за жену мою...» [1] — таково было последнее напутствие великого князя. Князь Михаил не смог выполнить данного ему поручения по милости племянницы, великой княгини.

Австрийский посол Герберштейн объяснял гибель Глинского тем, что он пытался вмешаться в интимную жизнь Елены и настойчиво убеждал ее порвать с фаворитом. Герберштейн был давним приятелем Глинского и старался выставить его поведение в самом благоприятном свете. Но он мало преуспел в своем намерении. Об авантюрных похождениях Глинского знала вся Европа. Могло ли моральное падение племянницы в самом деле волновать престарелого авантюриста? В этом можно усомниться.

Столкновение же между Овчиной и Глинским всерьез беспокоило вдову и ставило ее перед трудным выбором. Она либо должна была удалить от себя фаворита и окончательно подчиниться семибоярщине, либо, пожертвовав дядей, сохранить фаворита и разом покончить с жалким положением княгини на вдовьем уделе. Мать Грозного выбрала второй путь, доказав, что неукротимый нрав был фамильной чертой всех членов этой семьи. Елена стала правительницей вопреки ясно выраженной воле Василия III. С помощью Овчины она совершила подлинный переворот, удалив из опекунского совета сначала М. Глинского и М. Воронцова, а затем князя Андрея Старицкого.

Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «под великой княгиней» Российское царство, иначе говоря, хотели править за нее государством. Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей отцовской власти. На самом деле Глинский и Воронцов правили по воле Василия III, который назначил их опекунами своей семьи. Но с того момента, как Боярская дума взяла верх над семибоярщиной, законность обернулась беззаконием: боярскую опеку над великой княгиней стали квалифицировать как государственную измену.

О Глинском толковали, будто он отравил Василия III и хотел выдать полякам семью великого князя. Но этим толкам трудно верить. На самом деле князь Михаил погиб потому, что был чужаком среди московских бояр. Уморив Глинского в тюрьме, власти «забыли» наказать Воронцова. Его отправили в Новгород, наделив почетным титулом главного воеводы и наместника новгородского. Подобные действия обнаружили всю пустоту официальных заявлений по поводу заговора Глинского и Воронцова.

Самый влиятельный из вождей семибоярщины, Юрьев подвергся аресту еще до того, как взят был под стражу Глинский. Но он понес еще более мягкое наказание, чем Воронцов. После недолгого заключения его освободили и оставили в столице. Юрьев заседал в Боярской думе даже после того, как его двоюродный брат бежал в Литву.

Андрей Старицкий, младший брат Василия III, который владел обширным княжеством и располагал внушительной военной силой, после крушения семибоярщины укрылся в удельной столице городе Старице. Однако сторонники Елены не оставили его в покое. Старицкому велели подписать «проклятую» грамоту о верной службе правительнице. Опекунские функции, которыми Василий III наделил брата, были аннулированы.

Живя в уделе, Андрей постоянно ждал опалы. В свою очередь Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить его. Удельный князь почуял неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этой его оплошностью сразу воспользовались Глинская и ее фаворит. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупрежденный среди ночи о подходе правительственных войск, Андрей бросился из Старицы в Торжок. Отсюда он мог уйти в Литву, но вместо того повернул к Новгороду. С помощью новгородских дворян бывший глава семибоярщины надеялся одолеть Овчину и покончить с его властью. «Князь великий мал,— писал Андрей новгородцам,— держат государство бояре, и яз вас рад жаловати» [2]. Хотя некоторые дворяне и поддержали мятеж, Андрей не решился биться с Овчиной и, положившись на его клятву, отправился в Москву, чтобы испросить прощение у невестки. Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточенье на смерть». На узника надели некое подобие железной маски — тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы, на них повесили дворян, вставших на сторону князя Андрея.

Князь Михаил Глинский и брат великого князя Андрей были «сильными» людьми семибоярщины. Их Овчи-

на наказал самым жестоким образом. Другие же душеприказчики Василия III — князья Шуйские, Юрьев и Тучков заседали в думе до смерти Елены Глинской. По-видимому, именно в кругу старых советников Василия III созрели проекты важнейших реформ, осуществленных в те годы.

Бояре начали с изменений в местном управлении. Они возложили обязанность преследовать «лихих людей» на выборных дворян — губных старост, т. е. окружных судей (губой называли округ). Они позаботились также о строительстве и украшении Москвы и провели важную реформу денежной системы. Дело в том, что с расширением товарооборота требовалось все больше денег, но запас драгоценных металлов в России был ничтожно мал. Неудовлетворенная потребность в деньгах вызвала массовую фальсификацию серебряной монеты. В городах появилось большое число фальшивомонетчиков. И хотя виновных жестоко преследовали, секли им руки, лили олово в горло, ничто не помогало. Радикальное средство для устранения кризиса денежного обращения нашли лишь в правление Елены Глинской, когда власти изъяли из обращения старую разновесную монету и перечеканили ее по единому образцу. Основной денежной единицей стала серебряная новгородская деньга, получившая наименование «копейка» — на «новгородке» чеканили изображение всадника с копьем (на старой московской деньге чеканили всадника с саблей). Полновесная новгородская «копейка» вытеснила легкую московскую «сабляницу».

Правление Глинской продолжалось менее пяти лет. Надо сказать, что женщины Древней Руси редко покидали мир домашних забот и посвящали себя политической деятельности. Немногим затворницам терема удалось приобрести историческую известность. В числе их была Елена Глинская. Она начала с того, что узурпировала власть, которой Василий III наделил семибоярщину. Без ее согласия не могли быть проведены последующие реформы. Но в самом ли деле можно считать ее мудрой правительницей, какой изображали ее царские летописи? Ответить на этот вопрос невозможно из-за отсутствия фактов. Бояре ненавидели Глинскую за ее пренебрежение к старине и втихомолку поносили ее как злую чародейку.

В последний год жизни Елена много болела и часто ездила на богомолье в монастыри. Смерть молодой жен-

Чеканка денег по единому образцу.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

щины была, как видно, естественной. Правда, австрийский посол Герберштейн по слухам писал об отравлении великой княгини ядом. Но сам же он удостоверился в неосновательности молвы и, издавая «Записки» во второй раз, не упомянул больше о насильственной смерти Елены. Царь Иван, негодовавший на бояр за непочтение к матери, даже не догадывался о возможном ее отравлении.

Бояре восприняли смерть Елены как праздник. Бывшие члены семибоярщины честили незаконную правительницу, не стесняясь в выражениях. Один из них, боярин М. Тучков, как утверждал царь Иван, произнес «на преставление» его матери многие надменные «словеса» и тем уподобился ехидне, отрыгающей яд.

ДЕТСТВО ИВАНА

После смерти великой княгини Елены Глинской власть перешла в руки членов семибоярщины, поспешивших расправиться с князем Овчиной. Опекуны были единодушны в своей ненависти к временщику. Но их согласию вскоре пришел конец.

С гибелью Андрея Старицкого старшим среди опекунов стал князь Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре малолетнего великого князя Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь, приличную его новому положению. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Царь Иван говаривал, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «тако воцаришася» [1]. Но так ли было в действительности? Ведь Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя!

Будучи членами одной из самых аристократических русских фамилий, Шуйские не пожелали делить власть с теми, кто приобрел влияние благодаря личному расположению Василия III. Раздор между «принцами крови» (так Шуйских называли иностранцы) и старыми советниками Василия III (боярами Юрьевым, Тучковым и думными дьяками) разрешился смутой. Через полгода после смерти правительницы Шуйские захватили ближнего дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре же они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Боярин и регент М. В. Тучков отправился в ссылку в деревню. Его двоюродный племянник В. М. Юрьев прожил менее года после описанных событий. Ближайший союзник Тучкова в думе боярин И. Д. Бельский подвергся аресту и попал в тюрьму. Торжество Шуйских довершено было низложением митрополита Даниила, сподвижника Василия III.

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Он пережил Мишурина на несколько недель. Младший брат Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытностью старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору.

Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Но опекун не пожелал признать свое поражение. Он поднял мятеж и явился в Москву с многочисленным отрядом дворян. Мятежники низложили митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослали на Белое озеро и там тайно умертвили.

Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских встал князь Андрей Шуйский. Он лишился поддержки бояр и был убит в конце 1543 г. Правлению Шуйских пришел конец. В то время великому князю едва исполнилось 13 лет.

Иван потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое сиротское детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему — заброшенному сироте — боярами. Описания царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В. О. Ключевский создал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломились в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям.

Насколько достоверен образ Ивана, созданный рукой талантливого художника? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван рос окруженный материнской лаской до семи лет и именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в то время в Москве произошел мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван велел сделать к тексту летописи дополнения, которые значительно уточ-

нили картину переворота. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» — за три часа до света — и петь «у крестов» заставили. Ребенок, как видно, даже и не подозревал о том, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и с полным равнодушием: «да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша»[2]. Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы испугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до 12, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких воспоминаний детства. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние — казну. Больше всех достается Шуйским. У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба, и та на ветхих куницах,— то всем людям ведомо; как же мог он обзавестись златыми и серебряными сосудами; чем сосуды ковать, лучше бы Шуйскому шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в более зрелом возрасте. О покраже казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам. В своих письмах он не скрывал раздражения против них. Припомню одно, писал Иван, как, бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца и положив ноги на стул, а на нас и не смотрит. Среди словесной шелухи мелькнуло, наконец, живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что

тот сидел, не «преклоняяся» перед государем — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» — этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с его письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни» [3].

Иван горько жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть,— сетовал он,— но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как говорил Курбский, наставники «хвалящe (Ивана), на свое горшее отрока учаще». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека (!) уже есть, а з божьею волею помышляет ужо брачный закон приняти». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» в строгости. Освободившись от опеки и авторитета старейших бояр, великий князь предался диким потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и спихивал «с стремнин высоких» кошек и собак, «тварь бессловесную». В 14 лет он «начал человеков ураняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников, детьми знатнейших бояр, он разъезжал по улицам и площадям города, топтал конями народ, бил и грабил простонародье, «скачюще и бегающе всюду неблагочинно».

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «боляр в хребет толкали». Примерно через полгода после инцидента в доме один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псари набросились на боярина возле дворца у Курятных ворот, убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест,— записал летописец,— начали боляре от государя страх имети и послушание» [4]. Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам стал орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начаша подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого» [5].

Примерно в одно время с кончиной последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никоего промышления доброхотного». Нас с единородным братом Юрием, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алчбе»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчесть такие многие бедные страдания, каковые перестрадал я в юности? — патетически восклицал Иван. Несомненно, в его

жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос, к каким годам они относились? Можно сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть они попросту не могли.

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ

Василий III велел боярам, как мы уже говорили, «беречь» сына до 15 лет, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. 15 лет — пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Василий III возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны приобщат наследника к делам управления. Но опекуны сошли со сцены, не завершив главного порученного им дела. В 15 лет Иван IV оказался малоподготовленным к исполнению функций правителя обширной и могущественной державы, а окружали его случайные люди. Неудивительно, что свое совершеннолетие Иван IV ознаменовал лишь опалами да казнями. Едва отпраздновав день рождения, великий князь велел отрезать язык Афанасию Бутурлину за какие-то невежливые слова. Через месяц объявил опалу сразу пятерым знатнейшим боярам.

Боярская дума просила 15-летнего великого князя отправиться с полками на татар. Выступив в поход, Иван предался всевозможным потехам. Будучи в военном лагере, он пашню пахал вешнюю, сеял гречиху, на ходулях ходил и в саван наряжался. Бояре вынуждены были делить царские забавы. Прошло несколько дней, и трем боярам, сеявшим с Иваном гречиху, посекли головы. По какой причине погибли видные воеводы, никто не знал толком. Скорее всего их погубило «супротисловие» великому князю.

Начало самостоятельного правления Ивана IV отмечено было актом большого политического значения. Глава Русского государства принял титул царя.

Коронация Ивана IV. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена. В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, чин этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему — империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие те-

перь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Русии», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сувереном-«самодержцем». Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей».

Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси появилось мощное единое государство. Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из которых стала теория «Москва — третий Рим», согласно которой московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» — Византийской империи. Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Русии». Правда, он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним (Иван III употреблял его только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями).

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем венчался» по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землею Русскою владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом. В глазах московитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле мит-

рополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха — символ царской власти. Первые московские князья в своих завещаниях неизменно благословляли наследников «шапкой золотой» — короной своей московской вотчины. Великокняжеская корона в их духовных не фигурировала. Ею распоряжалась всесильная Орда. Когда Русь покончила с тяжким татарским игом, повелители могущественной державы продолжали украшать свою голову прадедовской «золотой шапкой», но теперь они именовали ее шапкой Мономаха. Любознательный австриец Герберштейн видел шапку на Василии III. Она была расшита жемчугом и нарядно убрана золотыми бляшками, дрожавшими при любом движении великого князя. Как видно, шапка была скроена по татарскому образцу. Но после падения Орды восточный покрой вышел из моды. По поводу происхождения шапки Мономаха сложена была такая легенда. Когда Мономах совершил победоносный поход на Царьград, его дед император Константин (на самом деле давно умерший) отдал внуку порфиру со своей головы, чтобы купить у него мир. От Мономаха императорские регалии перешли к московским государям.

Официальные летописи изображали дело так, будто 16-летний юноша по собственному почину решил короноваться шапкой Мономаха и принять царский титул. Митрополит и бояре, узнав о намерении государя, заплакали от радости, и все было решено. В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем. Ко времени коронации наибольшим влиянием при дворе пользовались бабка великого князя Анна и его дядя Михаил Васильевич Глинский.

Брак Василия III с Еленой Глинской выдвинул Глинских в первые ряды столичного боярства. Но после гибели опекуна Михаила Львовича и смерти правительницы Елены Глинские многие годы оставались на вторых ролях. Положение переменилось, когда их племянник Иван достиг совершеннолетия. Старший из братьев Глинских Михаил Васильевич немедленно же заявил претензии на титул конюшего боярина, рассчитывая занять в государстве такое же высокое положение, какое занимал конюший Овчина в правление Елены Глинской. Титул конюшего служил предметом постоянных домогательств со стороны самых могущественных лиц в государстве. После Овчины

он перешел к воспитателю великого князя И. И. Челяднину, а от него — к И. П. Челяднину-Федорову. Михаил повел дело так ловко, что добился смертного приговора для Челяднина. По приказу Ивана IV Челяднина «ободрали» донага и передали в руки палача. Но тот заслужил помилование полным смирением. Несколько месяцев спустя великий князь приказал убить двух своих сверстников — братьев князей Ивана Дорогобужского и Федора Овчинина. Одного из них посадили на кол, а другому отрубили голову на льду замерзшей реки. Кровавая расправа не была следствием мальчишеской ссоры. Как свидетельствуют летописи, знатных дворян убили по повелению Михаила Глинского и матери его княгини Анны. Глинские сполна рассчитались со старым конюшим И. П. Челядниным. Они отняли у него не только все его титулы, но и единственного наследника пасынка князя Дорогобужского.

Затеяв коронацию, родня царя добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах же царя и большинства его подданных перемена титула стала начальной вехой самостоятельного правления Ивана IV. Вспоминая те дни, царь писал впоследствии, что он сам взялся строить свое царство и «по божьей милости начало было благим» [1]. Благодаря царскому титулу Иван IV вдруг явился перед своими подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника божьего на земле. Но недолго тешился Иван блеском без труда приобретенного могущества. Жизнь вскоре преподала ему жестокий урок. Воспитанник дворцовых теремов плохо знал собственный народ. Он видел испуганных людей, когда для потехи топтал лошадьми рыночную толпу; видел радостные лица в торжественные праздники. Но у покорного народа было и другое лицо. Вскоре царю довелось увидеть и его.

МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

К середине XVI в. население России едва ли превышало 8—10 млн. человек. Большая часть его жила в крохотных деревнях, разбросанных по бескрайней Восточно-Европейской равнине. И именно в этих деревнях шла незаметная работа, подготовлявшая расцвет государства. Крестьяне поднимали новь, колонизовали необжитые окраины — «Дикое поле». Первая половина столетия оказалась временем относительно благополучным для сельского населения. Неурожаи случались часто, но они не захватывали всю страну разом и не имели катастрофических последствий. Феодалы отягощали крестьян всевозможными повинностями, но еще не пытались прикрепить их к земле и лишить права выхода в Юрьев день.

В аграрной России численность горожан не превышала 2% всего населения страны. Города служили центром ремесленного производства и торговли. В условиях господства натурального хозяйства товарное обращение, как правило, не выходило за рамки местного рынка. Страна еще не преодолела экономическую разобщенность, доставшуюся ей в наследство от периода феодальной раздробленности. Тем не менее города переживали расцвет. Количество жителей в них увеличивалось. Особенно быстро росла Москва. Иностранцы сравнивали русскую столицу с крупнейшими городами Западной Европы. По очень неточным подсчетам современников, в Москве насчитывалось около 100 тыс. человек. На втором месте после Москвы стоял Новгород с населением в 25—30 тыс. человек. Прочие русские города далеко уступали Москве и Новгороду. С падением феодальной республики Новгород Великий утратил былое торгово-промышленное могущество. Для жизни городов характерны были глубокие социальные контрасты. Богатая купеческая верхушка постоянно находилась в раздоре с неимущими низами. Поборы с городов служили одним из главных источников пополнения государственной казны, но власти облагали горожан не только денежными данями, но и тяжкими натуральными повинностями. В военное время города должны были снаряжать в поход отряды воинов, вооруженных огнестрельным оружием. Вопрос о том, кому нести воинскую повинность, всегда служил предметом спора между богатыми купцами и черным людом. Подобный спор произошел

в Новгороде в самом начале Казанской войны. Присланные в царский лагерь в Коломну новгородские стрельцы пытались искать справедливости у молодого государя. Когда Иван выехал из лагеря на прогулку, они попробовали вручить ему жалобу. Великий князь велел челобитчикам убираться прочь. Дворяне принялись расчищать государю путь. Тогда новгородцы забросали их комьями грязи и подняли пальбу из пищалей (ружей). На поле брани замертво легло более десяти человек, многие получили раны. Дворянам не удалось одолеть стрельцов, и великий князь вынужден был пробираться к своему стану кружным путем. Иван хорошо запомнил коломенский бунт и много лет спустя, просматривая старые летописи, включил в них рассказ о строптивых новгородцах.

Через полгода после бунта Иван явился в Новгород собственной персоной. Его сопровождало 4 тыс. воинов. Великий князь, повествует местный книжник, «смирно и тихо пожи в Новгороде три дни, а после трех день все его войско начя быти спесиво». Новгородцев раздражала, впрочем, не столько «спесь» московского воинства, сколько московские поборы. Горожане должны были заплатить великому князю 3 тыс. золотых «поклону».

Из Новгорода великий князь отправился в Псков, жители которого с нетерпением ждали его приезда, чтобы найти управу на городских бояр-наместников. В Пскове Иван тешился тем, что гонял на ямских, а не «управил своей вотчины ничего». И здесь посадские люди лишь претерпели великие убытки и волокиту. Но они не теряли надежды и после отъезда Ивана послали к нему многочисленную делегацию с жалобой. Челобитчики застали царя на отдыхе в одном из дворцовых сел. Раздосадованный Иван велел арестовать крамольных горожан и «бесчествовал» их: обварил кипящим вином, свечою сжег волосы и опалил бороды. Вслед за тем жалобщиков раздели донага и уложили на землю. Неизвестно, чем все это могло кончиться, если бы не случай. Царю сообщили о внезапном падении большого кремлевского колокола, и он умчался в Москву подивиться чуду. Псковичи вернулись ни с чем, и их рассказы дали горожанам новую пищу для недовольства. В Пскове с минуты на минуту ждали возмущения. Местный воевода в страхе бежал из города прочь. Вскоре в псковской земле вспыхнуло восстание. В руках восставших оказалась мощная пограничная кре-

пость — город Опочка. Сидевший в городе государев дьяк был брошен в тюрьму. События в Опочке настолько встревожили московские власти, что те поспешили направить в Псков крупные военные силы. Двухтысячная новгородская рать заняла мятежную крепость. Выступление псковитян было подавлено.

Между тем недовольство захлестнуло вслед за Псковом Москву и Новгород. Новгородский архиепископ посылал в Москву отчаянные письма, сообщая, что от «разбойников» на новгородских дорогах нет ни проходу, ни проезду. Но столица была поглощена своими заботами. В Москве назревало восстание.

Приход к власти Глинских осложнил обстановку в стране. Подобно предшествующим боярским правительствам, новые временщики грабили казну и облагали горожан тяжелыми денежными поборами. Глинские долго были не у дел и теперь старались наверстать упущенное. В короткое время они успели снискать общую ненависть. В царствующем граде Москве и по всей стране, повествует летописец, умножились неправды от вельмож, творивших насилия, судивших неправедно по мзде и облагавших население тяжелыми данями. Слуги Глинского вели себя в столице как завоеватели. «Черным» людям от них было «насилство и грабеж».

В жаркие летние месяцы 1547 г. в Москве произошли крупные пожары, ускорившие развязку. Множество горожан лишились имущества и крова. Обездоленные винили во всем Глинских.

Восстание в Москве началось 26 июня 1547 г., когда вооруженные горожане ворвались в Кремль и потребовали выдать им Глинских на расправу. Бояре пытались успокоить народ, но успеха не добились. Великому государю, присутствовавшему на богослужении в Успенском соборе, пришлось испить чашу унижения до дна. Разгневанные посадские люди выволокли из собора его дядю Юрия Глинского и тут же на площади забили каменьями. Народ разграбил дворы Глинских, перебил их вооруженных слуг «бесчисленно», а заодно и многих государевых дворян. Царю пришлось «утещи» со всем двором в подмосковное село Воробьево. Но село оказалось для царской семьи ненадежным убежищем. На третий день мятежа московский палач скли́кал на площадь огромную толпу. Пострадавшие от пожара горожане громко кричали, что Москву

«попалили колдовством», что виною всему бабка царя «волхова» Анна — она вынимала из людей сердца, мочила их в воде и той водой, летая сорокой, кропила город. Разъяренная толпа «скопом» двинулась в Воробьево, чтобы разделаться с ненавистными правителями.

Появление толпы повергло царя в ужас. По словам Ивана, его жизни грозила опасность, «изменники наустили были народ и нас убити» [1] Боярам с трудом удалось успокоить горожан и убедить их, что Глинских в Воробьеве нет. Вооруженная толпа беспрепятственно вернулась в столицу.

Участники московского восстания принадлежали к разным социальным слоям. Самой активной силой движения были низы — «черные люди», но они не имели определенной политической программы, и их выступление против Глинских напоминало обычный в эпоху средневековья «примитивный бунт» (С. О. Шмидт). «Большие люди» на первых порах также участвовали в выступлении, благодаря чему они смогли со временем добиться от правительства существенных уступок.

В конце концов волнение улеглось, и власти овладели положением в столице. Московские события показали царю Ивану поразительное несоответствие между его представлениями о своих возможностях и подлинным положением дел. С одной стороны, царю внушали, что власть его самодержавна и идет от бога. С другой стороны, первые же шаги самостоятельного правления поставили его лицом к лицу с бунтующим народом, поднявшим руку на царскую семью. Не раз безнаказанно посягавший на чужую жизнь Иван впервые должен был всерьез задуматься о собственном спасении и спасении близких людей.

Московские события стали важной вехой в жизни Ивана IV. Они заставили удалить из Боярской думы скомпрометировавшую себя царскую родню Глинских, обвинявшихся в происшедших перед тем казнях бояр. Князь Михаил не осмелился вернуться в столицу и пытался бежать из своей ржевской вотчины в Литву, но по дороге был схвачен. По настоянию бояр у него отобрали титул конюшего. Казни в Москве прекратились как по мановению руки.

Правительство Глинских пало, и вместе с тем закончилась целая полоса политического развития Русского государства, известная под названием «боярского правле-

ния». Грандиозное московское восстание показало боярским правителям, сколь непрочна их власть. Обнажившийся социальный антагонизм ошеломил власть имущих, на время ослабил боярские распри и во многом определил характер последующих реформ.

ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

К середине XVI в. политический строй России переживал процесс обновления. В ходе объединения страны власть московских государей чрезвычайно усилилась, но не стала неограниченной. Могущественная аристократия была живой носительницей традиций раздробленности, обременявших страну и после того, как разобщенные феодальные княжества объединились в единое государство. Монарх делил власть с аристократией. «Царь указал, а бояре приговорили» — по этой формуле принимались законы, решались вопросы войны и мира. Через Боярскую думу знать распоряжалась делами в центре. Она контролировала также и все местное управление. Бояре получали в «кормление» крупнейшие города и уезды страны.

Название «кормление» произошло от того, что областные управители собирали пошлины в свой карман, т. е. в буквальном смысле кормились за счет населения. Система кормлений была одним из самых архаических институтов XVI в.

Боярская аристократия старалась оградить свои привилегии с помощью местнических порядков. В соответствии с этими порядками служебные назначения определялись не пригодностью и опытностью человека, а его «отчеством» (знатностью) и положением родни (отца, деда и прочих «сродников»). Местничество разобщало знать на соперничавшие кланы и вместе с тем закрепляло за узким кругом знатнейших семей исключительное право на замещение высших постов. К середине XVI в. местничество в значительной мере изжило себя.

Знать ревниво оберегала устаревшие традиции. Но распри и злоупотребления боярских клик в период малолетства Ивана скомпрометировали старый порядок вещей и сделали неизбежной более энергичную перестройку системы управления на новых началах централизации.

После образования единого государства феодальная иерархическая структура претерпела большие изменения. Некогда однородная масса боярства распалась. Старое название «бояре» сохранили за собой лишь крупные землевладельцы, верхний слой феодального класса. Они владели обширными землями и распоряжались ими на правах вотчинников — продавали, меняли, закладывали свою земельную собственность. Низшую и более многочисленную прослойку составляли измельчавшие вотчинники (дети боярские) и слуги великокняжеского двора (старинные холопы, «слуги под дворским»), которых со временем стали именовать дворянами. Служилые люди — дворяне — «держали землю» по большей части на поместном праве. Они владели ею до тех пор, пока несли службу в пользу великого князя. В XVI в. поместье стало ведущей формой феодального землевладения. Через поместную систему великокняжеская власть тесно привязала к себе служилое сословие. В лице помещиков монархия получила массовую и прочную опору. Перемены в структуре феодального сословия ранее всего сказались на армии. Многочисленные «княжие дружины» уступили место единому дворянскому ополчению. В рядах ополчения насчитывалось несколько десятков тысяч средних и мелких дворян. Значение дворянской прослойки настолько возросло, что с ее требованиями должна была считаться любая боярская группировка, стоявшая у кормила власти. Однако непосредственное влияние дворянства на дела управления не соответствовало его удельному весу. Дворяне не имели постоянных представителей в Боярской думе. Местнические порядки прочно закрывали им пути к высшим государственным постам. Дворянство не желало мириться с таким положением дел. Оно требовало привести систему управления в соответствие с новыми историческими условиями.

Московское восстание 1547 г. обнаружило непрочность боярских правительств и тем самым создало благоприятные возможности для выхода дворянства на политическую арену. Именно после восстания впервые прозвучал голос дворянских публицистов, и представителям дворянства был открыт доступ на сословные совещания, или соборы, получившие позже наименование Земских соборов (С. О. Шмидт). Дворянские публицисты выдвинули проекты всестороннего преобразования государственного

строя России. Поток преобразовательных идей в конце концов увлек молодого царя.

В выработке мировоззрения Ивана, как полагают, большую роль сыграл митрополит Макарий, «по чину» занявший место наставника царя. Высокообразованный человек, но посредственный писатель, Макарий обладал качеством, которое помогло ему пережить все боярские правительства и в течение 20 лет пользоваться милостями Ивана. Великий дипломат в рясе ловко приноровлял свою пастырскую миссию к запросам светских властей. Макарий выступил глашатаем «самодержавия». Он венчал «на царство» Ивана и придал новый блеск сильно потускневшей в годы боярского правления идее «богоизбранности» русских самодержцев. Из его уст Иван воспринял мысль, которая стала основой всей его жизненной философии. Глава воинствующей церкви внес большой вклад в разработку идеологии самодержавия, которая была прежде уделом книжников, а затем получила практическое осуществление в деяниях Грозного.

После коронации Грозного и основания «православного царства» Макарий провел церковную реформу. Собранный им духовный собор канонизировал несколько десятков местных угодников, объявленных «новыми чудотворцами». Русская церковь обрела больше святых, чем имела за все пять веков своего существования. Церковная реформа призвана была возвеличить значение национальной церкви и доказать, что солнце «благочестия», померкшее в Древнем Риме и Царьграде, с новой силой засияло в Москве — третьем Риме.

Деятельность Макария оказала воздействие на устремления Ивана. Но влияние митрополита не стало исключительным.

С первых шагов самостоятельного правления Иван близко сошелся с узким кругом высшей приказной бюрократии, приводившей в движение механизм государственного управления. «Бюрократы» принадлежали к самой образованной части тогдашнего общества. Выходцем из низов был знаменитый дьяк Иван Висковатый, который благодаря своим редким дарованиям поднялся с низших на самые высокие ступеньки социальной лестницы. Висковатый оказывал большое влияние на Ивана, но главным любимцем царя стал все же не он, а Алексей Адашев.

Мелкий костромской вотчинник Алексей Адашев не

блистал знатностью и богатством. Не без сарказма царь Иван заметил, что взял Алексея во дворец «от гноища» и «учинил» наравне с вельможами, ожидая от него «прямой службы». Адашев в самом деле являл собой образец «прямого слуги», но этих достоинств было недостаточно, чтобы сделать успешную карьеру при дворе. Своим успехом Адашев (как и Висковатый) был обязан удачной службе в приказах — новых органах центрального управления. Карьера будущего царского любимца началась со службы в Челобитенном приказе. Этот приказ служил своего рода канцелярией царя, в которой рассматривались поступавшие на государево имя «изветы». Из Челобитенного приказа Адашев перешел в Казенный приказ и служил там столь успешно, что вскоре же получил чин государственного казначея, который открыл перед ним двери Боярской думы. В конце концов Адашев, по образному выражению современников, начал «править Рускую землю», сидя в приказной избе у Благовещенского собора.

Порожденная процессом политической централизации, высшая приказная бюрократия не случайно стала проводником идеи преобразования государственного аппарата. Адашевский кружок осуществил эту идею на практике. Реформы явились важной вехой в политическом развитии страны. В кремлевские терема пришли новые люди. Знакомство с ними составило целую эпоху в жизни Ивана. Перед Иваном раскрылись неведомые ранее горизонты общественной деятельности. Приближалась пора зрелости. Скрытая неприязнь царя к «великим боярам» получила новую пищу и новое направление.

Реформаторы впервые заявили о себе после созыва так называемого «собора примирения» 1549 г. Помимо Боярской думы и церковного руководства на этом совещании присутствовали также воеводы и дети боярские. Выступая перед участниками собора, 18-летний царь публично заявил о необходимости перемен. Свою речь он начал с угроз по адресу бояр-кормленщиков, притеснявших детей боярских и «христиан», чинивших служилым людям обиды великие в землях. Обличая злоупотребления своих вельмож, Иван возложил на них ответственность за дворянское оскудение.

Критика боярских злоупотреблений, одобренная свыше и как бы возведенная в ранг официальной доктрины, способствовала пробуждению общественной мысли в России.

Челобитная Ивана Пересветова. Государственный исторический музей

Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Передовые мыслители приступили к обсуждению назревших проблем преобразования общества. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов. Он родился в Литве в семье мелкого шляхтича и исколесил почти всю Юго-Восточную Европу, прежде чем попал на Русь. Уцелевшие члены семибоярщины еще располагали в то время некоторым влиянием в Москве. Один из них, М. Юрьев, обратил на Пересветова внимание, после того как ознакомился с его проектом перевооружения московской конницы щитами македонского образца. (Как видно, обстановка не благоприятствовала составлению более широких преобразова-

тельных проектов.) Как бы то ни было, Пересветов заручился поддержкой Юрьева и устроил свои материальные дела. После смерти покровителя приезжий дворянин впал в нищету. Наступивший период боярского правления стал в глазах Пересветова олицетворением всех общественных зол, которые губили простых «воинников» и грозили полной гибелью царству.

Проведя многие годы в бедности, Пересветов мгновенно оценил благоприятные возможности, связанные с наметившимся в конце 40-х годов поворотом к реформам. Улучив момент, прожектер подал царю свои знаменитые челобитные. Простой «воинник» оказался одним из самых талантливых писателей, выступивших с обоснованием

идеологии самодержавия. Опасаясь прямо критиковать московские порядки, что было делом небезопасным, Пересветов прибегнул к аллегориям и описал в качестве идеального образца неограниченной дворянской монархии грозную Османскую империю, построенную на обломках греческого царства. Православное греческое царство царя Константина, рассуждал публицист, погибло из-за вельмож, из-за «ленивых богатинов», зато царство Магомет-Салтана процветает благодаря его «воинникам», которыми он «силен и славен». Воззрения Пересветова поражали современников своей широтой, в некоторых отношениях он обгонял свое время. Публицист писал, что о поступках людей надо судить по их «правде», ибо «бог не веру любит, а правду». Он призывал освободить «похолопленных» воинов. «Которая земля порабощена,— замечал писатель,— в той земле зло сотворяется... всему царству оскудение великое». Замечательно, что Пересветов обходил полным молчанием вопрос о земельном обеспечении служилых людей, а между тем именно этот «великий вопрос» тогдашнего времени более всего волновал феодальное дворянство. Публицист предполагал, что служилых людей достаточно обеспечить жалованьем, а необходимые денежные средства можно получить с горожан при условии введения твердых цен на городских рынках. Пересветов советовал царю быть щедрым к «воинникам» («что царская щедрость до воинников, то его и мудрость») и призывал «грозу» на голову изменников-вельмож. Пересветов первый четко выразил мысль о том, что преобразование системы управления и военной службы в России немыслимо без ограничения политического господства знати, без приобщения к государственным делам дворянства. Пересветов смело и страстно протестовал против боярского засилия в России. Дерзкие обличения по адресу высших сановников государства — бояр — неизбежно привели бы безвестного шляхтича в тюрьму или на плаху, если бы за его спиной не стояли новые покровители — партия реформ.

Возглавленная Адашевым партия реформ стала ядром правительства, получившего в литературе не вполне удачное наименование Избранной рады. Молодой царь Иван IV стал своего рода рупором нового направления. После «собора примирения» он выступил перед так называемым Стоглавым собором со знаменитыми «царскими вопроса-

ми», содержавшими обширную программу преобразований. В своей речи к членам собора глава государства затронул и экономические вопросы (например, вопрос о внутренних таможенных барьерах), и вопросы социальные (такие, как ограничение местничества, всеобщая перепись земель, пересмотр землевладения, судьба кормлений). «Царские вопросы» показывают, сколь глубоко захвачен был царь преобразовательным течением. Споры, рожденные проектами реформ, и первые попытки их осуществления стали той практической школой, которой так недоставало Ивану. Они шлифовали его пытливый от природы ум и формировали его как государственного деятеля.

В 1549 г. «собор примирения» принял решение о том, чтобы исправить Судебник «по старине». Приказы приступили к делу немедленно и год спустя передали на утверждение думы новый Судебник. В центре законодательной работы, по-видимому, стоял Казенный приказ, возглавляемый казначеями. Не случайно в период подготовки нового кодекса законов А. Адашев получил чин казначея. Как только работа над Судебником подошла к концу, Адашев покинул Казенный приказ.

Составители судебника не внесли изменений в те законы государства, которые определяли взаимоотношения феодалов и крестьян. Нормы Юрьева дня были сохранены без больших перемен. Крестьяне по-прежнему могли покинуть землевладельца в течение двух недель на исходе осени. Свое внимание законодатели сосредоточили на проблеме совершенствования системы центрального и местного управления. Новый Судебник ускорил формирование приказов, расширил функции служилой приказной бюрократии, несколько ограничил власть наместников-кормленщиков на местах. Новые статьи Судебника предусматривали непременное участие выборных земских властей — старост и «лучших людей» — в наместничьем суде.

Одновременно с судебной реформой кружок Адашева занялся упорядочением местничества. В военном деле анахронизм местнических порядков ощущался особенно остро. Назначения на высшие воеводские посты по принципу «породы» и знатности приводили на поле брани подчас к катастрофическим последствиям. Боярская дума и знать не допустили отмены местничества, чего требовали дворянские публицисты. По этой причине «приговоры» о

местничестве носили половинчатый, компромиссный характер. Они воспрещали воеводам вести местнические споры в период военных действий, а кроме того, вносили некоторые перемены в структуру военного командования. Новые законы позволили правительству назначать в товарищи к главнокомандующему (непременно самому «породистому» из бояр) менее знатных, но зато более храбрых и опытных воевод, которые отныне ограждались от местнических претензий всех других воевод. В реформе местничества борьба за расширение сословных привилегий среднего дворянства сочеталась с интересами карьеры семейства Адашева, представители которого получили вскоре самостоятельные воеводские назначения. В глазах Алексея Адашева первые преобразования имели особую цену. Недаром перед самой отставкой он воскресил в памяти свой успех и неуместно включил отчет о реформе в последние тома летописи, над которыми тогда работал. «А воевод,— писал он,— государь прибирает, разсуждая их отечество (знатность!) и хто того дородитца, хто может ратной обычай сдержати». Рассуждения Адашева были далеки от радикальных требований Пересветова об уничтожении местничества. Его реформы сохранили незыблемыми местнические порядки и лишь внесли в них небольшие поправки.

В связи с упорядочением административной и военной службы правительство предполагало отобрать из знати и дворянства тысячу «лучших слуг» и наделить их поместьями в Подмосковье. Будучи поблизости от столицы, «лучшие слуги» в любой момент могли быть вызваны в Москву для ответственных служебных поручений. Подготовлявшаяся реформа должна была приобщить цвет провинциального дворянства к делам управления.

Среди историков нет одного единого мнения по вопросу о судьбе этой реформы. И. И. Смирнов считал организацию «тысячи» одним из важных достижений Избранной рады. По мнению А. А. Зимина, проект не получил практического осуществления.

В целях укрепления вооруженных сил правительство Адашева приступило к организации постоянного стрелецкого войска и сформировало трехтысячный стрелецкий отряд для личной охраны царя. Стрелецкие войска зарекомендовали себя с лучшей стороны в военных кампаниях последующих лет.

Основной боевой силой русской армии в XVI в. оставалось, впрочем, феодальное ополчение, состоявшее в массе своей из мелких дворян. Необеспеченность этих дворян землями подрывала боеспособность ополчения. Правительство многократно обсуждало проблему перераспределения земельных богатств в пользу дворянства. Этой теме посвящены были по крайней мере 5 из 12 вопросов, представленных царем Стоглавому собору. Аргументируя необходимость земельного «передела», Иван указывал на то, что в годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели: «у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». В вопросах митрополиту царь просил рассмотреть, каковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они «с них служили», и приговорить, «недостальных как пожаловати».

Проекты «землемерия» приобрели широкую популярность в среде дворянства. Однако осуществление их натолкнулось на сугубо практические трудности: откуда было взять необходимые служилой мелкоте земли? Дворяне не прочь были поправить свои дела за счет церкви. Земельные богатства духовенства возбуждали в них зависть. В центральных уездах страны монастыри успели завладеть примерно $^1/_3$ населенных крестьянами земель. Ни в одной стране, писали иностранцы, нет такого количества монастырей и монашествующей братии, как в России.

Русские монахи вовсе не походили на «живых мертвецов», ушедших от мирских дел. Они промышляли торговлей и ростовщичеством, что позволило им скопить большие денежные богатства. Располагая средствами, монахи скупали земли разоренных вотчинников. Власти с тревогой следили за тем, как монастыри округляют свои владения за счет служилых земель. Наконец были попытки частичной секуляризации церковных имуществ. Эти попытки получили поддержку со стороны «заволжских старцев», вызванных царем в Москву. Старцы эти издавна жили в скитах, разбросанных в глухих лесистых местах вокруг Кириллова монастыря. Первооснователь заволжских скитов Нил Сорский и его последователи учили чернецов жить «нестяжательно» по пустыням, не владеть имуществом и кормиться своим «рукоделием». «Нестяжа-

тели» допускали известную свободу в толковании священного писания и отвергали методы инквизиции. Кроме того, они критиковали реформу, проведенную Макарием, и не верили в «новых чудотворцев». Вождь нестяжателей старец Артемий настойчиво советовал ограничить земельные богатства церкви и предлагал «села отнимати у монастырей». На Стоглавом соборе правительство открыто поставило вопрос о будущих судьбах монастырского землевладения. «Достойно ли монастырям приобретать земли?» — значилось в одном из царских вопросов к собору.

Покушение на земельные богатства церкви встретило решительное противодействие со стороны воинствующих церковников — осифлян. Так называли себя последователи Иосифа Волоцкого, главного противника Нила Сорского и нестяжателей. Осифлянское большинство сплотилось вокруг Макария и провалило правительственную программу секуляризации. Правительству удалось лишь частично осуществить свои замыслы. В мае 1551 г. был издан указ о конфискации всех земель и угодий, переданных Боярской думой епископам и монастырям после смерти Василия III. Закон полностью запрещал церкви приобретать новые земли без доклада правительству. Задавшись целью воспрепятствовать выходу земель «из службы», власти ввели некоторые ограничения в отношении княжеско-вотчинного землевладения. Князьям воспрещалось продавать и отказывать свои вотчины в пользу церкви без особого на то разрешения. Земли, уже переданные монастырям без доклада, подлежали конфискации и обращались в поместную раздачу.

Осуществление нового земельного законодательства позволило правительству несколько пополнить фонд поместных земель за счет церковных и отчасти княжеских вотчин. Но основные земельные богатства церкви остались все же нетронутыми. Церкви удалось отстоять земельные владения, но она должна была поступиться значительной частью своих податных привилегий — «тарханов».

Со времен феодальной раздробленности обладатели «тарханов» — знать и князья церкви — не платили в казну податей с принадлежавших им земель. Приступив к реформам, власти задались целью ограничить действие «тарханов». Царский Судебник предписывал «тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты

поимати у всех». Как показал Н. Е. Носов, действие нового закона испытали на себе привилегированные землевладельцы и светского и духовного звания.

Власти довершили реформу податного обложения, объявив о введении «большой сохи». Размеры этой окладной единицы определялись сословной принадлежностью землевладельца. Черносошные (государственные) крестьяне оплачивали соху в 500, церковные феодалы — в 600, служилые землевладельцы и дворец — в 800 четвертей «доброй земли». Таким образом, светские феодалы получили ощутимые налоговые льготы по сравнению с духовенством и особенно крестьянами.

Меры против «тарханов» подрывали систему феодального иммунитета и способствовали осуществлению программы дворянских преобразований. Реформа сохи также шла навстречу требованиям дворянства.

Первые реформы Адашева имели важное значение: они способствовали укреплению централизованной власти и в известной мере удовлетворяли интересы дворянства. Но эти реформы носили в целом компромиссный характер. Консервативное боярство неохотно уступало свои позиции служилым людям. Необходимо было примирить противоположные устремления знати и дворянства, чтобы дать реформам новый толчок. Помимо Адашева решению этой задачи более всего способствовал придворный священник Сильвестр. Для Ивана этот священник стал подлинным учителем жизни.

Сильвестр родился в Новгороде в семье небогатого священника и избрал духовную карьеру. Из Новгорода Сильвестр перебрался в столицу и получил место в кремлевском Благовещенском соборе. Благовещенский поп, «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко» (так он именовал себя), выделялся своим бескорыстием в толпе стяжателей, сребролюбивых и пьяных князей церкви. Положение при дворе открыло перед ним блистательные перспективы. При его влиянии он без труда мог бы занять доходное епископское место или пост настоятеля монастыря. Но он никогда не умел устроить своих дел. После пожара перед Сильвестром открылась возможность получить «протопопствие» и даже официальный пост царского духовника, но он не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине.

Благовещенский поп, надо полагать, принадлежал к образованным кругам духовенства. Он обладал неплохой для своего времени библиотекой. Некоторые книги ему подарил Иван IV из царского книгохранилища. Возможно, Сильвестр даже знал греческий язык. Иван немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании, но после разрыва с ним царь перестал признавать умственное превосходство бывшего наставника и наградил его нелестным прозвищем «поп-невежа». Этот эпитет свидетельствовал скорее о раздражении царя, нежели о необразованности Сильвестра.

Известно, что Сильвестр составил или во всяком случае отредактировал знаменитый Домострой. Формально он посвятил этот сборник наставлений своему сыну Анфиму. Но имеются основания предполагать, что Домострой имел в виду также и молодого царя. Иван IV, только вставший на стезю семейной жизни, нуждался в наставлениях, тем более что сам он рос сиротой. На первых страницах Домостроя Сильвестр учил вере в бога и тут же переходил к более важной теме: «како чтити детем отца духовнаго и повиноваться им во всем». Обязанности Ивана IV по отношению к его отцу духовному были расписаны во всех подробностях. Питомцу вменялось в обязанность призывать духовника «к себе в дом часто», к нему приходити и приношение ему давати «по силе», советоваться с ним часто «о житии полезном», «како учити и любити мужу жену свою», как каяться, как покоряться перед духовником во всем, а если духовник будет о ком-нибудь «печаловатися», как его «послушаться» [1]. Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Сильвестр воспользовался покорностью питомца и через Домострой старался всесторонне регламентировать его жизнь: учил, как следует посещать церкви, ездить на богомолье, вершить всевозможные житейские дела. Придет время, и царь будет жаловаться на притеснения, которым Сильвестр подвергал его во время путешествий и отдыха, в хождении в церковь и во всяких других делах [2]. Как видно, Сильвестр был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против пережившей себя опеки со стороны наставника, он произнес много горьких слов по его адресу. При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших

и незначительных делах «мне ни в чем не давали воли как обуваться, как спать — все было по желанию наставников, я же был как младенец» [3]. Как бы то ни было, пора ученичества не прошла для Ивана бесследно.

После знаменитого московского пожара 17-летний Иван дал Сильвестру первое ответственное поручение. Священник должен был восстановить роспись кремлевских соборов, пострадавшую от огня. Сильвестр вызвал иконописцев из родного города и, «доложа царя государя», велел им браться за дело. Стены Золотой палаты покрылись нравоучительными картинами, изображавшими юношу царя в образе то справедливого судьи, то храброго воина, то щедрого правителя, раздающего нищим золотники. Средствами живописи Сильвестр старался оказать воздействие на эмоции питомца и вскоре преуспел в этом деле.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. Его преданность религии граничила с экзальтацией: поп слышал небесные голоса, ему являлись видения. В придворной среде немало злословили по поводу новоявленного пророка. Даже Курбский, хваливший царского наставника, смеялся над его «чудесами». По словам этого писателя, Сильвестр злоупотреблял легковерием Ивана, рассказывая ему о своих видениях («аки бы явление от бога»). Не знаю, замечает Курбский, были ли эти чудеса истинными или же Сильвестр выдумывал их ради того, чтобы напустить на ученика «мечтательные страхи», унять его буйства и исправить «неистовый нрав» [4].

Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Фанатик зажег в душе Ивана искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в этом увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. По временам, в минуты крайнего нервного напряжения, у него случались галлюцинации. Под стенами Казани в ночь перед решающим штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря.

Первоначально Сильвестр ограничивался поучениями морального и житейского толка. Осложнение политической ситуации после Казанской войны позволило ему взять на себя роль политического советника Грозного. С появлением в правительстве Сильвестра формирование Избранной рады завершилось.

ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ

Наряду с осуществлением внутренних преобразований кружок Адашева разработал обширную внешнеполитическую программу. Центральным пунктом ее была активная восточная политика. В первый момент после крушения Золотой орды казалось, что татарская сила никогда более не соберется воедино. Однако после того как турки-османы покорили Крымское ханство, возникла реальная опасность соединения татарских юртов под эгидой Османской империи. Москве удалось на время подчинить своему влиянию Казанское ханство, но затем в Казани водворились крымские Гиреи.

Казанские феодалы производили постоянные набеги на Русь. Их подвижные отряды разоряли не только пограничные уезды, но выходили к Владимиру, Костроме и далекой Вологде. «От Крыма и от Казани,— писал позже царь Иван,— до полуземли пусто бяше»[1]. Захваченных на Руси «полоняников» татары обращали в рабство и заставляли работать в своих усадьбах и на полях. Русских невольников продавали на рынках рабов в Астрахани, Крыму и Средней Азии.

Казанское ханство отличалось внутренней непрочностью. Покоренные татарскими феодалами разноязычные народы Поволжья — чуваши, мордва, мари, удмурты, башкиры ждали случая избавиться от татарской власти. Постоянные раздоры казанских мурз держали ханство в состоянии неприкращавшихся междоусобиц. В 1545—1546 гг. борьба между крымской и московской «партиями» в Казани привела поочередно к изгнанию сначала крымского ставленника хана Сафа-Гирея, а затем московского слуги Шах-Али. Начиная с этого момента Москва выдвинула план окончательного сокрушения Казанского ханства.

Церковное руководство старалось придать войне с казанцами характер священной борьбы против неверных «агарян». Среди дворян планы завоевания Казани приобрели широкую популярность. «Подрайская» казанская землица давно привлекала к себе их взоры. Выражая настроения служилых людей, Пересветов писал: мы много дивимся тому, что великий сильный царь долго терпит под пазухой такую землицу и кручину от нее вели-

кую принимает. «Хотя бы таковая землица угодная и в дружбе была, ино было ей не мочно терпети за такое угодие» [2].

Русская армия дважды предпринимала наступление на Казань в 1548—1550 гг., но не добилась успеха. В первый раз она застряла под Нижним Новгородом, не сумев переправиться за Волгу из-за раннего таяния льда на реке. Иван IV вернулся из этого похода «со многими слезами». Во второй раз царские воеводы осаждали Казань 11 дней. Накануне третьего похода русские выстроили на правом берегу Волги против Казани крепость Свияжск. Напуганные военными приготовлениями царя казанцы «добили ему челом» и пустили в Казань царского вассала Шах-Али. Но Шах-Али не удалось усидеть на казанском троне. В 1552 г. Казанский край вновь был охвачен пламенем войны. Последнее решающее наступление на Казань началось движением армии А. Б. Горбатого к Свияжску. Крымские татары пытались помешать русским планам и напали на Тулу. После изгнания крымцев из южных уездов Руси московские рати двинулись на восток. В конце августа русские обложили Казань и подвергли бомбардировке ее деревянные стены. Против главных Царевых ворот они выстроили трехъярусную осадную башню, достигавшую 15-метровой высоты. Установленные на ней орудия вели по городу убийственный огонь. Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Взрыв порохового заряда разрушил колодцы, снабжавшие город водой. 2 октября последовал общий штурм крепости. На узких и кривых улицах города произошла кровопролитная сеча. Татарская столица пала.

Под стенами Казани более всех отличился воевода князь Александр Горбатый. Участник казанского взятия Курбский называл его великим гетманом царской армии. В первые дни осады многочисленное татарское войско, действовавшее вне стен крепости, постоянными нападениями тревожило русский лагерь. Горбатый заманил это войско в ловушку и разгромил его. Через несколько месяцев после окончания похода Сильвестр с ведома царя обратился к Горбатому с посланием, в котором писал, что Казань взята «царским повелением, а вашим храбрьством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти» [3].

Осада Казани. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

Что касается молодого царя, то он довольствовался почетной, но на деле второстепенной ролью в общем военном руководстве. Даже недоброжелатели признавали, что Иван IV, будучи одним из ревностных поборников Казанской войны, много раз, не щадя здоровья, ополчался на врагов. Однако в ходе военных действий царь не выказал больших дарований. В первые дни осады он участвовал в расстановке полков, ездил «во все дни и в нощи» вокруг татарской крепости. В дальнейшем Иван стоял со своим полком в версте от крепости. По решению боярского совета государев полк предполагалось ввести в дело в день последнего штурма 2 октября. Начало общего штурма застало Ивана в походной церкви за молитвой. Дваж-

ды воеводы присылали к Ивану с напоминанием, что ему пора выступать. Но царь не пожелал прервать молитву. Когда государев полк появился, наконец, под стенами крепости, на них уже развевались русские знамена. Промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках. Курбский передает, будто в критический момент сражения на улицах города воеводы приказали развернуть государеву хоругвь возле главных городских ворот, «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша».

Боярский совет настоятельно советовал Ивану не покидать завоеванный край в течение зимы, чтобы довершить победу и окончательно замирить его. Но царь спешил в Москву.

С падением Казани война на восточной границе не прекратилась. Прошло четыре года, прежде чем русским удалось справиться с «казанским возмущением». Вслед за Казанью царские войска овладели Астраханью. Разгром Казанского и Астраханского ханств положил конец трехвековому господству татар в Поволжье. В сферу русского влияния попала обширная территория от Северного Кавказа до Сибири. Башкиры объявили о добровольном присоединении к России. Вассалами царя признали себя правители Большой ногайской орды и Сибирского ханства, пятигорские князья и Кабарда на Северном Кавказе.

Успехи на востоке имели большое значение для исторических судеб России. Овладение всем волжским торговым путем открыло перед Россией богатые восточные рынки и способствовало оживлению ее внешней торговли. Началась интенсивная колонизация русским крестьянством плодородных земель Среднего Поволжья. Народы Поволжья были избавлены от гнета татарских феодалов. Но на смену старому гнету пришел гнет царизма.

ПОРА ЗАГОВОРОВ

Семилетняя Казанская война надолго отвлекла внимание кружка Адашева от внутренних преобразований. Немалое влияние на последующие события оказал династический кризис, вызванный тяжелой болезнью Ивана.

Поспешность, с которой царь покинул армию и уехал в Москву, объяснялась тем, что его жена ждала ребенка.

Возвращение победителей в Москву сопровождалось настоящим триумфом. Царь въехал в столицу на коне, в полном воинском доспехе, посреди блестящей свиты. Множество народа ждало Ивана в полях за городскими стенами и провожало его до кремлевских ворот. «И старые и юные,— говорит летописец,— вопили великими гласами, так что от приветственных возгласов ничего нельзя было расслышать».

Едва наступили морозы, Иван поспешил в Троицу, где монахи окрестили его сына царевича Дмитрия. Но, когда кончилась зима и наступили первые весенние дни, Иван вдруг занемог «тяжким огненным недугом» [1]. Он бредил в жару, перестал узнавать близких людей. Кончины его ждали со дня на день. Вечером 11 марта 1553 г. ближние бояре присягнули на верность наследнику престола грудному младенцу Дмитрию. Общая присяга для членов Боярской думы и столичных чинов была назначена на 12 марта.

О событиях, происшедших 12 марта, сообщает один-единственный источник, достоверность которого сомнительна. Этот источник — знаменитая приписка к тексту официальной летописи. Почти все историки согласны между собой в том, что царь Иван был непосредственно причастен к составлению названной приписки.

Из летописного рассказа следует, будто 12 марта бояре открыто отказались присягнуть на верность младенцу, ввиду чего в думе произошел «мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленечнику служити». Среди общего шума и брани тяжелобольной царь дважды обращался к боярам с «жестким словом». Государевы речи будто бы произвели магическое действие на крамольников: «бояре все от того государского жесткого слова поустрашилися и пошли в переднюю избу (крест) целовати» [2].

Внимательное рассмотрение летописного рассказа обнаруживает в нем множество противоречий и недомолвок. Во-первых, царь был в столь тяжелом состоянии, что бояре вынуждены были провести церемонию присяги в передней избе. Очевидно, у больного не было сил для произнесения речей. Во-вторых, летописец не мог назвать по имени ни одного «мятежника», который бы отказался присягнуть наследнику. Перед началом церемонии боярин князь Иван Шуйский заявил, что крест следует целовать

в присутствии царя, но его протест вовсе не означал отказа от присяги по существу. Причиной недовольства старейшего боярина было то, что руководить церемонией поручили не ему, а молодому боярину Воротынскому. Несколько нелестных замечаний по адресу Воротынского высказал боярин Пронский, но и он тут же «исторопяся» поцеловал крест. Близкий к царю Федор Адашев заявил, что целует крест наследнику, а не Даниле Захарьину с братьями. «Мы уж от бояр до твоего (царя) возрасту беды видели многие»,— заявил он при этом. Таким образом, Адашев вслух выразил разделявшуюся многими тревогу по поводу опасности возврата к боярскому правлению.

Критический разбор летописного известия о «мятеже» в думе позволяет установить, что боярские прения носили в целом благонамеренный характер, никто не оказал открытого неповиновения и царь попросту не имел повода к произнесению «жесткого слова». Можно догадаться, что само это слово было сочинено много лет спустя и тогда же вставлено в летопись.

Более достоверный характер носят сведения летописи о том, что родня царя — Старицкие втайне готовились к захвату власти в случае смерти Ивана IV. В дни царской болезни князь Владимир и его мать вызвали в Москву удельные войска и демонстративно раздавали им жалованье. Верные Ивану люди потребовали объяснений, тогда Старицкие стали «вельми негодовати и кручиниться на них». В итоге удельному князю воспретили доступ в покои больного.

В день общей присяги удельно-княжеская семья вела себя вызывающе. Приглашенный во дворец князь Владимир наотрез отказался присягать младенцу-племяннику и даже угрожал боярину Воротынскому немилостью. Протест Старицкого не имел последствий. Подходящее время было упущено: все члены думы уже присягнули наследнику. Ближние бояре пригрозили Владимиру тем, что не выпустят его из хором, и принудили целовать крест поневоле. Мать претендента Евфросиния оказалась более упорной. Ближние бояре трижды ходили к ней на двор, прежде чем она согласилась скрепить крестоцеловальную запись княжеской печатью. Князь Владимир не имел достоинств, которые могли бы подкрепить его претензии на трон. Не очень смышленый, вялый юноша, проведший

раннее детство в тюрьме, не играл в событиях самостоятельной роли. Душою интриги была Евфросиния, обладавшая неукротимым характером и глубоко ненавидевшая царя Ивана. Она не могла простить племяннику и его матери гибели мужа и последующих унижений.

Многие знатные бояре выражали сочувствие Старицким. На то были свои причины. В случае перехода трона к «пеленочнику» Дмитрию управлять страной от его имени должен был регентский совет во главе с братьями царицы боярами Захарьиными. Но в глазах княжеской аристократии Захарьины были людьми совсем «молодыми» и худородными. Их стремление «узурпировать» власть вызвало сильное негодование в Боярской думе. Осуждению подверглись не только Захарьины, но и вся царская семья. Сторонник Старицких боярин князь С. Ростовский во время тайной встречи с литовским послом, происшедшей вскоре после болезни царя, четко выразил отношение бояр к возможному регентству Захарьиных, сказав, «что их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочер взял, понял робу свою и нам как служити своей сестре?»[3] Знать, пережившая правление Елены Глинской, недвусмысленно заявляла, что не допустит к власти царицу Анастасию Романовну и ее родню.

Когда князь Ростовский был взят под стражу и подвергнут допросу, он сознался, что в марте 1553 г. княгиня Евфросиния звала его на службу к князю Владимиру и что в тайных совещаниях сторонников Старицких вместе с ним участвовали многие бояре. Накануне дня присяги боярин князь Д. И. Немой тайно убеждал членов думы служить дяде «мимо племянника». «А как де служити малому мимо старого?— говорил он.— А ведь де нами владети Захарьиным». Бояре — князь П. Щенятев и другие — также втихомолку говорили: «Чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — князю Володимеру Ондреевичу». Если верить летописным припискам, симпатии Старицким выражали даже ближние люди царя. Князь Курлятев уклонился от присяги, сказавшись больным. Другой ближний боярин князь Палецкий, поцеловав крест наследнику, тут же уведомил Старицких, что готов им служить. На-

ставник царя Сильвестр открыто осудил решение Захарьиных не допускать Старицких в царские палаты. «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Брат вас, бояр, государю доброхотнее»,— будто бы заявил он. «И оттоле,— заключает автор приписок к летописи,— бысть вражда межи бояр (Захарьиных) и Селиверстом и его съветники» [4].

Исход династического кризиса зависел в значительной мере от позиции церкви. Но официальное руководство церкви ничем не выразило своего отношения к претензиям Старицких. Замечательно, что летописные приписки вовсе не называют имени Макария и не упоминают о его присутствии на церемонии присяги, немыслимой без его участия. Это наводит на мысль, что ловкий владыка предпочел умыть руки в трудный час междоусобной борьбы и сохранил нейтралитет в борьбе между Захарьиными и Старицкими.

Дело клонилось к заговору против наследника и регентов. Но заговорщики не успели осуществить своих намерений. Планы дворцового переворота потерпели неудачу: царь выздоровел, и вопрос о престолонаследии утратил остроту.

Оправившись от болезни, царь Иван отправился с семьей на богомолье в Кириллов монастырь. Там он имел долгую беседу с престарелым советником Василия III старцем Вассианом Топорковым. Вассиан снискал известность как сторонник сильной монархической власти, и царь, узнавший кое-что о недавнем заговоре, говорил с ним относительно обнаружившейся крамолы. Между прочим, Иван задал старцу вопрос: «Како бы могл добре царствовати и великих и сильных своих в послушестве имети?» В ответ Топорков настойчиво советовал царю ограничить влияние боярства. Предостережения старца касались не одной только знати. Доказательством тому служат жестокие гонения против нестяжателей и еретиков, происшедшие тотчас после возвращения Ивана IV из Кириллова.

Будучи человеком от природы любознательным, царь не чуждался иноверцев. Он охотно приглашал к себе немца Ганса Шлитте и расспрашивал его об успехах наук и искусства в Германии. Рассказы сведущего иноземца так увлекли царя, что он под конец отправил его в Германию с поручением разыскать там и пригласить в Моск-

ву искусных врачей, ремесленников и даже ученых богословов.

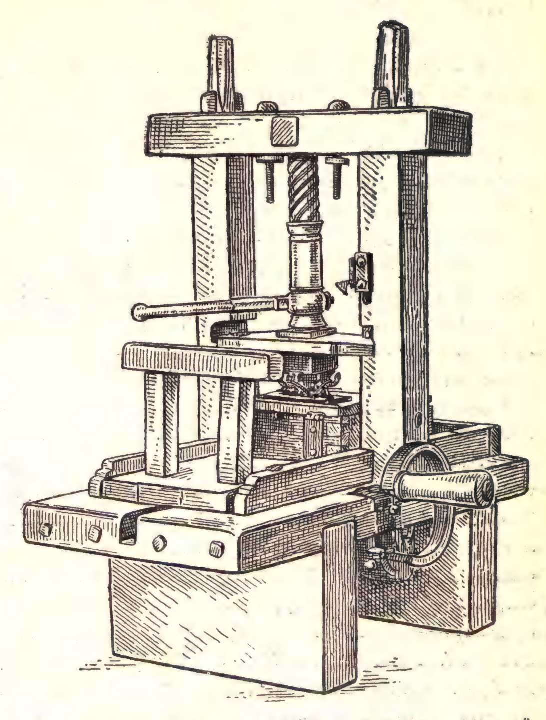
Заветным желанием Ивана было заведение в России книгопечатания. Неизвестно, по чьему совету царь обратился в Данию с просьбой прислать печатника. Король Христиан III отозвался на его обращение и в 1552 г. направил в Москву мастера Ганса Миссенгейма с типографскими принадлежностями и Библией в немецком переводе Лютера.

Православное духовенство отнеслось к миссии датского печатника с крайним подозрением. Самое беглое знакомство с привезенными им книгами обнаружило их еретический характер. Церковь всеми силами воспротивилась введению на Руси печатного дела, усмотрев в этом козни датских еретиков.

Расследование по поводу датских «люторов» вскоре обнаружило крайне неприятные для церковного руководства факты. Выяснилось, что ересь уже пустила корни на святой Руси. Первым забил тревогу Сильвестр, объявивший царю, что в Москве «прозябе ересь и явися шатание в людех в неудобных словес о божестве». Иван призвал к себе заподозренного в ереси дворянина Матвея Башкина и велел ему читать и толковать Апостол. Ознакомившись с «развратными» взглядами Матвея, царь приказал посадить еретика в подклеть на царском дворе и нарядил следствие. Оказалось, что ересь свила себе гнездо при дворе старицкого удельного князя. Главными сообщниками еретика были дворяне Борисовы, троюродные братья и видные придворные княгини Евфросинии. Башкин и Борисовы проповедовали неслыханные идеи: они называли иконы «идолами окаянными», отрицали официальную церковь, «хулили» самого Христа и называли баснословием священное писание. Кроме того Башкин осуждал рабство и требовал упразднить холопство.

По решению священного собора еретики были преданы анафеме. После пыток Матвей Башкин был заточен в тюрьму Иосифо-Волоколамского монастыря. Его брат Федор Башкин был приговорен к смерти и предан публичному сожжению. Иван Борисов отправился в ссылку на далекий остров Валаам.

В связи с судом над Башкиным дьяк Иван Висковатый обвинил в пособничестве еретикам Сильвестра и вождя нестяжателей Артемия. Осифляне подхватили эти



Модель печатного станка XVI в. Государственный исторический музей

обвинения, в результате чего Артемий был отлучен от церкви и отправлен на вечное заточение в Соловки.

Будучи ортодоксом, Висковатый назвал еретической роспись Благовещенского собора в Кремле, выполненную под наблюдением Сильвестра. Не один год дьяк, пытаясь скомпрометировать Сильвестра, «возмущал народ» против новых икон. Сильвестр не остался в долгу и обратился к царю с посланием против «избных» (приказных) людей, впавших в «бесстыдство». Руководство церкви не поддержало Висковатого. Сомнения по поводу новых икон слишком близко затрагивали митрополита да и лично царя, одобривших роспись придворного собора. Еще боль-

шее значение имел тот факт, что Сильвестр отдал на расправу осифлянам своих недавних союзников — нестяжателей.

Едва закончились процессы над еретиками, как вскрылись новые подробности относительно заговора приверженцев Старицких. Опасаясь разоблачения, некоторые из них готовились бежать за рубеж. Боярин С. Ростовский выдал литовскому послу важные решения Боярской думы и пытался убедить его отказаться от заключения мира с Москвой, поскольку царство оскудело, а Казани царю «не сдержати, ужжо ее покинет» [5]. Изменник просил посла предоставить ему убежище в Литве. Вскоре С. Ростовский снарядил к королю сына Никиту, с тем чтобы получить охранные грамоты для проезда за рубеж. Но пограничная стража схватила Никиту на литовском рубеже, и измена раскрылась. Преданный суду боярин Ростовский сделал чрезвычайно важные признания относительно заговора Старицких. Положение Старицких окончательно пошатнулось. Мало того, что при их дворе свили гнездо еретики. Князь Владимир и его мать оказались повинны также в антиправительственных интригах. В Москве ждали суда и казней. Но расследование было прекращено благодаря вмешательству духовенства и Боярской думы. За тягчайшие государственные преступления боярский суд приговорил Ростовского к смертной казни и послал его «на позор» вместе с товарищами. Однако в последний момент опальному боярину объявили о помиловании и после наказания батогами сослали в тюрьму на Белое озеро.

Князь Ростовский обязан был жизнью Сильвестру. Наставник царя воспользовался правом «печалования» за опальных, чтобы окончательно замять дело о боярском заговоре в пользу Владимира Андреевича. Старицкие вполне оценили заслуги скромного придворного проповедника. Сильвестр стал частым советчиком у княгини Евфросинии и завоевал ее «великую» любовь.

Благовещенский поп нашел себе и других влиятельных покровителей. Ими были знаменитый воевода князь В. А. Горбатый и князь Д. Курлятев-Оболенский. Придет время, и Иван IV упрекнет своего учителя за то, что тот злоупотребил его доверием и «препустил» Курлятева в ближнюю царскую думу. Ближняя дума служила средоточием высшей власти, последней инстанцией

в решении всех важнейших вопросов. Через Курлятева Сильвестр смог влиять на деятельность органа, в состав которого он формально не входил.

Время наибольшего могущества Сильвестра и Курлятева ознаменовалось широкой раздачей думных чинов представителям высшей титулованной знати. Вместе с думными титулами новоиспеченным боярам были переданы из казны десятки тысяч четвертей земли, тысячи крестьянских дворов.

Редактор, правивший официальную летопись после отставки Сильвестра, нарисовал яркими красками портрет временщика, склонного «спроста рещи всякие дела». Никто не смел творить что-нибудь не по его велению, зато он «всеми владяше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель». Летописец упрощенно объяснял причину могущества Сильвестра тем, что все его слушали и не смели ему противиться «ради царского жалованья» к нему. Скромный придворный священник-разночинец в самом деле оказывал исключительное влияние на личность молодого царя Ивана IV. Но не только это обстоятельство обеспечило ему высокое положение.

Вершины карьеры Сильвестр достиг в период после династического кризиса, когда раскол в ближней думе и взаимная борьба между Старицкими и Захарьиными позволили ему выступить в роли примирителя противоборствующих сил. Мы ничего не знаем о политических умонастроениях Сильвестра. Можно догадаться, что политика сама по себе не слишком волновала его. Благовещенский поп умел поддерживать добрые отношения и с покровительствовавшей ему знатью, принимавшей новшества с оговорками, и с кружком молодых друзей царя, мечтавших о широких реформах. Как только придворный проповедник осознал роль Адашева в правительственном механизме, он немедленно включил его в число своих друзей. «Умыслив лукавое», жаловался позднее Иван IV, «поп Селивестр и со Олексеем (Адашевым) здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразсудных суща». Трудно сказать, какая сторона извлекла бо́льшие выгоды из союза. Сильвестра мало заботили чины и доходные места. Отношение Адашевых к земным благам было совсем иным. Несмотря на худородство, Алексей Адашев выхлопотал для отца боярский чин, сам же удо-

вольствовался чином окольничего. Вместе с титулами реформаторы получили тысячи четвертей земли. Выдвинувшийся на приказной службе «бюрократ» стал крупным землевладельцем и влиятельным членом Боярской думы.

ПОСЛЕДНИЕ РЕФОРМЫ

Добившись полного успеха под Казанью и упрочив положение при дворе, Адашев смог вернуться к государственным преобразованиям. На втором этапе реформ завершилась перестройка центральных органов власти и возникла единая приказная система. Крупнейшие отрасли управления перешли в ведение особых приказов: внешние сношения сосредоточились в Посольском приказе, военные дела — в Разрядном, земельные дела — в Поместном приказе. Старые территориальные учреждения — так называемые дворцы — не были уничтожены, но утратили свое прежнее значение. Приказная система не отличалась полным единообразием, но она отвечала потребностям политической централизации Российского государства. Боярская дума контролировала деятельность приказов, периодически посылая туда окольничих и бояр. Приказы стали разветвленной канцелярией думы. Что касается служилой бюрократии, то она сосредоточила в своих руках все приказное делопроизводство.

Оформление приказной системы ставило правительство перед необходимостью реорганизации кормлений — устаревших органов местного управления. Отмену кормлений и преобразование военно-служилой системы на втором этапе реформ обычно считают крупнейшими мероприятиями Избранной рады. От их оценки в значительной мере зависит общая оценка деятельности этого правительства.

В советской исторической литературе вопрос о реформах 50-х годов вызвал большую дискуссию. Почти все исследователи сошлись в том, что реформы носили продворянский характер. Спорным является лишь вопрос о мере уступок дворянству. И. И. Смирнов подчеркивал, что с момента прихода к власти Избранной рады реформы приобрели резко выраженную антибоярскую направленность. По мнению А. А. Зимина, первые преобразования носили компромиссный характер, и только после

казанского взятия рада попыталась более решительно ограничить привилегии боярской аристократии и более последовательно провести в жизнь продворянские реформы.

При сравнении двух периодов в истории реформ 50-х годов надо иметь в виду своеобразный характер источников, повествующих о последних преобразованиях Адашева. Тексты важнейших приговоров этого времени сохранились не в подлиннике, а в литературном пересказе. Незадолго до своей отставки Адашев включил в официальную летопись рассказ, ставивший целью прославить его реформаторскую деятельность. Этот рассказ окрашен в апологетические тона и требует критики.

Самый важный адашевский «приговор» 1555—1556 гг. был посвящен кормлениям и службе. Он подвергал решительной критике устаревшую систему местного управления, при которой провинциальные власти, наместники и волостели, кормились за счет населения. Узнав о злоупотреблениях кормленщиков, сообщает летописец, царь велел «расчинить» по городам и волостям старост, которые бы участвовали в судебных делах, и заменил прежние поборы в пользу кормленщика специальным оброком — «кормленным окупом», шедшим в казну.

В «приговоре» о кормлениях имелся один существенный пробел. В нем обходился молчанием вопрос, на какие города и волости распространялась реформа местного управления. Радикальная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации устаревшей системы. Между тем из летописного текста следовало, что царь по рассмотрении вопроса о кормлениях «бояр и велмож и всех воинов устроил кормлением праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по дородству» [1].

Правительство приступило к ликвидации кормлений уже в самом начале 50-х годов, и именно тогда были ликвидированы крупнейшие наместничества во внутренних уездах страны (Рязанское, Костромское и др.). После взятия Казани бояре, «возжелаша богатества», разобрали доходнейшие из кормлений, а прочими кормлениями «государь пожаловал всю землю», иначе говоря, знатнейшее дворянство. Новая широкая раздача кормлений имела место в связи с первыми успехами в Ливонской войне в 1558 г. Итак, «приговор» 1555—1556 гг. не лик-

видировал систему кормлений одним ударом. Из-за противодействия бояр и знатных дворян, пользовавшихся привилегией замещать «кормленные» должности, отмена кормлений затянулась на многие годы. Перестройка органов местного управления была осуществлена в полной мере и в сравнительно короткий срок только на Севере, где на черносошных (государственных) землях жило малочисленное крестьянское население и почти вовсе отсутствовало землевладение феодалов. Суд и сбор податей, прежде осуществлявшиеся здесь кормленщиками, перешли в руки «излюбленных голов», выбиравшихся населением. На черносошном Севере земское самоуправление дало наибольшие преимущества не дворянам, а купцам-промышленникам и богатым крестьянам. Земская реформа, по мнению Н. Е. Носова, в целом как бы завершила общую перестройку аппарата государственного управления на новых сословных началах.

В центральных уездах земская реформа, начатая еще в 1539 г., носила с самого начала продворянский характер. Правительство передало надзор за местным управлением губным старостам и городовым приказчикам, которых избирали из своей среды провинциальные дворяне. Губные старосты, а не наместники-кормленщики должны были теперь вершить суд по важнейшим уголовным делам. Деятельностью губных старост непосредственно руководил Разбойный приказ в Москве.

Летописный рассказ о преобразовании военно-служилой системы в 1556 г. страдает такими же противоречиями, что и повествование о кормлениях. Проблема военной службы и земельного обеспечения дворянства оказалась в центре внимания Адашева с первых дней реформы. В знаменитых «царских вопросах» Стоглавому собору власти впервые заявили о необходимости «уравнять дворян в землях» и обеспечить разоренных «недостальных» дворян. «И то бы приговоря,— значилось в царских вопросах,— да поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ипо недостаточного пожаловати». Не было другого вопроса, который бы так глубоко занимал и волновал всю массу дворянства, как вопрос о земельном обеспечении. Тема «дворянского оскудения» получила наиболее полное освещение в сочинениях известного публициста 50-х годов Ермолая Еразма. Его трактат о «землемерии» содержал проект всеобъемлющей перестройки

системы поземельного обеспечения служилого дворянства. Целью Еразма было спасение «скудеющего» мелкого дворянства и вместе с тем облегчение участи крестьян — «ратаев». Еразм добивался того, чтобы дворяне несли воинскую службу в строгом соответствии с размерами их земель. Для этой цели правительство должно было произвести всеобщее «землемерие».

Социальные устремления Еразма, живое сочувствие нуждам угнетенного крестьянства были чужды членам кружка Адашева, интересы которых ограничивались желанием провести продворянские военно-административные реформы. Но выдвинутые им смелые идеи, возможно, оказали влияние на воззрения Адашева. Следы такого влияния обнаруживаются в летописном рассказе о реформе военно-служилой системы в 1556 г. Согласно этому рассказу, «приговор» о службе должен был воплотить в жизнь идею уравнения дворян в земельных владениях: «Посем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многыми землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчин служба их,— государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша неимущим» [2]. Перед нами литературная версия, а не подлинный текст закона. Тщетно мы стали бы искать в нем ответ на вопрос, какие поместные оклады служили основой уравнительного «землемерия» и как определялись «излишки» у вельмож, «оскудевших службой».

Из дальнейшего летописного изложения можно заключить, что реформа свелась к очередному генеральному смотру дворянского ополчения, во время которого служилые люди и «новики» получили положенные им поместные оклады, а «нетчики» лишились своих земельных владений. Среди землевладельцев, лишившихся «преизлишков», были, конечно, не одни «вельможи». Кроме них, пострадали вдовы, малолетние дети дворян, разоренная мелкота, «избывшая службы».

Проект уравнительного «землемерия» был самым радикальным из всех проектов Адашева. Но на практике его осуществление, по-видимому, не привело к решительному перераспределению земель между «вельможами» и «простыми воинниками». Реальное значение реформы состояло в другом. Власти приравняли вотчины к помест-

ям в отношении военной службы. Не только помещики, но и вотчинники теперь должны были отбывать обязательную военную службу и выходить в поход «конно, людно и оружно». С каждых 150 десятин пашни землевладелец выводил в поле воина в полном вооружении.

Военная реформа Адашева упорядочила дворянскую службу и повысила боеспособность армии накануне решающих сражений Ливонской войны.

В целом преобразования 50-х годов отвечали интересам дворянства и потребностям развития государства. Они способствовали централизации системы управления и привели ее в соответствие с новыми историческими условиями, сложившимися после ликвидации раздробленности. В то же время реформы на всех этапах несли на себе печать половинчатости и компромисса. Устами своих идеологов дворяне требовали полной отмены местничества, но эта мера была осуществлена лишь 100 лет спустя. Проекты радикального перераспределения земельных богатств в пользу дворянства также в значительной мере остались на бумаге.

Решающее влияние на судьбы преобразований имело, по-видимому, то обстоятельство, что кружок Адашева не оказал длительной и энергичной поддержки дворянским радикалам и в своей реформаторской деятельности не смог опереться непосредственно на дворянство.

В 50-х годах дворянская бюрократия укрепила свои позиции в приказном аппарате, отдельные ее представители проникли в Боярскую думу. Дворяне все чаще появлялись на сословных совещаниях, постепенно трансформировавшихся в Земские соборы. По мере того как расширялась политическая роль дворянства, Российское государство стало приобретать некоторые черты сословно-представительной монархии. Но, несмотря на все успехи дворян, политическое руководство страной осуществляли не они, а боярская знать. Вплоть до XVII в. Россия оставалась самодержавной монархией с Боярской думой и боярской аристократией (В. И. Ленин). Правящее боярство неохотно уступало свои позиции дворянству и ревниво взирало на самодержавные поползновения монархии.

История преобразований 50-х годов была бы неполной без упоминания о личности преобразователя. Инициатор реформ А. Адашев обладал качествами, которые бла-

гоприятствовали его карьере на приказном бюрократическом поприще. Он снискал широкую популярность своей неподкупностью. Будучи судьей Челобитенного приказа, а затем фактическим правителем, он строго карал, невзирая на лица (вплоть до бояр), тех, кто чинил волокиту в приказах. Виновных ждала «кручина» от государя, тюрьма и ссылка. Младшие современники Адашева вспоминали годы его правления как время процветания, когда «Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и в управе»[3]. Им импонировало также редкое благочестие знаменитого временщика. Курбский вполне серьезно писал о том, что Адашев отчасти «в некоторых нравех» уподоблялся ангелам. «Ангелоподобность» царского любимца состояла в показном благочестии и таких ханжеских привычках, которые вполне роднили костромского дворянина с попом Сильвестром. В умерщвлении плоти первый сановник государства, казалось, поставил целью превзойти монахов. Он беспрестанно молился, подолгу выдерживал пост, «по одной просвире ел на день». Дом правителя всегда был полон каликами перехожими и юродивыми. Если верить Курбскому, Адашев открыл в своем доме богадельню, в которой держал много десятков «прокаженных» (больных), «тайне питающе, обмывающа их, многажды же сам руками своими гнои их отирающа».

На политические воззрения Адашева, по-видимому, оказали влияние идеи передовых дворянских идеологов. Но в своей практической деятельности кружок Адашева смог осуществить требования дворян лишь в небольшой мере. Не имея возможности преодолеть консерватизм правящего боярства, Адашев довольствовался половинчатыми реформами либо вовсе отказывался от их осуществления. Склонность правителя к компромиссу, его полезная «общей вещи» деятельность вызывала самое живое одобрение идеолога боярства Курбского.

Влияние Адашева основывалось в определенной мере на личном доверии к нему царя. Какое же участие принимал в проведении реформ сам Грозный? Годы реформ были для царя Ивана годами учения. Достигнув совершеннолетия, царь на первых порах оказался неподготовленным к роли правителя обширного государства и должен был на много лет подчиниться воле избранных им наставников. В юные годы Иван не получил систематиче-

ского образования, зато в зрелом возрасте он поражал знавших его людей своими обширными познаниями. Более того, Грозный после 34 лет занялся литературным трудом и стал едва ли не самым плодовитым писателем своего времени. Писания Ивана свидетельствовали о его уме и начитанности. Однако ни одно царское сочинение не сохранилось в оригинале. Более того, никому еще не удалось обнаружить хотя бы одну строку, написанную его рукой, хотя бы один документ, скрепленный его подписью. Невольно возникает подозрение, был ли грамотен Иван. При решении этого вопроса надо учесть такой момент, как традиции Московского государства. Эти традиции, выросшие из безграмотности первых московских князей, безусловно, воспрещали государю подписывать какие бы то ни было документы, включая собственнное духовное завещание. Обычай этот свято чтили и в XVI в. Но с некоторых пор внешние влияния пробили брешь в спасительных устоях старины. Бабка Грозного — византийская царевна Софья — воспитывалась в Италии, славившейся своими успехами на ниве просвещения и искусств. Она явилась в Москву в сопровождении целой толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров. Софья не могла не заботиться об образовании сына. При случае Василий III посылал жене Елене собственноручные записочки, так что сомнений в его грамотности не возникает. Но Василий III из уважения к обычаям предков не утруждал себя письмом. Даже Борис Годунов, скреплявший грамоты своей рукой смолоду, перестал подписывать бумаги, взойдя на трон. Лишь Лжедмитрий не скупился на автографы, но он жестоко поплатился за пренебрежение к московской старине.

Отсутствие автографов Грозного ни в коей мере не может служить свидетельством его неграмотности. Нельзя признать основательными попытки американского историка Э. Кинана объявить подлогом все сочинения Ивана IV. Современники не ставили под сомнение ученость и литературные таланты первого царя. Они называли его ритором «словестной мудрости» и утверждали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело» [4]. Бывший друг царя, а потом злейший его враг князь Курбский, сражаясь с ним при посредстве библейских цитат, иногда обозначал лишь первые стихи священного писания, полагаясь на знания своего корреспон-

дента. «Последующие стихи умолчю,— писал в таких случаях Курбский,— ведуще тя священного писания искуснаго». Иван неплохо знал исторические сочинения. На них он не раз ссылался в речах к иностранным дипломатам и думе. Венецианского посла поразило близкое знакомство Грозного с римской историей. Допущенные в царское книгохранилище ливонские богословы увидели там редчайшие сочинения греков античной поры и византийских авторов.

С конца 40-х годов Ивана захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых, «как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия» (В. О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной боярской аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон. Чтобы ввести «правду» в государстве, поучал царя Пересветов, надо предавать «лютой смерти» тех еретиков, которые приблизились к трону «вельможеством», а не воинской выслугой или мудростью. Пересветову вторил престарелый осифлянский монах Вассиан Топорков. Его советы, по мнению Курбского, подготовили почву для последующих царских гонений на бояр. Фамилия «Топорков» дала Курбскому повод для мрачного каламбура. «Топорок, сиречь малая секира,— говорил он,— обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи по всей великой Руси».

Советы править с грозой пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практичные дельцы все без исключения рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения остатков боярского правления. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики Избранной рады не соответствовали этим критериям. Поп Сильвестр с Алексеем Адашевым, утверждал самодержец, мало-помалу «всех бояр начаша в самовольство приводити, нашу же красоту власти с вас (бояр) снимающе, и в супротисловие вас (бояр) приводяще и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подобяще, и тако помалу сотвердися сия злоба...» [5] Поддавшись чувству раздражения, Иван допускал очевидную несправедливость, осуждая своих советников за боярское «самовольство». Он забыл о том, что не временщики создали боярскую аристократию. Еще более поразительным представляется негодование царя по поводу политики возвышения «молодого» дворянства, которая, как оказалось, вредит «красоте» самодержавия не менее, чем боярское своеволие. В нескольких словах царь отрекся от продворянских реформ, над осуществлением которых он трудился вместе с Адашевым в течение многих лет.

Царь полностью разошелся с советниками в оценке целей и направления реформ. Разрыв стал неизбежным, когда к внутриполитическим расхождениям добавились разногласия в сфере внешних дел.

ВОЙНА ЗА ЛИВОНИЮ

После покорения Казани Россия обратила свои взоры к Балтике. Она испробовала силу своего оружия в короткой войне со шведами (1554—1557) и под влиянием первого успеха выдвинула планы покорения Ливонии и утверждения в Прибалтике.

Ливонское государство отличалось внутренней непрочностью. Его раздирали национальные и социальные противоречия. Князья церкви и немецкое рыцарство, постоянно пополнявшееся выходцами из Германии, господствовали над коренным населением — ливами, латышами и эстонцами, низведенными до положения крепостной массы.

Ливонской конфедерации недоставало политической централизации: ее члены — орден, епископства, города — постоянно враждовали между собой. Реформация усилила разобщенность. Орден и епископства остались в лоне католической церкви, но лишились прежнего авторитета. Религией дворян и бюргеров стало протестантство.

Ливонская война превратила Восточную Прибалтику в арену борьбы между государствами, добивавшимися господства на Балтийском море: Литвой и Польшей, Швецией, Данией и Россией. Россия преследовала в войне свои особые цели.

Богатые ливонские города издавна выступали в роли торговых посредников между Россией и Западом. Орден и немецкое купечество препятствовали росту русской торговли. Между тем потребности экономического развития диктовали России необходимость установления широких хозяйственных связей с передовыми странами Западной Европы.

Со времени появления англичан на Белом море в 1553 г. Россия завязала регулярные торговые сношения с Англией. Перед самой Ливонской войной московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству поволной». Но суровые естественные условия сильно стесняли развитие торговли на Белом море. Гораздо больше для этой цели подходило Балтийское море. Накануне Ливонской войны Россия владела обширным участком побережья Финского залива, всем течением реки Невы, по которой проходил древний

торговый путь «из варяг в греки». Русским принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Едва закончив войну со шведами, правительство решило основать морской порт в устье Наровы. В июле 1557 г. выдающийся инженер дьяк Иван Выродков построил на Нарове «город для бусного (корабельного) приходу заморским людем», первый русский порт на Балтийском море. Царский указ воспретил новгородским и псковским купцам торговать в ливонских городах Нарве и Ревеле. Отныне они должны были ждать «немцев» в своей земле. Но попытка наладить морскую торговлю с Западом через устье Наровы не дала результатов. Корабельное «пристанище» на Нарове было готово, а иноземные купцы продолжали плавать в немецкую Нарву.

Тем временем в московском правительстве образовались две партии: Адашев настаивал на продолжении активной восточной политики и снаряжал экспедиции против Крыма, а его противники выступали за войну с Ливонией. Планы Ливонской войны получили поддержку со стороны московского дворянства.

Первое вторжение русских войск в Ливонию, по-видимому, предпринято было вопреки воле Адашева. Военные действия в Ливонии приобрели серьезный оборот после того, как в Ивангород прибыл боярин Алексей Басманов, сторонник решительной войны с ливонцами. Не дожидаясь исхода дипломатических переговоров в Москве, Басманов обстрелял Нарву и, как только в городе вспыхнул пожар, повел своих воинов на штурм крепости. Силы, которыми располагал воевода, были ничтожны, но ливонцы не устояли перед внезапным и стремительным натиском. Неприступная крепость, основанная рыцарями на древнем новгородском рубеже, пала. Царские воеводы заняли Дерпт (Юрьев) и подвергли страшному разгрому Южную Ливонию.

Успехи русского оружия могли быть еще более значительными, если бы не раздор в высших правительственных сферах, который привел к страшной неразберихе и сделал невозможным проведение единой согласованной внешнеполитической программы. Вместо того чтобы продолжать успешно начатое наступление против Ливонии, московское правительство, по настоянию Адашева, предоставило ордену перемирие с мая по ноябрь

1559 г. и одновременно снарядило новую экспедицию против татар.

Военные операции против Крыма, поглотившие немало средств и сил, не принесли результатов, обещанных Адашевым, а благоприятные возможности для победы в Ливонии были безвозвратно упущены. Магистр Кетлер подписал договор с литовцами. Орден перешел под протекторат Литвы и Польши. Договор круто изменил ход Ливонской войны. Он явился тяжелым поражением для царской дипломатии. Конфликт с Ливонией стремительно перерастал в более широкий вооруженный конфликт с Литвой и Польшей в тот самый момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством.

Ливонские рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой, для сбора военных сил. За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и нанесли поражение разрозненным русским отрядам.

Известие о неудачах в Ливонии застало Ивана на богомолье в Можайске. Не медля ни дня, он приказал главному воеводе князю Мстиславскому спешно двигаться в Ливонию. Но осенняя распутица затянулась, и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород. В то время когда армия выступила к северным рубежам, стало известно о вторжении татар в южные уезды.

Военные осложнения вызвали панику в правительственных кругах. Адашев и Сильвестр настаивали на срочном возвращении царя в Москву. Иван рискнул отправиться в путь вместе с тяжелобольной царицей. После утомительного переезда царская семья прибыла в столицу, но оказалось, что особых причин для спешки не было: гарнизон Юрьева отбил нападение ливонцев, татары отступили в степи. В такой ситуации произошло резкое объяснение между царем Иваном и его наставниками.

По мере того как влияние Адашева и Сильвестра убывало, менялась общая ориентация внешнеполитического курса. Москва приняла мирные предложения Крыма и бросила в Ливонию крупные силы. Царь послал против ливонцев одного из ближайших своих друзей — князя Курбского. Вслед за ним в действующую армию выехал Алексей Адашев.

Царские воеводы наголову разгромили отборное рыцарское войско под Эрмесом и заняли резиденцию магистра — замок Феллин. Победителям досталась почти вся орденская артиллерия. Военные силы Ливонии были сокрушены. По всей Эстонии крестьяне восстали против немецких баронов. Возникла возможность быстрого завершения войны в Ливонии. Но Адашев и его товарищи не использовали благоприятной обстановки, опасаясь удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск. После неудачной осады небольшого замка Пайды (Вейсенштейна) наступление русских войск приостановилось.

ОТСТАВКА АДАШЕВА

В течение всей кампании 1560 г. царь Иван проявлял крайнее нетерпение и слал к воеводам гонца за гонцом. Он считал, что «вся Германия» могла быть завоевана в течение лета, если бы не медлительность и «злобесные претыкания» бояр. Фактически действиями армии в Ливонии руководил Адашев. На него царь и возложил всю ответственность за промедление. Адашев получил приказ принять в управление замок Феллин. Тем самым его полностью отстраняли от общего руководства военными действиями в Ливонии. Вскоре же Иван приказал перевести Адашева из Феллина в Юрьев в подчинение тамошнему воеводе. Здесь правителя ждали мучительные унижения. Местный воевода Хилков отказался принять Адашева в крепость «нарядчиком». Думный чин и связи в столице, казалось бы, позволяли вчерашнему правителю бороться, протестовать против произвола юрьевского воеводы, но Адашев был сломлен опалой. Он униженно молил Хилкова, получил отказ и снова бил ему челом.

Правительство объявило о конфискации всех костромских и переславских земель Адашева.

Сильвестр, остававшийся в Москве после отъезда Адашева в Ливонию, предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Тогда он объявил царю, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь.

Дело Адашева было передано на суд думы и высшего духовенства. Митрополит и некоторые из бояр ходатай-

ствовали перед царем о вызове опального на суд. Но Захарьины требовали заочного разбирательства. Они пугали Ивана тем, что бывшие правители пользуются бо́льшим авторитетом и популярностью, нежели самодержец («а к тому любяще их все твое воинство и народ (больше), нежели тобя самого»), и что народ и воинство поддержат Адашева [1]. К тому же Сильвестр и Адашев не любили царицу Анастасию Захарьину и старались ограничить ее вмешательство в дела государства. Царица умерла в начале августа 1560 г., и недоброжелатели тотчас пустили слух о том, что ее «счаровали» — околдовали враги. Тень подозрения пала на бывших правителей. Созванный в Москве собор осудил их как «ведомых злодеев». Сильвестра перевели в Соловки на вечное заточение. Адашев остался в Юрьеве, но взят был под стражу. Вскоре после собора он впал «в недуг огненный» и через месяц-два умер. Царь Иван срочно послал в Юрьев одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева, поскольку явились подозрения, что он покончил жизнь самоубийством.

Расправившись с советниками, царь постарался искоренить самую память о них. Что считалось при Сильвестре хорошим тоном, подверглось теперь осмеянию. На смену унылому постничеству пришли роскошные пиры и потехи. Царь приглашал во дворец своих тайных недоброжелателей-бояр и принуждал их пить «чаши великие». В потешной компании царя заведен был такой порядок. Первую чашу, полную «зело пьяного пития», выпивал сам Иван, такие же чаши подносили остальным пирующим, пока все не упивались до неистовства и «обоумертвия». Если кто-нибудь из гостей упирался и отказывался осушить кубок, его корили тем, что он «недоброхотен» царю, что из него еще не вышли «дух и обычай» Сильвестра и Адашева.

Попойки во дворце коробили ревнителей благочестия. Царь признавал свое «неблагочиние», но утверждал, что происшедшие при дворе перемены отвечают высшим интересам государства. Играми и потехами, говаривал Иван, он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их (!), точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас (бояр) изменников!» [2].

Иван старался укрепить свой престиж любыми средствами. В этом ему немало помогло духовенство. Через

полтора десятилетия после царской коронации послы константинопольского патриарха привезли в Москву решение вселенского собора, подтвердившее право московита на царский титул. Глава вселенской православной церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затеянные по этому поводу пышные богослужения призваны были упрочить власть Грозного.

ПОЛОЦКОЕ ВЗЯТИЕ

Готовясь к войне с Литвой, правительство послало в Крым посольство для заключения мира. Подобный шаг знаменовал окончательный отказ Москвы от «наследства» Адашева в сфере восточной политики. Настойчивые поиски мира с Крымом объяснялись неблагоприятным для России оборотом дел в Ливонии. Вслед за Литвой в Ливонскую войну вмешались крупнейшие прибалтийские государства — Дания и Швеция, принявшие участие в разделе ливонского наследства. В апреле 1560 г. герцог Магнус, брат датского короля, вступил во владение островом Эзель. Спустя месяц Ревель и Северная Эстония перешли под власть Швеции.

Задавшись целью предотвратить создание широкой антирусской коалиции в Прибалтике, московское правительство заключило союзный договор с Данией, предоставило 20-летнее перемирие шведам и обратило все свои силы против Литвы. Русское командование решило нанести удар по Полоцку, ключевой пограничной крепости, закрывавшей пути на литовскую столицу Вильну. В наступлении на Полоцк участвовали почти все вооруженные силы страны: 18 105 дворян (их сопровождало до 20—30 тыс. вооруженных холопов), 7219 стрельцов и казаков, более 6 тыс. служилых татар. Общая численность ополчения составляла 31 546 человек, а вместе с вооруженными холопами — около 50—60 тыс.

В январе 1563 г. многочисленная русская рать выступила из Великих Лук к Полоцку. Неширокая полоцкая дорога не могла вместить всей массы войск и обозов. Армия ежечасно застревала в лесных теснинах среди болот. Под конец полки утратили всякий порядок, пехота, конница и обозы перемешались между собой, и движение вовсе застопорилось. Порядок был восстановлен с

большим трудом. Царь с приближенными самолично разъезжал по дороге, «разбирал» людей в заторах. Самым деятельным его помощником был расторопный обозный воевода князь Афанасий Вяземский, впервые обративший на себя внимание царя.

В первых числах февраля русская армия вышла к Полоцку и приступила к его осаде. Подвинув артиллерию к полоцкому острогу, воеводы разрушили стены и вынудили литовцев укрыться в Верхнем замке. Во время внезапного ночного нападения литовцы попытались захватить русские батареи, но боярин Шереметев с передовым полком отбил вылазку. В бою ядро «погладило» боярина «по уху», и его место занял князь Кашин. На другой день воевода князь Репнин расставил батареи внутри сожженного острога и в течение двух суток бомбардировал Верхний замок. В городе во многих местах возникли пожары. На рассвете 15 февраля гарнизон Полоцка сдался на милость победителей.

Овладение Полоцком было, пожалуй, моментом высшего успеха России в Ливонской войне, после которого наметился спад, ознаменовавшийся военными неудачами и бесплодными переговорами. Москва отказалась признать захват шведами замка Пайда на границе русской Ливонии. Раздраженный шведскими притязаниями, царь Иван обратился к королю Эрику XIV с грубым выговором, «а писал х королю... многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию» [1]. Бранчливое письмо царя могло серьезно осложнить русско-шведские отношения, но шведский король находился в столь трудном положении, что безропотно проглотил все оскорбления.

Несколько позже царь Иван, будучи недоволен действиями датчан, написал грубое письмо датскому королю, которое датский посол не решился передать по назначению.

Письма Грозного к шведскому и датскому королям были своего рода вехой в истории московской дипломатии. Они показали, что в период после падения Полоцка влияние 33-летнего царя Ивана на дела дипломатического ведомства резко возросло. Определяя внешнюю политику России, Иван руководствовался больше собственными нетерпением и высокомерием, нежели трезвым расчетом.

Заключив перемирие с литовцами под Полоцком, Грозный вызвал в Москву королевских послов и решительно потребовал от них очищения Ливонии до Двины. Послы отклонили эти требования и выехали на родину. Следом за ними в Литву двинулись царские рати.

В соответствии с военными планами Москвы армия, шедшая из Полоцка, должна была соединиться с армией из Смоленска на неприятельской территории для наступления на Минск. По-видимому, литовцы знали о замыслах русских. Они сосредоточили все свои силы против полоцкой армии и в битве под Улой разгромили ее, не допустив объединения двух русских армий. Смоленская армия вынуждена была спешно покинуть пределы Литвы. Неудача под Улой ухудшила военное положение России. Крымский хан отказался от союза с Москвой.

РАЗДОР С БОЯРАМИ

Отец Грозного Василий III решал дела в кругу нескольких доверенных советников — «сам-третий у постели». Иван IV, отставив Сильвестра и Адашева, попытался возродить отцовские порядки. В связи со вступлением во второй брак он дополнил свое завещание несколькими важными распоряжениями. В случае своей смерти Иван приказал образовать при 7-летнем наследнике царевиче Иване опекунский совет. Следуя по стопам Василия III, царь назначил себе 7 душеприказчиков. Облеченные регентскими полномочиями бояре принесли присягу на верность наследнику и скрепили подписями специальную «запись», сохранившуюся до наших дней. Как видно, Грозный во всем следовал отцовскому примеру. Тем не менее опекунский совет, созданный им, казался бледной тенью первой семибоярщины. Василий III поставил во главе совета своего младшего брата князя Андрея Старицкого, человека влиятельного и располагавшего большими средствами. Иван IV сделал старшим регентом племянника — князя Мстиславского, фигуру вполне бесцветную. Отец Грозного ввел в семибоярщину помимо брата и советников влиятельнейших вождей думы — бояр Шуйских. Иван IV назначил душеприказчиками помимо Мстиславского бояр Данилу Романовича и Василия Михайловича Юрьевых-Захарьиных,

Ивана Петровича Яковлева-Захарьина и Федора Ивановича Умного-Колычева, а также князей Андрея Телятевского и Петра Горенского, не имевших боярского чина. Из пяти бояр, входивших в регентский совет, трое принадлежали к семье Захарьиных, а четвертый был их однородцем. Фактически в новой «седьмочисленной» комиссии распоряжались родственники умершей царицы Анастасии, не пользовавшиеся авторитетом и популярностью среди знати. К ним присоединились молодые друзья царя — Телятевский и Горенский — люди новые и никому не известные.

Таким образом, в отличие от Василия III его сын создал на редкость неавторитетную семибоярщину. Вне нового правительства остались не только старшие удельные князья — Старицкие и Бельские, но и руководители Боярской думы, вершившие дела при Избранной раде,— ближние бояре князь Дмитрий Курлятев, Иван Шереметев и Михаил Морозов, покоритель Казани князь Александр Горбатый и другие лица.

Знать легко простила бы Грозному отставку его худородных советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы Боярской думы. Попытки Ивана править единодержавно, без совета с великими боярами, с помощью нескольких своих родственников, вызвали повсеместное негодование. Кичившаяся своей «царской кровью» аристократия всегда с пренебрежением взирала на родню Анастасии Захарьиной. Теперь их стали считать узурпаторами.

Захарьиным в самом деле удалось сосредоточить в своих руках все нити правления. Когда царь по случаю второго брака «разделился» с сыновьями, Захарьины возглавили думу и «двор» царевичей. Отныне в отсутствие Грозного управление государством переходило формально в руки малолетнего наследника, фактически в руки Захарьиных.

Прекрасно сознавая значение новых органов управления — приказов, Захарьины попытались взять под контроль приказной аппарат. Их ставленник Никита Фуников, подвергшийся опале при Адашеве, был возвращен из ссылки и возглавил центральное финансовое ведомство — Казенный приказ. Сподвижник Фуникова дьяк Иван Висковатый стал государственным печатником. Важнейшая приказная документация теперь должна была проходить ут-

верждение в канцелярии Висковатова, хранителя царской печати. Новый «канцлер» (так называли его иностранцы) начал свою деятельность с того, что заменил «меньшую» великокняжескую печать большой печатью, украшенной символом самодержавия: «орел двоеглавной, а середи его человек на коне, а на другой орел же двоеглавной, а середи его инърог» (единорог) [1].

Фактическое отстранение вождей аристократической думы и попытки возврата к единодержавному правлению привели к тому, что влияние высшей приказной бюрократии заметно возросло. Идеолог боярства Курбский, переживший падение Избранной рады, самым решительным образом протестовал против ущемления привилегий знати и передачи функций управления в руки приказных бюрократов. Писарям русским, утверждал он, «князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих» [2].

Не менее резкое суждение о новых сановниках высказывал другой защитник старины Тимоха Тетерин, выходец из старой дьяческой фамилии. Царь больше не верит боярам, писал Тетерин одному опальному боярину, есть у него «новые верники-дьяки, которыя его половиною кормят, а другую половину собе емлют, у которых дьяков отцы вашим (бояр) отцам в холопстве не пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют» [3].

Все участники конфликта прекрасно понимали, что могущество княжеско-боярской знати зиждется на их земельных богатствах. Ввиду этого Иван, вступив в борьбу с боярами, во всеуслышание заявил о том, что намерен ограничить княжеское землевладение по примеру деда и отца. В пылу полемики с Курбским царь утверждал, что Избранная рада нарушила старые земельные законы и что Сильвестр не только не отбирал у бояр «великие вотчины», но, напротив, «те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил» [4].

По указанию царя руководители приказов приступили к разработке уложения о княжеских вотчинах, получившего силу закона после утверждения в думе 15 января 1562 г. Новое уложение категорически воспрещало

княжатам продавать и менять старинные родовые земли. Выморочные княжеские владения, которые доставались прежде монастырям, теперь объявлены были исключительной собственностью казны. Братья и племянники умершего князя-вотчинника могли наследовать его земли лишь с разрешения царя. У вдов и дочерей «великие вотчины» отбирались с известной компенсацией. Правительство заявило о своем решении пересмотреть все сделки на княжеские вотчины, имевшие место после смерти Василия III и до момента введения в жизнь Уложения о службе 1556 г. Все княжеские вотчины, перешедшие в руки «иногородцев», подлежали теперь отчуждению в казну с известной компенсацией либо безвозмездно. Приговор четко очертил круг семей, на которые распространялось действие нового земельного закона. В этот круг входили некоторые удельные фамилии (например, Воротынские) и вся суздальская знать (князья Суздальские-Шуйские, Ярославские, Ростовские и Стародубские). Ограничения не распространялись, однако, на крупнейших удельных владык (князей Старицких, Глинских, Бельских, Мстиславских), из чего следует, что земельная политика начала 60-х годов не приобрела последовательно антиудельного характера.

Княжеская аристократия отнеслась к новым земельным законам резко враждебно. Идеолог княжеской аристократии Курбский обвинил Грозного в истреблении суздальской знати и разграблении ее богатств и недвижимых имуществ [5]. Его гневные жалобы с очевидностью показали, сколь глубоко меры против княжеско-вотчинного землевладения задели интересы феодальной знати.

Приход Захарьиных к власти и новые земельные меры бросили вызов могущественной титулованной аристократии. Бояре громко жаловались на нарушение старинных привилегий думы. Первыми запротестовали родственники царя, владетели удельных княжеств, располагавшие внушительными силами и достаточно независимые в своих поступках.

Крушение Избранной рады подало семье князей Глинских надежду на возвращение к власти. Но расчеты их не оправдались. Царь не включил Глинских в состав опекунского совета. При Василии III князь Михаил Глинский, недовольный московскими порядками, пытался бежать в Литву, за что угодил в тюрьму. Его сын князь

Василий Глинский, как видно, шел по стопам отца, но его постигло более мягкое наказание. После кратковременного ареста опальный дядя царя обязался прекратить тайные сношения с польским королем Сигизмундом и поклялся, что не «отъедет» в Литву и в Старицкий удел, что не будет никому «проносити» решения думы и речи, которые он услышит во дворце.

Некоторое время спустя в среде удельных владык возник более серьезный заговор, возглавленный троюродным дядей Грозного князем Дмитрием Вишневецким.

Крупный литовский магнат Вишневецкий, получивший после выезда в Москву Белевский удел, был одним из самых деятельных проводников внешнеполитического курса Адашева. Он участвовал во всех походах на Крым, затем сел «на государство» в Черкасах. «Сведенный» царем с черкасского «государства» князь завел тайные переговоры с королем и бежал в Литву в тот самый момент, когда московские полки готовились перейти литовскую границу.

За несколько месяцев до отъезда Вишневецкого в Москве был арестован другой удельный князь литовского происхождения Иван Бельский. Он считался номинальным главой Боярской думы, и его разногласия с царем носили принципиальный характер. Не случайно Бельского взяли под стражу в то время, когда царь потребовал от Боярской думы утверждения крайне непопулярного уложения о княжеских вотчинах. Будучи не согласен с политикой Грозного, Бельский пытался бежать в Литву. У удельного князя нашли при аресте королевские грамоты, гарантировавшие ему убежище в Литве, а также подробную роспись дороги до литовского рубежа. Некогда князь Ростовский был приговорен за подобное преступление к смертной казни, замененной ссылкой. Боярин Бельский избежал наказания благодаря заступничеству духовенства и думы. Правительство освободило его, выдав на поруки влиятельным боярам и сотне дворян.

Ни интересы Глинских, ни интересы Бельских не были непосредственно ущемлены новыми земельными законами. В ином положении оказались трое наследников Воротынского удела, не связанные родством с династией. При разделе княжества лучшую треть получил старший из наследников князь Владимир. После смерти Владимира выморочная треть перешла в руки его вдовы, но

на нее претендовали также двое младших братьев Воротынских — Михаил и Александр. Земельное уложение 1562 г. начисто разрушило их расчеты. Воротынские должны были уступить лучшую треть удела казне. Но они не желали с этим мириться. Князь Михаил, как гласила официальная версия, «нагрубил» царю. По сведениям, поступившим из литовских источников, Грозный заподозрил Воротынских в том, что они намерены «податься» к королю со всеми своими земельными богатствами, поскольку их удел располагался непосредственно на литовской границе. Князь Михаил был предан суду и на основании показаний его холопов обвинен в том, что пытался околдовать («счаровать») царя и добывал на него «баб шепчущих». Боярская дума и высшее духовенство пытались заступиться за Воротынских, но добились помилования лишь для младшего брата Александра. Михаил Воротынский попал в тюрьму на Белое озеро. Родовое княжество опальной семьи перешло в казну.

Одновременно с удельными владыками гонениям подверглись «великие бояре», которые были подлинными вершителями дел в правительстве Избранной рады. Власти объявили опалу бывшему ближнему боярину князю Дмитрию Курлятеву, главному покровителю Сильвестра. Официальная летопись нарочито туманно повествует о неких «великих изменных делах» Курлятева, но не разъясняет, в чем они состояли. Помимо летописи о деле Курлятева упоминает также опись царского архива XVI в. После суда над Сильвестром Курлятев уехал на воеводство в Смоленск, откуда прислал царю грамоту. Эта грамота попала в архив и была описана следующим образом: «Да тут же грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрей, что поехал не тою дорогою, да и списочек воевод смоленских» [6]. На первый взгляд оправдательная грамота воеводы Курлятева не имела большого значения. Но в глазах царя она обладала каким-то особым смыслом, ибо он передал документ в архив, служивший хранилищем самых важных государственных бумаг.

Загадочные документы по делу Курлятева ставят перед исследователем ряд вопросов. Почему смоленский воевода стал оправдываться перед царем, что поехал не той дорогой? Куда он мог заехать из крепости, стоявшей на самой литовской границе? Само собой напрашивается

предположение, что Курлятев предпринял попытку уйти из Смоленска в Литву, но был задержан и старался доказать царю, будто заблудился в дороге. То, что он «заблудился» со всем своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у властей и послужило уликой против опального. Недаром царь приложил к «делу» Курлятева список смоленских воевод, «в котором году сколько с ними было людей», и велел хранить его вместе с отпиской боярина.

Становится понятным и тот факт, что Курлятев, посланный в Смоленск на год, в действительности пробыл там очень недолго и до истечения срока был смещен с воеводства. Ненавистного царю «великого боярина» заточили в отдаленный монастырь на Ладожском озере. Монашеский клобук вынуждены были надеть также все члены опальной семьи.

Оттесненная от кормила власти, но не сокрушенная удельно-боярская оппозиция все чаще обращала свои взоры в сторону Литвы. Там искали спасения те, кто не хотел мириться с самодержавными устремлениями Грозного. Оттуда ждали помощи те, кто подумывал об устранении царя Ивана. Тревога властей по поводу литовских связей оппозиции возрастала по мере того, как сражение на русско-литовской границе приобретало все более ожесточенный характер. В конце концов царь заподозрил в измене своего двоюродного брата князя Владимира. Подозрения имели основания. В то самое время, когда царская армия и старицкие удельные полки скрытно двигались к Полоцку, из царской ставки бежал знатный дворянин Борис Хлызнев-Колычев, предупредивший полоцких воевод о намерениях Грозного. Беглец принадлежал к числу ближних людей князя Владимира и, как полагал царь, имел от него какие-то поручения к королю Сигизмунду II. Опасаясь предательства, Иван учредил бдительный надзор за семьей брата.

Интрига старицких князей вышла наружу после того, как удельный дьяк Савлук Иванов решил разоблачить своего господина в глазах царя. Князь Владимир пытался отделаться от доносчика и упрятал его в тюрьму. Но Грозный велел привезти Савлука в Москву и получил от него обширную информацию относительно замыслов удельного князя и его сообщников. Вина их оказалась столь значительной, что царь отдал приказ о кон-

фискации Старицкого княжества и предании суду удельного владыки. Судьбу царской родни должно было решать высшее духовенство. (Боярская дума в суде формально не участвовала. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. К тому же в думе было слишком много приверженцев Старицких.) На соборе царь в присутствии князя Владимира огласил пункты обвинения. Митрополит и епископы признали их основательными, но приложили все усилия к тому, чтобы прекратить раздор в царской семье и положить конец расследованию.

Конфликт был улажен чисто семейными средствами. Царь презирал брата за «дурость» и слабоволие и проявил к нему снисхождение. Он полностью простил его, вернул удельное княжество, но при этом окружил людьми, в верности которых не сомневался. Свою тетку — энергичную и честолюбивую княгиню Евфросинию — Иван не любил и побаивался. В отношении нее он дал волю родственному озлоблению. Евфросинии пришлось разом ответить за все. Нестарой еще женщине, полной сил, приказали надеть монашеский куколь. Удельная княгиня приняла имя старицы Евдокии и стала жить в Воскресенском женском монастыре, основанном ею самой неподалеку от Кириллова. Опальной монахине позволили сохранить при себе не только прислугу, но ближних боярынь-советниц. Последовавшие за ней слуги получили несколько тысяч четвертей земли в окрестностях монастыря. Воскресенская обитель не была для Евфросинии тюрьмой. Изредка ей позволяли ездить на богомолье в соседние обители. Под монастырской крышей старица собрала искусных вышивальщиц. Изготовленные в ее мастерской вышивки отличались высокими художественными достоинствами.

Проступки удельных князей давали царю удобный повод ликвидировать последний крупный удел на Руси. Но Грозный не использовал эту возможность. Сколь бы опасными ни казались династические претензии князя Владимира, он был слишком бездеятелен и недальновиден, чтобы завоевать широкую популярность среди дворянства, а среди знати у него было довольно много недоброжелателей, главными из которых оставались князья Суздальские-Шуйские. (Они были повинны в смерти князя Андрея Старицкого и расхищении его имущества.) Сравнительно мягкое наказание удельных князей объясня-

лось, возможно, тем, что царя все больше тревожил нараставший конфликт с многочисленной суздальской знатью. Очевидно, царь не желал окончательно лишиться поддержки своих ближайших родственников в тот момент, когда положение династии стало неустойчивым. С ведома царя официальная летопись поместила краткий и нарочито туманный отчет о суде над старицким удельным князем и о выдвинутых против него обвинениях. Из этого отчета следовало, что в 1563 г. князь Владимир и его мать были изобличены в неких «неисправлениях» и неправдах. Со временем Грозный сам приоткрыл завесу секретности, окружавшую первый процесс Старицких. «А князю Владимиру,— писал он,— почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколенье, разве вашие (бояр) измены к нему, да его дурости? ...Яз такие досады стерпети не мог, за себя есми стал». Иван высказал свои обиды много позже. Могло показаться, что после суда царь поспешил предать забвению досадную ссору в собственной семье. Но на самом деле это было не так.

Простив брата, Грозный позаботился о том, чтобы подготовить почву для расправы с ним в случае возникновения нового кризиса. Необычная ситуация продиктовала необычное решение. Иван обратился к старым летописям и распорядился включить в них подробный отчет о первом заговоре Старицких в годы правления Избранной рады. Чтобы вполне оценить подобное распоряжение, надо иметь в виду, что в Русском государстве за официальной летописью признавалось совсем особое значение. Московские государи ссылались на летописи в своих спорах с вольным Новгородом, дипломаты черпали из них аргументы во время переговоров с иностранными дворами. Затеянная Грозным летописная работа преследовала не литературные, а политические цели. Она должна была обличить весь круг приверженцев князя Владимира, избежавших заслуженного наказания.

Иван начал работу со знакомства с судным делом С. Ростовского, одного из вождей боярского заговора 1553 г. Это судное дело, как значилось в описи царского архива XVI в., включало обширную документацию и хранилось в отдельном архивном ящике: «ящик 174, а в нем отъезд и пытки во княже Семенове деле Ростов-

ского». Против этих строк дьяки пометили на полях описи: «Взято ко государю во княж Володимерове деле Ондреевича 7071 году в июле в 20 день». Очевидно, царь Иван приступил к изучению дела о заговоре за одну-две недели до прощения брата. Несколько позже он взялся за летописи, в результате чего имена бояр-заговорщиков вскоре же перекочевали из архивного судного дела князя Ростовского на поля летописного свода, известного под названием Синодального списка летописи. Скорописные пометы замечательны тем, что они позволяют точно установить, кого из своих бояр царь решил скомпрометировать как заговорщиков после незавершенного суда над братом. Ими были князья Куракины «всем родом», князь Петр Щенятев, князь Дмитрий Немой. Их близость к Старицким не подлежит сомнению. Княгиня Евфросиния в девичестве носила фамилию Хованская и происходила из одного рода с Щенятевым и Куракиными. К моменту суда над Евфросинией князь Петр Щенятев занимал одно из высших мест в Боярской думе, князья Федор и Петр Куракины управляли Великим Новгородом и Псковом, а князь Иван Куракин возглавлял от имени слабоумного князя Юрия Васильевича Углицкое удельное княжество. Лица, скомпрометированные летописью, принадлежали к самому верхнему слою правящего боярства.

Официальная царская летопись сохранилась до наших дней в нескольких списках. Первые тетради Синодальной летописи служили своего рода черновиком. При Адашеве этот черновик подвергся правке. Затем правленый текст был переписан набело. Один из беловых списков московской летописи получил наименование Царственной книги. Это была парадная летопись, снабженная множеством совершенных рисунков-миниатюр. На изготовление ее были затрачены большие средства. Книга открывалась описанием смерти Василия III и должна была охватить весь период правления Грозного. Но работа над Царственной книгой была внезапно прервана. Чья-то властная рука испещрила ее страницы множеством помарок и вставок. Самая значительная приписка на полях Царственной книги посвящена была тому же сюжету, что и приписка о суде над Ростовским в Синодальном списке. Поскольку в обеих приписках фигурировали имена одних и тех же заговорщиков — князей П. М. Щенятева, Д. И. Немого, С. В. Ростовского, можно высказать предположение, что

приписки имели в своей основе одни и те же архивные материалы — судное дело Ростовского. Редактор Царственной книги, однако, составил более подробный рассказ о заговоре. Он занес на поля летописи устные показания ряда государственных деятелей, в подходящий момент выступивших с разоблачениями Старицких. Конюший Федоров поведал о том, что во время болезни царя в 1553 г. заговорщики пытались привлечь его на свою сторону и что он сообщил об этом государю, как только тот выздоровел. Неизвестно, был ли записан этот рассказ со слов Грозного или со слов Федорова. Дополнительные улики получены были от оружничего Л. А. Салтыкова. «Речи» верных бояр, внесенные в официальную летопись, приобрели значение важного свидетельского показания.

Главным свидетелем обвинения против Старицких выступил, по-видимому, сам Иван. Трудно было найти свидетеля более авторитетного и в то же время более пристрастного и необъективного. Царь поставил целью доказать, что приверженцы Старицких не только организовали тайный заговор, но и подняли открытый мятеж в думе и что его личное вмешательство спасло положение. Как мы помним, в день присяги наследнику Дмитрию, утверждалось в летописной приписке, больной царь дважды обращался к боярам с длинными речами. Когда крамольники отказались присягать малолетнему наследнику, царь будто бы пытался их образумить словами: «Вы свои души забыли, а нам и нашим детем служити не хочете — и коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах». Потом Грозный напустился с упреками на свою растерявшуюся родню Захарьиных: «А вы, Захарьины, чего испужалися? — будто бы сказал он.— Али, чаете, бояре, вас пощадят? вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!» Не надеясь на одних Захарьиных, царь обратился с отчаянным призывом ко всем верным членам думы: «Будет станетца надо мною воля божия, меня не станет, и вы пожалуйте, попамятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести никоторыми обычаи, побежите с ним в чюжую землю, где бог наставит» [7].

«Речи» к боярам, как видно, записанные со слов самого Ивана, можно считать вымышленными. В день «мя-

тежа» царь едва дышал и не мог, как уже говорилось, присутствовать на церемонии присяги. Подробности тайного заговора всплыли на поверхность после выздоровления Ивана, а до того у него попросту не было повода для страшных заклятий.

Обращение царя к Захарьиным менее всего соответствовало патриархальным временам правления Сильвестра, зато было исключительно злободневным в период, когда царь сделал Захарьиных главными опекунами и поручил им заботу о сыновьях.

Сочиненные после суда над Старицкими царские «речи» как нельзя более точно выражали настроения Ивана того времени, когда заговоры против его власти множились день ото дня. Ни один документ не раскрывает столь полно трагизм переживаний Грозного, как летописный рассказ. Царь страшится за будущее династии и обращается с паническими призывами к Захарьиным, заклиная их в случае беды спасти его семью, бежать с детьми за границу.

Царские «речи» служили косвенным признанием неудачи политики, ставившей целью оттеснить «великих бояр» от кормила власти. После трех лет «самодержавного» правления Грозный пришел к трагическому сознанию того, что он, боговенчанный царь, и дети, рожденные на троне, «ненадобны» более его могущественным вассалам.

Пытаясь объяснить истоки и ход конфликта между Грозным и знатью, следует помнить, что правящее московское боярство не представляло собой единой и однородной массы. В его сложной иерархии запечатлелась вся история объединения русских земель. Удельные князья занимали самую высокую ступень московской иерархии. Но процесс политической централизации безвозвратно подорвал их былое влияние. До середины XVI в. сохранилось не более трех-четырех родовых уделов. Почти все они принадлежали бывшим литовским магнатам, не имевшим связей с коренным московским дворянством. Многочисленные потомки местных династий Северо-Восточной Руси — суздальская знать — вынуждены были уступить литовским выходцам первенство в думе и армии, но по своему политическому весу эта знать — князья Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские — далеко превосходила «служилых князей». Назревавший раз-

дор с суздальской знатью во многом предопределил мирный исход конфликта между Грозным и его удельной родней.

До поры до времени влиятельному церковному руководству удавалось удерживать царя от окончательного разрыва с его могущественными вассалами. Престарелый осифлянин митрополит Макарий всегда ратовал за укрепление власти московского государя, отстаивал официальную теорию самодержавия и догмат о его божественном происхождении. Но в минуту острого конфликта он не упускал случая заступиться за опальных князей. Его усилия, впрочем, не всегда достигали цели. Доказательством тому служила расправа с семьей удельных князей Воротынских и преследование родственников Адашева.

Царь затеял суд над семьей Адашева после того, как получил донос от боярина М. Я. Морозова, бывшего члена Избранной рады. В дни полоцкого похода Морозов находился в почетной ссылке на воеводстве в Смоленске. После взятия Полоцка в его руки попал литовский пленник, сообщивший о том, что литовцы спешно стягивают силы к Стародубу, наместник которого обещал им сдать крепость. Морозов поспешил сообщить о показаниях пленника царю. Иван придал отписке Морозова самое серьезное значение. Стародубские воеводы были арестованы и преданы суду. И хотя показания пленного более всего компрометировали наместника Стародуба князя Василия Фуникова, пострадал не он, а его заместитель — воевода Иван Шишкин-Ольгов, родня Адашева-Ольгова. Власти обвинили в измене всех родственников покойного правителя. На плаху посланы были его брат окольничий Данила Адашев с сыном, тесть Петр Туров, их родня Сатины. Суд над стародубскими изменниками повлек за собой массовые преследования в отношении многочисленных приверженцев павшего правительства. По свидетельству современников, власти составили обширные проскрипционные списки. В них стали записывать «сродников» Сильвестра и Адашева, и не только «сродников», но и «друзей и соседов знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь и не знаемых» [8]. Многих из арестованных мучили «различными муками» и ссылали на окраины «в дальные грады». Стародубское дело наэлектризовало политическую атмосферу до крайних пределов и вызвало первую вспышку террора.

Последовавшая вскоре смерть митрополита Макария лишила церковь опытного и авторитетного руководителя, с которым склонны были считаться и взбалмошный царь и думская оппозиция. Эта смерть развязала руки Грозному.

Начавшиеся репрессии выдвинули на авансцену новую фигуру — боярина Алексея Басманова-Плещеева. Он происходил из семьи, издавна близкой к царской фамилии. Отец его служил постельничим у Василия III. Сам Алексей Басманов преуспел на военной службе. Он отличился под стенами Казани и в знаменитой битве с татарами при Судьбищах. В первые дни Ливонской войны Басманов, обладая ничтожными военными силами, овладел неприступной Нарвой. Выступив одним из инициаторов войны за Прибалтику, воевода снискал расположение Ивана IV, а затем стал его главным советником.

Правление Захарьиных приближалось к концу. Басманов хорошо видел это и старался ускорить их падение. Когда он затеял местнический спор с Шереметевым и выиграл дело, всем стало ясно, что старое правительство не пользуется более влиянием. Близкий родственник Захарьиных Иван Большой Шереметев в течение полутора десятилетий входил в ближнюю думу царя. Он имел немалые военные заслуги и занимал исключительно высокую ступень на местнической лестнице. Но все это не остановило Басманова.

По времени возвышение Басманова весьма точно совпало с началом целой полосы гонений против знати. Будучи типичным представителем военщины, новый любимец царя выступил как сторонник насильственных методов подавления боярской оппозиции. Одной из первых жертв Басманова стала семья Шереметевых. Едва кончилась их местническая тяжба, как бояре — братья Иван и Никита Шереметевы — были взяты под стражу. Один из самых популярных деятелей павшей Избранной рады, Иван Шереметев, имел очень большие заслуги, и Грозный не решился его казнить, а ограничился тем, что отобрал у него имущество, самого боярина после жестоких пыток заточил в тюрьму. По царскому приказу боярин Никита Шереметев был удавлен там. Захарьины не смогли предотвратить расправы с родней.

В начале 1564 г. царю доложили о гибели его армии в Литве. Первые известия о поражении были сильно пре-

увеличены. Главный воевода пропал без вести, и никто не мог определить размеров катастрофы. Грозный подозревал, что его военные планы были выданы литовцам вождями боярской оппозиции. Не медля ни минуты, он отдал приказ о казни двух заподозренных бояр. Царские слуги арестовали в церкви во время всеношной князя Репнина и убили его на улице. Спустя несколько часов на утренней молитве убит был князь Кашин.

Репнин и Кашин более других воевод отличились под стенами Полоцка. Их убийство стало предметом яростной полемики между Курбским и царем. Беглый боярин с возмущением писал, что Иван пролил «победоносную (!), святую кровь» воевод «во церквах божиих». На это царь с сарказмом отвечал, что давно уже ничего не слыхал о «святой крови» на Руси, что «мучеников за веру» в сие время у нас тоже нет и что «неподобно» нарицать изменников и блудников мучениками. Курбский не оставил без ответа выпад Ивана и включил в свою «Историю» целую притчу о «победоносном» воеводе Репнине и его «мученической» кончине. Притча эта весьма интересна.

После похода на Полоцк царь искал дружбы «победоносного» воеводы и однажды пригласил его во дворец на веселый пир со скоморохами и ряжеными. Когда все изрядно подвыпили, царь и его приятели пустились плясать со скоморохами. Подобная непристойность будто бы шокировала ревнителя благочестия. Ко всеобщему смущению, боярин прослезился и стал громко корить и увещевать Ивана: «Иже не достоит ти, о царю христианский, таковых творити!» Царь пробовал урезонить строптивца, просил его: «Веселися и играй с нами!» — и пытался надеть маску на нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, растоптал «машкару» ногами. Ссылаясь на свой боярский чин, он заявил: «Не буди ми се безумие и бесчиние сотворити в советническом чину сущу мужу!» [9] В сердцах Иван велел вытолкать упрямого боярина взашей за двери.

Притчу о «подвиге» Репнина можно посчитать мифом. Но она хорошо характеризует взаимоотношения царя с «великими» боярами накануне опричнины. Страх не сделал безгласными «прегордых» вельмож. Угрозы Сильвестрова послушника еще не воспринимались всерьез. Как при Иване III и Василии III, так и теперь князья не

только перечили, но и грубили самодержавному владыке. Противники Грозного прекрасно понимали значение Басманова как вдохновителя начавшихся опал и казней. Немедленно после побега в Литву Курбский обрушился с яростными нападками на некоего царского «потаковника», который «детьми своими паче Кроновых жерцов действует». Это был намек на юного фаворита Грозного Федора Басманова. Сей «потаковник», писал Курбский, «шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили». Приведенное письмо Курбского, писанное на другой день после казни Репнина и других бояр, показывает, кто нес непосредственную ответственность за казнь вождей оппозиции. Им был Алексей Басманов, «преславный похлебник», «маньяк» и «губитель святорусской земли», по выражению Курбского [10].

Кровавые казни вызвали ропот в столице. В таких условиях правительство сделало все, чтобы заручиться поддержкой церковного руководства.

Преемником Макария стал бывший протопоп Благовещенского собора Андрей, исполнявший более 10 лет роль духовника царя. После падения Сильвестра Андрей постригся в кремлевском Чудовом монастыре, приняв имя Афанасия. Царь остановил свой выбор на чудовском монахе, желая иметь во главе церкви послушного человека.

Новый митрополит получил особую «почесть» — право носить белый клобук. Царь пожаловал ему много льгот и привилегий, из которых митрополичья казна извлекала крупные выгоды. Все эти милости должны были упрочить согласие между монархом и церковью.

Вожди боярской партии осудили союз между главой церкви и самодержцем. В послании к единомышленнику — печорскому монаху Васьяну Муромцеву — Курбский без обиняков утверждал, что осифлянские иерархи церкви подкуплены и развращены богатствами: богатства превратили святителей в послушных угодников власти. Нет больше в России святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови, писал Курбский, нет больше людей, которые могли бы потушить лютый пожар и спасти гонимую «братию».

Курбский полагал, что его критика осифлянской церкви найдет сочувствие в Печорском монастыре, из-

давна бывшем цитаделью «нестяжателей». Но его нападки на осифлян имели не догматический, а скорее политический смысл. Он надеялся на то, что влиятельный Печорский монастырь возглавит выступление церковной оппозиции.

Послание Курбского интересно потому, что это едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу боярской оппозиции в России накануне опричнины. Главным пунктом этой программы было требование о немедленном прекращении антибоярских репрессий. Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский обвинял «державного» правителя России в кровожадности, а заодно в «нерадении» державы, в «кривине суда», оскудении дворян, притеснении купеческого чина и страданиях земледельцев, словом, во всех бедах, постигших Русское государство.

ИЗМЕНА КУРБСКОГО

В Боярской думе заседали не одни только царские недоброжелатели. Многие бояре пользовались доверием царя, а некоторые, например Курбский, были его личными друзьями. События, последовавшие за полоцким походом, омрачили дружбу Ивана с князем Андреем Курбским. Царя, по его словам, уязвило «согласие» князя с изменниками, и он подверг воеводу «малому наказанию», отправив его в крепость Юрьев в качестве наместника Ливонии.

Только что закончился полоцкий поход, в котором Курбский выполнял почетное поручение. Он командовал авангардом армии — сторожевым полком. (Обычно на этот пост назначали лучших боевых командиров.) Курбский находился на самых опасных участках: он руководил осадными работами у стен неприятельского острога. После завоевания Полоцка победоносная рать вернулась в столицу, ее ждал триумф. Высшие офицеры могли рассчитывать на награды и отдых. Но Курбский лишен был всего этого. Царь приказал ему ехать в Юрьев и дал на сборы менее месяца. Всем памятно было, что Юрьев послужил местом ссылки «правителя» Алексея Адашева. Прошло менее трех лет с того дня, когда Адашев после успешного похода в Ливонию отбыл к месту службы в

Юрьев, заключен был в юрьевскую тюрьму и там умер в опале.

По прибытии в Юрьев Курбский обратился к своим друзьям печорским монахам с такими словами: «Многажды много вам челом бью, помолитеся обо мне скаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают» [1]. Чтобы понять заключенную в словах Курбского аллегорию, надо знать, что Вавилоном называли тогда царскую власть. Почему Курбский ждал от царя новых для себя неприятностей? Вспомним, что в это самое время Грозный занялся расследованием дела о заговоре князя Владимира Андреевича, которому Курбский доводился родней. Розыск скомпрометировал юрьевского воеводу. Царские послы впоследствии заявили в Литве, что Курбский изменил царю задолго до побега, в то самое время, когда он «подыскивал под государем нашим государьства, а хотел видети на государстве князя Володимера Ондреевича, а за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная, а княж Володимерово дело Ондреевича потому же как было у вас (в Литве) дело Швидригайлу с Ягайлом» [2].

Курбский пробыл в Юрьеве год, после чего бежал в Литву. Под покровом ночи он спустился по веревке с высокой крепостной стены и с несколькими верными слугами ускакал в Вольмар. В Юрьеве осталась жена Курбского. В спешке беглец бросил почти все свое имущество: воинские доспехи и книги, которыми он очень дорожил. Причиной спешки было то, что московские друзья тайно предупредили боярина о грозящей ему царской опале. Сам Грозный подтвердил основательность опасений Курбского. Его послы сообщили литовскому двору о том, что царь проведал об «изменных» делах Курбского и хотел было его наказать, но тот убежал за рубеж. Позже в беседе с польским послом Грозный признался, что намерен был убавить Курбскому почестей и отобрать «места» (земельные владения), но при этом клялся царским словом, что вовсе не думал предать его смерти. В письме Курбскому, написанном сразу после побега князя, Иван IV не был столь откровенен. В самых резких выражениях он упрекал беглого боярина за то, что тот поверил наветам лжедрузей и «утек» за рубеж «единого ради (царского) малого слова гневна» [3]. Царь Иван IV кривил душой, но и сам он не знал всей правды

о бегстве бывшего друга. Обстоятельства отъезда Курбского не выяснены полностью по сей день. Историки не могут ответить на многие вопросы, коль скоро речь заходит об этом сюжете.

После смерти Курбского его наследники представили литовскому суду все документы, связанные с отъездом боярина из России. На суде выяснилось, что побегу Курбского предшествовали более или менее длительные секретные переговоры. Сначала царский наместник Ливонии получил «закрытые листы», т. е. секретные письма, не заверенные и не имевшие печати. Одно письмо было от литовского гетмана князя Ю. Н. Радзивилла и подканцлера Е. Воловича, а другое — от короля. Когда соглашение было достигнуто, Радзивилл отправил в Юрьев «открытый лист» (заверенную грамоту с печатью) с обещанием приличного вознаграждения в Литве. Курбский получил тогда же и королевскую грамоту соответствующего содержания.

Учитывая удаленность польской столицы, несовершенство тогдашних транспортных средств, неважное состояние дорог, а также трудности перехода границы в военное время, можно заключить, что тайные переговоры в Юрьеве продолжались никак не менее одного или даже нескольких месяцев, а возможно, еще и дольше.

Сейчас стали известны новые документы по поводу отъезда Курбского. Мы имеем в виду письмо короля Сигизмунда II Августа, написанное за полтора года до измены царского наместника Ливонии. В этом письме король благодарил князя-воеводу витебского за старания его в делах, касающихся воеводы московского князя Курбского, и дозволял переслать тому же Курбскому некое письмо. Иное дело, продолжал король, что из всего этого еще выйдет, и дай бог, чтобы из этого могло что-то доброе начаться, ибо ранее до него не доходили подобные известия, в частности о таком начинании Курбского [4].

Из королевского письма следует, что инициатором тайного обращения к московскому воеводе был «князь-воевода витебский». По литовским документам той поры можно установить, что «князь-воевода» — это упомянутый выше Радзивилл. Король позволил Радзивиллу отослать письмо Курбскому. «Закрытый лист» Радзивилла положил начало секретным переговорам между Курбским и литовцами.

Слова Сигизмунда по поводу «начинания» Курбского кажутся странными ввиду того, что написаны они были за полтора года до отъезда московского воеводы. На границах шла кровопролитная война. Королевскую армию не раз постигали неудачи. Неудивительно, что Сигизмунд II обрадовался «начинанию» Курбского и выразил надежду, что из этого выйдет доброе дело. Как видно, он не ошибся.

Новые документальные данные заставляют пересмотреть известия ливонских хроник, повествующих о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Известный хронист Ф. Ниештадт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен. Но кто-то выдал заговорщиков литовским властям. Арца увезли в Ригу и там колесовали в конце 1563 г.

Ливонский хронист описал в благоприятном для Курбского свете его переговоры с Арцем. Но он добросовестно изложил также распространившиеся в Ливонии слухи о том, что Курбский сам предал шведского наместника Ливонии. «Князь Андрей Курбский,— говорит он,— также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя» [5]. Сведения о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя вовсе не были беспочвенными.

В рижском архиве хранится запись показаний Курбского, данных им ливонским властям тотчас после бегства из Юрьева. Подробно рассказав литовцам о своих тайных переговорах с ливонскими рыцарями и рижанами, Курбский продолжал: «Такие же переговоры он (Курбский) вел с графом Арцем, которого тоже уговорил, чтобы он склонил перейти на сторону великого князя замки великого герцога финляндского, о подобных делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл» [6]. Неожиданная немногословность и ссылка на забывчивость косвенно подтверждают распространившиеся в Ливонии слухи о причастности Курбского к смерти Арца. После бегства в Ливонию боярин принял к себе на службу слугу казненного графа и при нем не раз со вздохом сок-

рушался о кончине его господина. Не желал ли он отвести от себя подозрения насчет предательства?

Затеяв секретные переговоры с литовцами, Курбский, по-видимому, оказал им важные услуги. После побега юрьевский воевода показал, что царь собирался отправить в поход на Ригу 20-тысячную армию, но по настоянию прежнего ливонского наместника, конюшего И. П. Федорова, переменил свои планы. Собранная в Полоцке армия направилась в пределы Литвы. Между тем адресат Курбского князь Ю. Н. Радзивилл, как видно располагавший точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил московских воевод. Произошло это за три месяца до побега Курбского в Литву.

Как только гонец привез в Москву весть о поражении, царь немедленно велел казнить двух бояр, которых подозревали в тайных сношениях с литовцами. Казни произвели на Курбского ошеломляющее впечатление. Державный царь, писал тогда Курбский, «неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умыслиша». Волнение Курбского вполне можно понять: над головой этого «доброхота» вновь сгустились тучи. Но гроза и на этот раз прошла мимо: ни один волос не упал с его головы. Как бы то ни было, Курбский с этого времени стал готовиться к побегу за рубеж, свидетельством чему служили его письма из Юрьева [7]. Желая оправдать перед друзьями решение покинуть отечество, Курбский с жаром обличал бедствия русских сословий — дворян, купцов и земледельцев. Дворяне не имеют даже «дневныя пищи», земледельцы страждут под тяжестью безмерных даней, писал он. Впрочем, слова сочувствия крестьянам звучали в его устах необычно. Ни в одном из своих многочисленных сочинений Курбский никогда больше ни единым словом не обмолвился о крестьянах.

История измены Курбского, быть может, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Будучи в Юрьеве, боярин обращался за займами в Печорский монастырь, а через год явился на границу с мешком золота. В его кошельке нашли огромную по тем временам сумму денег в иностранной монете — 30 дукатов, 300 золотых, 500 серебряных талеров и всего 44 московских рубля. Курбский жаловался на то, что после побега его имения конфисковала казна. Значит, деньги получены были не от продажи

земель. Курбский не увозил из Юрьева воеводскую казну. Об этом факте непременно упомянул бы Грозный. Остается предположить, что предательство Курбского было щедро оплачено королевским золотом.

Заметим попутно, что золотые монеты не обращались в России, а дукаты заменяли ордена: получив за службу «угорский» дукат, служилый человек носил его на шапке или на рукаве.

Историки обратили внимание на такой парадокс. Курбский явился за рубеж богатым человеком. Но из-за рубежа он тотчас же обратился к печорским монахам со слезной просьбой о вспомоществовании. Объяснить это помогают подлинные акты Литовской метрики, сохранившие решение литовского суда по делу о выезде и ограблении Курбского. Судное дело воскрешает историю бегства царского наместника в мельчайших деталях. Покинув Юрьев ночью, боярин добрался под утро до пограничного ливонского замка Гельмета, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники. Но гельметские немцы схватили перебежчика и отобрали у него все золото. Из Гельмета Курбского как пленника повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку и отняли лошадей.

Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, он получил возможность поразмыслить над превратностями судьбы. На другой день после гельметского грабежа Курбский обратился к царю с упреком: «всего лишен бых и от земли божия тобою туне отогнан бых». Слова беглеца нельзя принимать за чистую монету. Наместник Ливонии давно вступил в изменнические переговоры с литовцами, и его гнал из отечества страх разоблачения. На родине Курбский до последнего дня не подвергался прямым преследованиям. Когда же боярин оказался на чужбине, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но подвергся насилию и был обобран до нитки. Он разом лишился высокого положения, власти и золота. Катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о «земле божьей» — покинутом отечестве.

В Литве беглый боярин первым делом заявил, что считает своим долгом довести до сведения короля о «про-

исках Москвы», которые следует «незамедлительно пресечь». Курбский выдал литовцам всех ливонских сторонников Москвы, с которыми он сам вел переговоры, и назвал имена московских разведчиков при королевском дворе.

Из-за рубежа Курбский послал в Юрьев верного холопа Ваську Шибанова с наказом вынуть из-под печи в воеводской избе его «писания» и передать их царю или печорским старцам. После многих лет унижений и молчания Курбский жаждал бросить в лицо бывшему другу гневное обличение, а заодно оправдать перед всеми свою измену. Кроме того, Шибанов должен был испросить заем у властей Печорского монастыря.

Тайный гонец Курбского не успел осуществить своей миссии. Его поймали и в оковах увезли в Москву. Предание о подвиге Шибанова, вручившего царю «досадительное» письмо на Красном крыльце в Кремле, легендарно. Достоверно лишь то, что пойманный холоп даже под пыткой не захотел отречься от господина и громко восхвалял его, стоя на эшафоте.

Из Вольмара Курбский обратился с короткими посланиями к царю и печорским старцам. Оба послания заканчивались совершенно одинаковыми фразами. Беглец грозил старцам и бывшему своему другу божьим судом и стращал тем, что возьмет писания против них с собою в гроб.

Спасения в Литве искал не один Курбский. Туда же бежал его «зловерный» единомышленник стрелецкий голова Тимоха Тетерин, улизнувший из монастыря, и другие лица.

Образование в Литве русской политической эмиграции имело важные последствия. Впервые за много лет оппозиция получила возможность открыто заявить о своих нуждах и противопоставить официальной точке зрения собственные требования.

Благодаря оживленным торговым и дипломатическим сношениям между Россией и Литвой эмигранты поддерживали постоянную связь со своими единомышленниками в России. В свою очередь в русской столице жадно ловили все слухи и вести из-за рубежа. Протесты эмигрантов получили чрезвычайно сильный резонанс в обстановке углубляющегося конфликта между самодержавием и аристократической оппозицией.

Раздоры с думой и вызов, брошенный вождями оппозиции, побудили Грозного взяться за перо для вразумления строптивых подданных. Будучи в Александровской слободе и Можайске, он в течение нескольких недель составил знаменитый ответ Курбскому. В Можайск царя сопровождал Басманов. На этом основании можно предположить, что новый царский любимец был одним из первых читателей письма Грозного и, вероятно, участвовал в его составлении.

«Широковещательное» и «многошумящее» послание Грозного составило по тогдашним масштабам целую книгу. По содержанию своему это был подлинный манифест самодержавия, в котором наряду со здравыми идеями содержалось много ходульной риторики и хвастовства, а претензии выдавались за действительность. Главным вопросом, занимавшим царя, был вопрос о взаимоотношении монарха и знати. Царь жаждал полновластия. Безбожные «языцы», утверждал он, «те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако и владеют. А Российское самодержьство изначяла сами владеют своими государьствы, а не боляре и не вельможи». Сам бог поручил московским государям «в работу» прародителей Курбского и прочих бояр. Даже высшая знать у царя не «братия» (так называл себя и прочих князей Курбский), но холопы. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны».

Образ могучего повелителя, нарисованный в царском послании, не раз вводил в заблуждение историков. Но факты ставят под сомнение достоверность этого образа. Грозный жаждал всевластия, но отнюдь не располагал им. Он слишком живо чувствовал зависимость от своих могущественных вассалов. «Царские речи» по поводу боярского мятежа, известные нам по летописным припискам, не оставляют сомнений на этот счет. Страх перед боярской жестокостью, удручающее сознание своей ненадобности боярам — вот что скрывалось за его высокомерным третированием холопов-бояр.

Царь не желал обнаружить слабость перед Курбским, но в послании к нему он не смог скрыть своих страхов. Тем ли бояре душу за нас полагают, писал Грозный, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нынешние изменники, продолжал он, нарушив клятву на кресте, отвергли данного им богом и родившегося на

царство царя и, сколько могли сделать зла, сделали — словом, делом и тайным умыслом.

Известную откровенность в выражении своих тревог и сомнений царь Иван допускал не часто и главным образом в исторических повествованиях о прошлом. Когда же дело касалось настоящего, он не желал дать противникам повода для торжества. Так, Грозный не хотел признать, что его раздор с Боярской думой углубляется. Среди бояр наших, писал он Курбскому, нет несогласных с нами, кроме только ваших друзей и советников, которые и теперь, подобно бесам, работают под покровом ночи над осуществлением своих коварных замыслов. Нетрудно догадаться, в кого направлены были царские стрелы. Курбского и его друзей царь считал приверженцами Старицких и участниками их заговора. Теперь он недвусмысленно грозил им всем расправой.

От современности царь обращал взоры к прошлому, и тут он не скупился на примеры, иллюстрировавшие боярскую измену. Если в приписках к Царственной книге Грозный пытался скомпрометировать Сильвестра и Адашева как косвенных пособников Старицких, то в своем письме Курбскому он одним росчерком пера превратил этих лиц в главарей заговора против династии. Изменники-бояре, писал Иван, «восташа яко пияни с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем» (Адашевым), ради того чтобы погубить наследника царевича Дмитрия и передать трон князю Владимиру.

Вся аргументация послания Грозного сводилась к тезису о великой боярской измене. Боярам, писал Грозный, вместо государственной власти потребно самовольство; а там, где царю не повинуются подданные, никогда не прекращаются междоусобные брани; если не казнить преступников, тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Боярскому своеволию царь пытался противопоставить неограниченное своеволие монарха, власть которого утверждена богом.

На разные лады Грозный повторял мысль о том, что за «непокорство» и измену бояре достойны гонений. Он искал и находил множество доводов в пользу репрессий против знати. Его писания прокладывали путь опричнине.

Царь не жалел бранных эпитетов по адресу Курбского и всего его рода. Беглый боярин, по словам Ива-

на, писал свои изветы «злобесным собацким умышлением», «подобно псу лая или яд ехидны отрыгая». Между прочим, Курбский грозил Ивану тем, что не явит больше ему своего лица до дня страшного суда. «Хто же убо желает такова ефиопьска лица видети? — отвечает царь.— Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы очи имуща?» [8]

Эпистолия царя дошла до Курбского после того, как он переехал в Литву и получил от короля богатые имения. К тому времени его интерес к словесной перепалке с Грозным стал ослабевать. Беглый боярин составил краткую доказательную отписку царю, но так и не отправил ее. Отныне его спор с Иваном могло решить лишь оружие. Интриги против «божьей земли», покинутого отечества, занимали теперь все внимание эмигранта. По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Как свидетельствуют о том вновь найденные архивные документы, Курбский благодаря хорошему знанию местности сумел окружить русский корпус, загнал его в болота и разгромил. Легкая победа вскружила боярскую голову. Изменник настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он намеревался захватить Москву. Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы не тотчас же застрелили его, если заметят в нем неверность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним [9].

Предательство скомпрометировало Курбского. На родине даже его друзья, печорские старцы, объявили о разрыве с ним. Но было ли полным торжество царя? Ответ на этот вопрос пришел незамедлительно.

Будучи в Литве, Курбский упрекнул царя за разврат с Федором Басмановым. При дворе семья Басмановых навлекла на себя общую ненависть и презрение. Втихомолку ее поносили многие. Кое-то открыто выражал свое отношение к ним. Однажды знатный воевода князь Фе-

дор Овчинин поссорился с Федором Басмановым и выбранил его за нечестивые деяния с царем. Басманов отправился к царю и плача рассказал ему об оскорблении. Разгневанный такой дерзостью Грозный пригласил Овчинина во дворец и после пира велел спуститься в винный погреб, чтобы закончить там праздник. Подвыпивший князь не расслышал угрозы в словах государя и отправился в погреб, где был задушен псарями.

Сын знаменитого фаворита правительницы Елены князь Федор Овчинин-Телепнев-Оболенский принадлежал к высшей знати и успел отличиться на военном поприще. Его беззаконное убийство вызвало протест даже со стороны лояльных по отношению к царю лиц. По словам осведомленного современника, митрополит и бояре отправились к Грозному и просили его прекратить жестокое кровопролитие.

Не зная подлинных причин выступления митрополита, очевидцы событий склонны были объяснить его тем огромным влиянием, которым якобы пользовался в Московии «граф» Овчинин. В действительности гибель Овчинина явилась не более чем поводом для выступления влиятельных сил, добивавшихся изменения правительственного курса и прекращения террора.

Внешне верноподданническое обращение подданных к царю разительно отличалось от гневных филиппик эмигранта Курбского. Но суть их была одна и та же. Духовенство и Боярская дума с твердостью потребовали от царя прекращения неоправданных репрессий. Судя по письмам Курбского, требование о прекращении казней было одновременно требованием об удалении из правительства главного вдохновителя террора Алексея Басманова. Причастность сына Басманова к убийству Овчинина давала оппозиции весьма удобный повод для того, чтобы настаивать на отставке ненавистного временщика.

Знать открыто осуждала жестокость царя. Когда он велел казнить слугу Курбского Василия Шибанова и выставить его труп для устрашения, боярин Владимир Морозов тотчас же приказал своим людям подобрать тело и похоронить его. Грозный не простил Морозову его поступка. Боярина обвинили в том, что он поддерживает тайные связи с Курбским, и заточили в тюрьму.

Оппозиция со стороны бояр и высшего духовенства ставила царя в трудное положение. Даже лица, кото-

рые выдвинулись после отставки Адашева и стали царскими душеприказчиками, не внушали ему больше полного доверия. Один из членов будущего регентского совета князь П. И. Горенский, получил приказ покинуть двор и отправиться в действующую армию. Прибыв к месту назначения, он попытался бежать за рубеж. Погоня настигла беглеца в литовских пределах. В цепях Горенский был доставлен в столицу и вскоре же повешен.

Грозный выразил недоверие некоторым влиятельным деятелям правительства Захарьиных и подверг кратковременному аресту своего душеприказчика боярина И. П. Яковлева-Захарьина. Еще недавно Иван IV видел в Захарьиных возможных спасителей династии, теперь и эта боярская семья оказалась под подозрением.

Правительство Захарьиных, каким оно сложилось после отставки Адашева, фактически просуществовало не более четырех лет. Признанный глава этого правительства Данила Романович умер в конце 1564 г. Распад правительства Захарьина расчистил путь к власти новым любимцам царя.

В целом кружок лиц, поддержавших программу крутых мер и репрессий против боярской оппозиции, был очень немногочислен, в него не входил ни один из влиятельных членов Боярской думы за исключением разве что А. Д. Басманова. Ближайшими помощниками Басманова стали Афанасий Вяземский, расторопный обозный воевода, привлекший внимание царя во время полоцкого похода, безвестный дворянин Петрок Зайцев и пр. Протест митрополита и Боярской думы поставил вдохновителей нового курса в положение полной изоляции. Но именно это обстоятельство побуждало их идти напролом.

Лишившись поддержки значительной части правящего боярства и церковного руководства, царь не мог управлять страной обычными методами. Но он никогда не сумел бы расправиться с могущественной аристократической оппозицией без содействия дворянства. Приобрести поддержку дворян можно было двумя путями. Первый из них состоял в расширении сословных прав и привилегий дворянства, осуществлении программы дворянских реформ. Но правительство Грозного избрало другой путь. Отказавшись от ориентации на дворянское сословие в целом, оно решило создать особый полицейский корпус спе-

циальной дворянской охраны. Корпус комплектовался из относительно небольшого числа дворян. Его члены пользовались всевозможными привилегиями в ущерб всей остальной массе служилого сословия.

Традиционная структура управления армией и приказами, местничество и прочие институты, обеспечивавшие политическое господство боярской аристократии, так и не подверглись реформированию. Подобный образ действий был чреват опасным политическим конфликтом. Монархия не могла сокрушить устои политического могущества знати и дать новую организацию всему дворянскому сословию. Привилегии охранного корпуса со временем вызвали глубокое недовольство в среде земских служилых людей. Таким образом, опричная реформа способствовала в конечном счете сужению социальной базы правительства, что в дальнейшем привело к террору как единственному способу разрешения возникшего противоречия.

УКАЗ ОБ ОПРИЧНИНЕ

Польско-литовское государство не примирилось с потерей Полоцка. Осенью 1564 г. король направил к крепости многочисленную армию. Русские полки были спешно стянуты к северо-западной границе. В это самое время крымская орда, вероломно нарушив соглашение, вторглась в пределы России. Военные заслоны, стоявшие на Оке, не могли противостоять татарскому нашествию, но хан Девлет-Гирей не решился идти на Москву и свернул к Рязани. Гарнизон Рязани был немногочисленным, ее укрепления находились в плачевном состоянии. Случайно в окрестностях города оказался Басманов, отдыхавший в своем поместье. Наспех собрав вооруженную свиту, воевода напал на татарские разъезды, захватил «языков» и засел в Рязани. Все попытки врага взять крепость штурмом закончились неудачей. Крымцы поспешно отступили в степи.

Королевская армия, простоявшая в полном бездействии в нескольких верстах от Полоцка, ушла за Двину незадолго до отступления татар от стен Рязани.

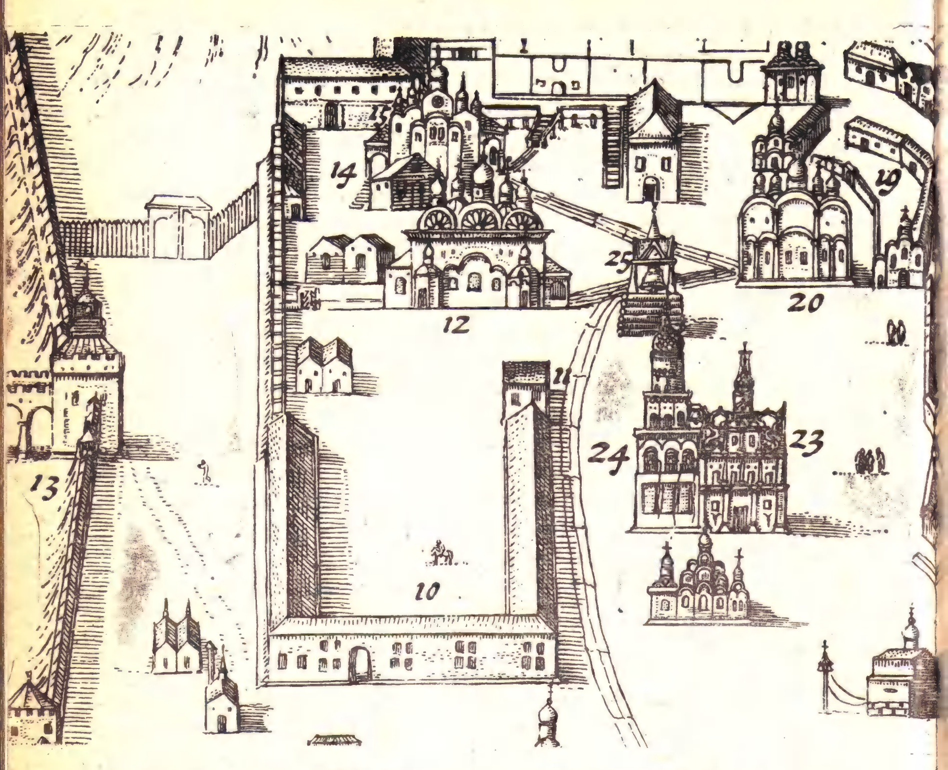
Нападения на русские границы были отбиты. Но военная тревога ускорила развитие кризиса в России. Москва

понесла серьезное дипломатическое поражение, не сумев предотвратить объединение наиболее опасных противников. Отныне стала неизбежной война на два фронта. Прошло 15 лет с тех пор, как Грозный предпринял первый поход на Казань. С этого времени война не затихала ни на один год, принося беды народу и разорение стране.

В обстановке внешнеполитических неудач соратники царя настоятельно советовали установить в стране диктатуру и сокрушить оппозицию с помощью террора и насилия. Но в Русском государстве ни одно крупное политическое решение не могло быть принято без утверждения в Боярской думе. Между тем позиция думы и церковного руководства была известна и не сулила успеха предприятию. По этой причине царь вынужден был избрать совершенно необычный способ действия. Стремясь навязать свою волю «совету крупных феодалов», он объявил об отречении от престола. Таким путем он рассчитывал вырвать у думы согласие на введение в стране чрезвычайного положения.

Отречению Грозного предшествовали события самого драматического свойства. В начале декабря 1564 г. царская семья стала готовиться к отъезду из Москвы. Иван IV посещал столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей он велел забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы и прочую «святость». В воскресенье, 3 декабря, Грозный присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями. На площади перед Кремлем уже стояли сотни нагруженных повозок под охраной нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья покинула столицу, увозя с собой всю московскую «святость» и всю государственную казну. Церковные сокровища и казна стали своего рода залогом в руках Грозного.

Царский выезд был необычен. Ближние люди, сопровождавшие Грозного, получили приказ забрать с собой семьи. Оставшиеся в Москве бояре и духовенство находились в полном неведении о замыслах царя и «в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо куды бяша».



Кремль. План начала XVII в. Государственный исторический музей

Царский «поезд» скитался в окрестностях Москвы в течение нескольких недель, пока не достиг укрепленной Александровской слободы. Отсюда в начале января царь известил митрополита и думу о том, что «от великие жалости сердца» он оставил свое государство и решил поселиться там, где «его, государя, бог наставит» [1]. Как можно предположить, в дни «скитаний» царь составил черновик нового завещания, в котором весьма откровенно объяснял причины отъезда из Москвы. А что по множеству беззаконий моих божий гнев на меня распростерся, писал Иван, «изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаются по странам, а може бог когда не оставит». Царское завещание заключало в себе пространное «исповедание», полное горьких призна-

ний. Иван каялся во всевозможных грехах и заканчивал свое покаяние поразительными словами: «Аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднеишии и гнуснейший... сего ради всеми ненавидим есмь...» [2] Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

Совсем недавно боярин Курбский пенял царю на его чудовищную неблагодарность, сетуя на изгнание в дальние страны. «...Воздал еси мне злая за благие,— писал он Ивану,— и за возлюбление мое непримирительную ненависть...» Теперь совершенно тем же языком заговорил другой «изгнанник» — царь Иван. Ум покрылся струпьями, жаловался Иван, «тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое» [3]. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Грозный бросил Курбскому горделивую фразу о вольном Российском «самодержьстве». Теперь наступил жалкий финал. Самодержец и помазанник божий был «изгнан» от своего достояния своими холопами боярами. Для человека, свято верившего в божественное происхождение своей власти, отречение не было легким фарсом. Иван IV пережил страшное нервное потрясение. У него выпали почти все волосы на голове. Когда царь вернулся из слободы в Москву, многие не могли узнать его, так сильно он изменился. Как видно, жалобы на «изнеможение» тела, умножение струпий телесных и душевных не были простой риторической фразой.

Из слободы царь направил в Москву гонца с письмами к думе и горожанам. В то время как члены думы и епископы сошлись на митрополичьем дворе и выслушали известие о царской на них опале, дьяки собрали на площади большую толпу и объявили ей об отречении Грозного. В прокламации к горожанам царь просил, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никторые нет» [4]. Объявляя об опале власть имущим, царь как бы апеллировал к народу в своем давнем споре с боярами. Он не стесняясь говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами.

Среди членов Боярской думы, конечно же, были противники Грозного, пользовавшиеся большим влиянием.

Но из-за общего негодования на «изменников» никто из них не осмелился поднять голос. Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны старой присяге, будут просить у царя защиты «от рук сильных» и готовы сами «потребить» всех государевых изменников.

Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречение Грозного, но вынуждена была обратиться к нему с верноподданническим ходатайством. Представители митрополита и бояре, не теряя времени, выехали в слободу. Царь допустил к себе духовных лиц и в переговорах с ними заявил, что его решение окончательно. Но потом он «уступил» слезным молениям близкого приятеля чудовского архимандрита Левкия и новгородского архиепископа Пимена. Затем в слободу допущены были руководители думы. Слобода производила впечатление военного лагеря. Бояр привели во дворец под сильной охраной как явных врагов. Вожди думы просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

Ответная речь царя подробно изложена в записках опричников-иностранцев Таубе и Крузе. Сам по себе этот источник не внушает большого доверия. Но в нем фигурируют многие сюжеты, присутствующие в подлинном послании царя Курбскому. Царь заявил боярам, что они и прежде пытались погубить славную династию и теперь ежечасно готовы сделать это. В словах Ивана можно усмотреть прямой намек на заговоры в пользу Старицких. Но имя удельного князя названо не было: прощение брата обязывало к молчанию. Как и в письме Курбскому, царь охотнее всего касался таких тем, как беззаконное боярское правление в годы его детства. В слободе Иван IV выдвинул новые обвинения против бояр, отсутствовавшие в послании. Он заявил, будто после смерти отца бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем выходца из рода князей Горбатых-Шуйских. И этих людей он ежедневно вынужден видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Свою гневную речь Грозный заключил словами о том, что изменники извели его жену и стремятся уничтожить его самого, но бог воспротивился этому и раскрыл их козни.

Теперь он, царь, обязан принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье.

Присутствовавшие прекрасно уразумели смысл царской речи. Старшие Шуйские давно сошли со сцены за исключением одного князя А. Б. Горбатого. Его-то имел в виду царь, говоря о том, что принужден ежедневно встречаться с ним в своей думе. Правда, при регентстве Шуйских Горбатый подвизался на самых скромных ролях. Лишь при Адашеве Горбатый стал одним из подлинных вершителей дел. Это и погубило его. Боярская дума не смогла защитить признанного своего лидера.

Когда царь под предлогом борьбы с заговором потребовал от бояр предоставления ему чрезвычайных полномочий, они ответили покорным согласием. Для выработки соглашения с думой царь оставил в слободе нескольких бояр, а остальных в тот же день отослал в столицу. Такое разделение думы как нельзя лучше отвечало целям Басманова и других приспешников царя. На подготовку приговора об опричнине ушло более месяца. В середине февраля царь вернулся в Москву и представил на утверждение думе и священному собору текст приговора.

В речи к собору Иван сказал, что для «охранения» своей жизни намерен «учинить» на своем государстве «опришнину» с двором, армией и территорией. Далее он заявил о передаче Московского государства (земщины) в управление Боярской думы и присвоении себе неограниченных полномочий — права без совета с думой «опаляться» на «непослушных» бояр, казнить их и отбирать в казну «животы» и «статки» опальных. При этом царь особенно настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как то ни парадоксально, один из главнейших аргументов в пользу опричнины.

Правительство без труда добилось от собора одобрения подготовленного указа. Члены думы связали себя обещаниями в дни династического кризиса. Теперь им оставалось лишь верноподданнически поблагодарить царя за заботу о государстве.

Организованная по типу удельного княжества «опришнина» находилась в личном владении царя. Управляла опричниной особая Боярская дума. Формально ее возглавлял удельный князь молодой кабардинец Михаил Черкасский, брат царицы. Но фактически всеми делами в думе

распоряжались Плещеевы (бояре Алексей Басманов и Захарий Очин, кравчий Федор Басманов) и их друзья (Вяземский и Зайцев).

В состав опричного «удела» вошло несколько крупных дворцовых волостей, которые должны были снабжать опричный дворец необходимыми продуктами, и обширные северные уезды (Вологда, Устюг Великий, Вага, Двина) с богатыми торговыми городами. Эти уезды служили основным источником доходов для опричной казны. Финансовые заботы побудили опричное правительство взять под свой контроль также главные центры солепромышленности: Старую Русу, Каргополь, Соль Галицкую, Балахну и Соль Вычегодскую. Своего рода соляная монополия стала важнейшим средством финансовой эксплуатации населения со стороны опричного правительства.

ОПРИЧНАЯ ГРОЗА

Царь забрал в опричнину Суздальский, Можайский и Вяземский уезды, а также около десятка других совсем мелких. Уездные дворяне были вызваны в Москву на смотр. Опричная дума во главе с Басмановым придирчиво допрашивала каждого о его происхождении, о родословной жены и дружеских связях. В опричнину отбирали худородных дворян, не знавшихся с боярами. Аристократия взирала на «новодельных» опричных господ с презрением. Их называли не иначе, как «нищими и косолапыми мужиками» и «скверными человеками». Сам царь, находившийся во власти аристократических предрассудков, горько сетовал на то, что вынужден приближать мужиков и холопов. Впавшему впоследствии в немилость опричнику Василию Грязному он писал: «...По грехом моим учинилось, и нам того как утаити, что отца нашего князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды» [1]. Укомплектованное из незнатных дворян опричное войско должно было стать, по замыслу Грозного, надежным орудием в борьбе с феодально-аристократической оппозицией. При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, и не молчать обо всем дурном, что он узнает. Опричникам запрещалось общаться с земщиной. Удельные васса-

лы царя носили черную одежду, сшитую из грубых тканей. Они привязывали к поясу у колчана со стрелами некое подобие метлы. Этот их отличительный знак символизировал стремление «вымести» из страны измену.

Опричная тысяча была создана как привилегированная личная гвардия царя. Служба в опричнине открывала широкие перспективы перед худородными дворянами. Им увеличили земельные «оклады». Но подобные привилегии опричнины распространялись лишь на сравнительно узкий круг дворянства.

Чтобы обеспечить опричников землями, власти провели конфискацию земель у тех суздальских, можайских и прочих землевладельцев, которые не приняты были на опричную службу. Выселение знати из опричных уездов и конфискация их вотчин позволили историкам усмотреть в опричнине крупную государственную реформу. Известный русский историк С. Ф. Платонов полагал, что в опричное управление были введены почти все центры княжеского землевладения и что опричнина произвела систематическую ломку этого землевладения. Под пером С. Ф. Платонова опричнина превращалась таким образом в продуманную и целенаправленную государственную реформу. Но гипотезу С. Ф. Платонова начисто разрушил академик С. Б. Веселовский, доказавший, что в опричнину вошли преимущественно уезды с развитым поместным землевладением, в которых почти вовсе не было наследственных княжеских вотчин. Это открытие позволило С. Б. Веселовскому утверждать, что опричнина свелась к уничтожению лиц и не изменила общего порядка. Представление, будто опричные меры были направлены против крупных феодалов, бояр и княжат, С. Б. Веселовский отверг как устаревший предрассудок.

Нетрудно заметить, что и гипотеза С. Ф. Платонова, и выводы С. Б. Веселовского основывались главным образом на анализе территориального состава опричнины. Но проблема территориальных рамок в действительности не может служить ключом к решению проблемы опричнины в целом. Открытие новых архивных документов позволяет предложить иное решение этой проблемы.

...В первые дни опричнины Москва стала свидетелем кровавых казней. По приказу царя опричные палачи обезглавили князя Горбатого, его 15-летнего сына и его тестя — окольничего П. П. Головина. Покоритель Каза-

ни обладал характером суровым и непреклонным и не боялся перечить царю. В этом и состояла его основная вина. Обвинения насчет заговора носили, по-видимому, вымышленный характер.

Грозный недаром исправлял официальную историю своего царствования. Летописи заменили отсутствующие следственные материалы, скомпрометировав многих влиятельных приверженцев Старицких. Но репрессии опричников в отношении них носили умеренный характер.

Боярин князь И. А. Куракин и боярин князь Д. И. Немой-Оболенский, которых летописные приписки изображали вождями боярского заговора в пользу Старицких, были пострижены в монахи и заточены в монастырь. Разжалованный боярин князь С. В. Ростовский, некогда приговоренный к смертной казни, был схвачен на воеводстве в Нижнем Новгороде и убит. Голову убитого опричники привезли в Москву царю.

Жертвами опричнины стали еще двое знатных дворян, не входивших в думу: брат убитого ранее боярина Юрия Кашина — князь Иван — и князь Дмитрий Шевырев. Последнему уготовлена была самая мучительная казнь. Его посадили на кол. Передают, будто Шевырев умер не сразу: как бы не чувствуя лютой муки, он сидел на колу, как на престоле, и распевал каноны Иисусу. Сведения эти, однако, кажутся легендарными.

При чтении официального отчета создается впечатление, что летописец описал первые деяния опричнины кратко, со многими пропусками, умолчав о самом главном. Можно ли поверить тому, что все дорогостоящие затеи опричнины — организация опричного войска, выделение особых владений царя и пр.— имели целью устранение из думы пятерых бояр?

Спор о целях опричнины может быть разрешен лишь с помощью новых фактов. Но как трудно найти их, когда идешь по пути, проторенному многочисленными предшественниками! Успех зависит от направления поисков. Одно такое направление было подсказано летописями.

В официальном летописном отчете об учреждении опричнины сказано, что после казни изменников царь «положил опалу» на некоторых дворян и детей боярских, «а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми». Летописное известие кажется недостаточно ясным. Но оно заставляет исследователя искать

Казнь бояр в Москве. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

ответ на вопрос, кем были сосланные в Казань дворяне и какова была их дальнейшая судьба. Ответить на эти недоуменные вопросы отчасти помогают записи Разрядного приказа. Одна из них гласит: «Того же году (1565) послал государь в своей государеве опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян... в Казань на житье...» [2] Разрядная книга определенно утверждает, что жертвой опричных выселений стали не обычные дворяне, а титулованная знать. Но подобно летописи Разрядные книги отличаются редким лаконизмом.

Первым к более детальному анализу данных об опричном выселении обратился С. Б. Веселовский. Он выяснил имена примерно 60 ссыльных и заключил, что в подав-

ляющем большинстве они принадлежали к низшим слоям государева двора. На этом основании историк пришел к исключительно важному выводу о том, что для царя учреждение опричнины было разрывом не с одними боярами-княжатами, а со всем дворянством вообще. Результаты изысканий Веселовского, предпринятых им в 1945 г., были опубликованы только в 1963 г. в связи с изданием его «Исследований по истории опричнины». За три года до этого я завершил независимо от Веселовского специальное исследование о казанской ссылке, основанное на новых архивных документах [3]. Архивные открытия начались со счастливой догадки, до крайности простой: искать недостающие факты не в литературных источниках, а в налоговых описях — писцовых книгах. Поиски в архиве приводят к успеху, когда четко намечена цель. В данном случае успех разысканий превзошел самые смелые ожидания. Писцовые книги Казанского края лежали в архиве в полной сохранности. С точки зрения состояния архивов XVI в. это, конечно, редкая удача. На первых страницах книг была выставлена дата — 1565 г. Это как раз время учреждения опричнины. Очень скоро выяснилось, что казанские писцовые книги были составлены в прямой связи с исполнением царского указа о ссылке опальных дворян в восточные районы страны.

Казанские писцовые книги трудно заподозрить в тенденциозности. Казанские писцы строго запротоколировали имена опальных князей и детей боярских, «которых государь послал в свою вотчину в Казань на житье» и велел наделить казанскими поместьями. Следуя писцовым книгам, можно заключить, что в ссылку попало примерно 180 лиц [4]. Таким образом, ссыльных было втрое больше, чем предполагал Веселовский. Вопреки мнению Веселовского, опричные санкции имели в виду не дворян вообще, а верхи княжеской аристократии. Около двух третей ссыльных носили княжеский титул.

Один из самых проницательных писателей XVI в., Д. Флетчер, живо описал меры, с помощью которых Грозный подорвал влияние удельно-княжеской знати после учреждения опричнины. Суть этих мер, по словам Флетчера, состояла в том, что царь овладел всеми наследственными имениями и землями княжат, а взамен дал им на поместном праве земли, которые находились на весьма далеком расстоянии и в других краях государства [5].

Очевидцы первых дней опричнины Таубе и Крузе отметили, что царские опричники форменным образом терроризировали обитателей княжеских гнезд. Опальных княжат хватали и увозили в ссылку, а членов их семей изгоняли из усадеб, и те должны были добираться в места поселения сами. Поскольку опальным запрещалось брать с собой что-нибудь из имущества, некоторые принуждены были кормиться в пути подаянием [6].

Власти не пожелали обременять себя заботами о содержании ссыльных и по этой причине решили наделить их землями в местах поселения на восточной окраине. Присланный из Москвы окольничий Н. В. Борисов произвел в 1565—1566 гг. описание всех наличных земель Казанского края, включая земли татарские, чувашские, мордовские и земли дворца. Распределением поместий ведала местная администрация, во главе которой Грозный поставил самых знатных и влиятельных лиц из числа ссыльных. Таким образом, вопросами о распределении казанских поместий занимались сами ссыльные. Несмотря на то, что для устройства опальных дворян были использованы земли Казанского и Свияжского уездов, «казанской землицы» не хватило для сколько-нибудь сносного обеспечения поселенцев. Главные воеводы казанского края — опальные бояре князья П. А. Куракин и А. И. Катырев-Ростовский — при поместном «окладе» в 1000 четвертей пашни смогли получить не более 120—130 четвертей пашни и перелога. Прочие княжата должны были довольствоваться еще меньшими поместьями. Некоторые дворяне были «испомещены всем родом». 12 князей Гагариных получили одно крохотное поместье на всех.

Архивные писцовые книги позволяют установить достоверные и полные списки казанских ссыльных. Но они не помогают ответить на более важный и никем не исследованный вопрос, что стало с земельным имуществом опальных. Источники дают основание заключить, что ссыльные дворяне получали казанские поместья взамен старых земельных владений, а не в дополнение к ним. Авторы официальной летописи определенно указывали на то, что ссылка дворян в Казанский край сопровождалась конфискацией их имущества. «А дворяне и дети боярские,— писал летописец,— которые дошли до государские опалы, и на тех (царь) опалу свою клал и животы их имал на себя». Достоверность летописного известия под-

тверждают подлинные приказные документы тех лет. Можно установить, что тотчас после введения опричнины в провинцию выехал подьячий Максим Трифонов, который «отписал Стародубских князей вотчины их в Стародубе в Ряполовском лета 7073-го» [7]. Трифонов посетил также и Ярославский уезд, где он, как следует из подлинных монастырских документов 1565 г., «отписывал вотчины Ярославских князей». Царь специально упомянул о взятых в казну ярославских княжеских вотчинах в завещании. «А которые есми вотчины поимал у князей Ярославских,— писал он,— и те вотчины сыну моему Федору» [8]. Опричная конфискация ярославских княжеских вотчин вызвала яростный протест со стороны беглого боярина Курбского-Ярославского. По утверждению Курбского, царь погубил его родственников (князей Ушатых и др.), чтобы завладеть их земельными богатствами. «Тех же княжат Ярославских роду погубил всеродне, понеже, имели отчины великие, мню негли ис того их погубил» [9].

Упомянутые Курбским князья Ушатые были самой богатой ветвью Ярославского дома. Князь С. Ю. Меньшой-Ушатый владел вотчиной на 8 тыс. четвертей пашни и мог вывести в поход 25 вооруженных слуг. После его ссылки в Казань все его земли перешли в казну. Большими богатствами располагали князья Сицкие, ближайшая родня царицы Анастасии. Князь Д. Ю. Меньшой-Сицкий владел вотчиной в 4500 четвертей пашни. После переселения в Казань он также расстался со своими землями. В казанскую ссылку отправились известный воевода князь Ф. И. Троекуров-Львов, сподвижник Курбского, а также А. Ф. Аленкин-Жеря, предки которого сидели на «большом» княжении в Ярославле, братья бояр Шестунова и Сицкого, семеро племянников старого оружничего Щетинина, множество князей Засекиных и т. д. Курбский имел основание негодовать на опричнину. Около 40 родственных ему княжеских семей лишились после ссылки своих земельных богатств.

Не менее сильный удар опричное правительство нанесло землевладению Ростовского княжеского дома. На восточную окраину государства были отправлены боярин князь А. И. Катырев, последний представитель рода в думе, его двоюродный брат И. Ю. Хохолков, сыновья и племянники царского боярина Ю. Темкина, сын старицкого боярина В. Темкина, царские спальники Яновы, вид-

ные воеводы Бахтеяровы-Приимковы, Лобановы и т. д. Опале подверглось более двух десятков Ростовских княжат, но эти сведения нельзя считать полными ввиду отсутствия данных по Чебоксарскому уезду, также служившему местом их поселения.

Незадолго до опричнины царь казнил боярина Д. И. Хилкова, в результате чего Стародубские князья были удалены из думы. Вслед затем в Казань на поселение выехали брат боярина князь А. И. Стригин-Ряполовский, трое князей Ромодановских, четверо Пожарских, несколько десятков Ковровых, Гундоровых, Кривоборских.

Сведения о ссылке примерно сотни княжеских семей, полученные на основании подлинных писцовых книг Казанского края 1565—1566 гг., окончательно проясняют загадку опричнины. Прежде всего следует окончательно отказаться от представления, будто царь собрал в границах опричнины уезды с развитым княжеским землевладением. На самом деле конфискованные княжеские вотчины располагались вне территории опричнины.

Согласно данным официальной летописи, при учреждении опричнины были публично казнены пятеро. По размаху эти репрессии никак не соответствовали военным приготовлениям опричнины. Сколь бы влиятельными ни были казенные люди, царь мог уничтожить их без разделения государства и учреждения опричной гвардии. Факты, относящиеся к казанской ссылке, позволяют объяснить парадокс. Особая вооруженная сила понадобилась царю в тот момент, когда он замыслил осуществить широкую конфискацию княжеских земель. Власти прекрасно сознавали, что незаконные с точки зрения традиций отчуждение вотчин — без суда, без всякой провинности со стороны землевладельцев — вызовет сильнейшее негодование, и готовились подавить противодействие знати вооруженной рукой.

Опричные репрессии имели свои исторические корни. По мере дробления древней Ростово-Суздальской земли местная династия положила начало суздальскому, московскому, ростовскому, ярославскому и стародубскому княжеским домам. Возвышение Москвы и объединение земель привели суздальскую знать на московскую службу. Покинув «великие княжения» и уделы, князья собрались в Москве, чтобы совместно управлять Русской землей. Младшая «братия» московских государей, полная зависти

к правящей династии, плотной стеной окружила трон. Монархия стала пленницей аристократии.

Старина надежно ограждала привилегии знати, поэтому начавшаяся в XVI в. перестройка системы управления неизбежно наталкивалась на ее сопротивление. Продворянские реформы 50-х годов не могли подорвать влияние суздальской знати. При Адашеве четыре суздальские княжеские фамилии (Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские) оказывали всестороннее влияние на политическое руководство страной. Они имели наибольшее представительство в Боярской думе (17 бояр и окольничих) и в большом числе служили в составе «государева двора» (265 князей). В качестве особой привилегии многие члены четырех названных фамилий (119 человек) проходили службу по особым княжеским спискам. Суздальские князья сидели крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им великих и удельных княжеств и продолжали владеть крупными земельными богатствами. В отличие от немногочисленных удельных князей преимущественно литовского происхождения коренная суздальская знать располагала прочными связями с дворянством.

Политические притязания суздальской знати внушали российским самодержцам наибольшие опасения. Неудивительно, что она стала главным объектом гонений в момент, когда Грозный предпринял попытку утвердить свою неограниченную власть. Первые опричные репрессии имели отчетливую антикняжескую направленность. Они отличались большой последовательностью. Казанская ссылка нанесла сильнейший удар суздальской знати. Учреждение опричнины повлекло за собой крушение княжеского землевладения. Катастрофа была столь велика, что никакие последующие амнистии и частичный возврат родовых земель опальным князьям не могли ликвидировать ее последствий.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

На втором году опричнины военные действия прекратились сначала на западной, а потом на южной границе России. В Москву прибыло великое посольство из Польши для ведения мирных переговоров. Послы предлагали за-

ключить перемирие на условиях статус-кво, Москва же требовала уступки России морского порта Риги. Переговоры зашли в тупик. Тогда правительство экстренно созвало в Москве Земский собор, в состав которого вошли члены Боярской думы, духовенство, многочисленные представители дворянства, приказные люди и богатые купцы. Члены собора высказались против «уступки» ливонских земель и заверили правительство в том, что готовы пойти на новые жертвы ради окончательного завоевания Ливонии.

Земские соборы как форма сословного представительства возникли задолго до опричнины, но по иронии судьбы первые действительно представительные соборы созваны были после ее учреждения. Членами собора 1566 г. были 205 представителей знати и дворян и 43 дьяка и подьячих. Правда, никто из них не был избран, а все получили назначение от правительства. Решающее влияние на деятельность собора оказала знать: помимо членов Боярской думы почти половина участников собора, заседавших в дворянских куриях, принадлежала к высшей титулованной и старомосковской аристократии. Среднее дворянство представлено было на соборе примерно 160—170 лицами, зато мелкое провинциальное почти полностью отсутствовало.

Созыв представительного учреждения в Москве связан был с финансовыми затруднениями правительства, которое желало добиться от земщины согласия на введение новых налогов. С помощью собора царь надеялся переложить на плечи земщины все военные расходы, всё бремя Ливонской войны. Соображения подобного рода заставили правительство пригласить на совещание купеческую верхушку — официальных представителей «третьего сословия». На долю купцов приходилась пятая часть общего числа членов собора, но они составляли самую низшую курию.

Казалось бы, мрачные времена опричнины менее всего благоприятствовали расцвету хрупкого цветка — сословного представительства на русской почве. Но этот факт имеет объяснение. Развитие соборной практики связано было с поисками политического компромисса.

Весна 1566 г. принесла с собой долгожданные перемены. Опричные казни прекратились, власти объявили о «прощении» опальных. По ходатайству руководителей

земщины царь Иван вернул из ссылки удельного князя Михаила Воротынского и пожаловал ему старую «отчизну» — удельное княжество с укрепленными городами Одоевом и Новосилем. Первого мая в Казань прибыл гонец, объявивший ссыльным «государево жалованье». Грозный «простил» большую часть опальных княжат и дворян и милостиво позволил им вернуться в Москву. Эта уступка, впрочем, носила половинчатый характер: в Казани были оставлены на поселении самые влиятельные из ссыльных. Как бы то ни было, амнистия привела к радикальному изменению опричной земельной политики. Казна вынуждена была позаботиться о земельном обеспечении вернувшихся из ссылки княжат и взамен утраченных ими родовых вотчин стала отводить им новые земли. Но земель, хотя бы примерно равноценных княжеским вотчинам, оказалось недостаточно. И тогда сначала в отдельных случаях, а потом в более широких масштабах казна стала возвращать родовые земли, заметно запустевшие после изгнания их владельцев в Казань. По существу опричным властям пришлось отказаться от курса, взятого при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины быстро утрачивала свою первоначальную антикняжескую направленность. Объяснялось это тем, что конфискация княжеских вотчин вызвала противодействие знати, а монархия не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия, чтобы длительное время проводить политику, идущую вразрез с интересами могущественной аристократии. К тому же, с точки зрения властей, казанское переселение достигло основной цели, подорвав могущество суздальских княжат.

Ослабление княжеской знати неизбежно выдвигало на политическую авансцену слой правящего боярства, стоявший ступенью ниже. К нему принадлежали старомосковские боярские семьи Челядниных, Бутурлиных, Захарьиных, Морозовых, Плещеевых. Они издавна служили при московском дворе и владели крупными вотчинами в коренных московских уездах. Некогда они занимали первые места в думе, но затем вынуждены были уступить позиции титулованной знати. Затерявшись в толпе княжат, старые слуги московских государей тем не менее удержали в своих руках важнейшие отрасли управления — Конюшенный и Казенный приказы, Большой дворец и

областные дворцы. После учреждения опричнины руководство земщиной практически перешло в их руки. Формально земскую думу возглавляли князья Бельский и Мстиславский, но практически делами земщины управляли конюший И. П. Челяднин-Федоров, дворецкий Н. Р. Юрьев и казначеи. По случаю отъезда царя столица была передана в ведение семибоярщины, в которую входили И. П. Челяднин, В. Д. Данилов и другие лица.

Руководители земщины оказались в сложном положении. Роль, отведенная им опричными временщиками, явно не могла удовлетворить их. Грубая и мелочная опека со стороны опричной думы, установившийся в стране режим насилия и произвола с неизбежностью вели к новому конфликту между царем и боярством.

Опричные земельные перетасовки причинили ущерб тем земским дворянам, которые имели поместья в Суздале и Вязьме, но не были приняты на опричную службу. Эти дворяне потеряли земли «не в опале, а с городом вместе». Они должны были получить равноценные поместья в земских уездах, но власти не обладали ни достаточным фондом населенных земель, ни гибким аппаратом, чтобы компенсировать выселенным дворянам утраченные ими владения. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царь в соответствии с указом мог в любой момент забрать в опричнину новые уезды, а это неизбежно привело бы к новым выселениям и конфискациям. Земщина негодовала на произвольные действия Грозного и его опричников. Учинив опричнину, повествует летописец, царь «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опричнину, и из вотчин и ис поместий старинных... И бысть в людех ненависть на царя от всех людей...» [1]

Старомосковское боярство и верхи дворянства составляли самую широкую политическую опору монархии. Когда эти слои втянулись в конфликт, стал неизбежным переход от ограниченных репрессий к массовому террору. Но весной 1566 г. подобная перспектива не казалась еще близкой. Прекращение казней и уступки со стороны опричных властей ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на полную отмену опричнины. Оппозицию поддержало влиятельное духовенство. 19 мая 1566 г. митрополит Афанасий в отсутствие царя демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь.

Грозный поспешил в столицу и после совета с земцами предложил занять митрополичью кафедру Герману Полеву, казанскому архиепископу. Рассказывают, что Полев переехал на митрополичий двор, но пробыл там всего два дня. Будучи противником опричнины, архиепископ пытался воздействовать на царя «тихими и кроткими словесы его наказующе». Когда содержание бесед стало известно членам опричной думы, те настояли на немедленном изгнании Полева с митрополичьего двора. Бояре и земщина были возмущены бесцеремонным вмешательством опричников в церковные дела. Распри с духовными властями, обладавшими большим авторитетом, поставили царя в трудное положение, и он должен был пойти на уступки в выборе нового кандидата в митрополиты. В Москву был спешно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп происходил из очень знатного старомосковского рода и обладал прочными связями в боярской среде. Его выдвинула, по-видимому, та группировка, которую возглавлял конюший И. П. Челяднин и которая пользовалась в то время наибольшим влиянием в земщине. Соловецкий игумен состоял в отдаленном родстве с конюшим. Как бы то ни было, с момента избрания в митрополиты Филипп полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Челяднина. Колычев был хорошо осведомлен о настроениях земщины и по прибытии в Москву быстро сориентировался в новой обстановке. В его лице земская оппозиция обрела одного из самых деятельных и энергичных вождей. Колычев изъявил согласие занять митрополичий престол, но при этом категорически потребовал распустить опричнину. Поведение соловецкого игумена привело Грозного в ярость. Царь мог бы поступить с Филиппом так же, как и с архиепископом Германом. Но он не сделал этого, понимая, что духовенство до крайности раздражено изгнанием Полева. На исход дела повлияло, возможно, и то обстоятельство, что в опричной думе заседал двоюродный брат Колычева. 20 июля 1566 г. Филипп вынужден был публично отречься от своих требований и обязался «не вступаться» в опричнину и в царский «домовной обиход» и не оставлять митрополию из-за опричнины [2]. Вслед затем Колычев был посвящен в сан митрополита.

Множество признаков указывало на то, что выступления Полеза и Колычева не были единичным явлением и

что за спиной церковной оппозиции стояли более могущественные политические силы. По крайней мере два источника различного происхождения содержат одинаковые сведения о том, что в разгар опричнины земские служилые люди обратились к царю с требованием об отмене опричного режима. Согласно московской летописи, царь навлек на свою голову проклятие земли «и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоит сему быти» [3]. По словам слуги царского лейбмедика Альберта Шлихтинга, земцы обратились к царю с протестом против произвола опричных телохранителей, причинявших земщине нестерпимые обиды. Указав на свою верную службу, дворяне потребовали немедленного упразднения опричных порядков. Выступление служилых людей носило внушительный характер: в нем участвовало более 300 знатных лиц земщины, в том числе некоторые бояре-придворные. По данным Шлихтинга, оппозиция заявила о себе в 1566 г.

Известный исследователь опричнины П. А. Садиков первым высказал предположение о том, что протест против насилий опричнины исходил от членов созванного в Москве Земского собора. Выступление земской оппозиции и собор состоялись в одном и том же году. Одинаковым было число участников оппозиции и членов собора. И те и другие составляли самую активную часть земского дворянства. Предположение П. А. Садикова вполне правдоподобно.

По свидетельству А. Шлихтинга, царь отклонил ходатайство земских дворян и использовал чрезвычайные полномочия, предоставленные ему указом об опричнине, чтобы покарать земщину. 300 челобитчиков попали в тюрьму. Правительство, однако, не могло держать в заключении цвет столичного дворянства, и уже на шестой день почти все узники получили свободу. 50 человек, признанных зачинщиками, подверглись торговой казни: их отколотили палками на рыночной площади. Нескольким урезали языки, а трех дворян обезглавили. Все трое казненных — князь В. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов — незадолго до гибели участвовали в работе Земского собора.

Антиправительственное выступление дворян в Москве произвело столь внушительное впечатление, что царские дипломаты вынуждены были выступить со специальными

разъяснениями за рубежом. По поводу казни членов Земского собора они заявили следующее: про тех лихих людей «государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел» [4]. Такова была официальная точка зрения. Требование земских служилых людей об отмене опричнины власти квалифицировали как покушение на безопасность царя и его «земли».

Опричные репрессии испугали высшее духовенство. Но Филипп, по-видимому, выхлопотал у царя помилование для подавляющего большинства тех, кто подписал челобитную грамоту. После недолгого тюремного заключения они были выпущены на свободу без всякого наказания. Сообщая обо всем этом, Шлихтинг сделал важную оговорку. По прошествии непродолжительного времени, замечает он, царь вспомнил о тех, кто был отпущен на свободу, и подверг их опале. Это указание позволяет уточнить состав земской оппозиции, выступившей на соборе, поскольку вскоре после роспуска собора многие из его членов действительно подверглись казням и гонениям. В числе их оказался конюший боярин И. П. Челяднин-Федоров. К началу опричнины конюший стал одним из главных руководителей земской думы. По свидетельству современников, царь признавал его самым благоразумным среди бояр и вверял ему управление Москвой в свое отсутствие. На первом году опричнины Челяднин возглавил московскую семибоярщину, а позже от имени царя произвел размен и конфискацию Старицкого удельного княжества. Боярин был одним из самых богатых людей своего времени. Он отличался честностью и не брал взяток, благодаря чему его любили в народе. Можно проследить за службой Челяднина месяц за месяцем, неделю за неделей вплоть до роковых дней роспуска Земского собора, когда в его судьбе наступил решительный перелом. Конюшего отстранили от руководства земщиной и отправили на воеводство в пограничную крепость Полоцк. Именно в этот момент польско-литовское правительство тайно предложило конюшему убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровопроливство вчинити». Очевидно, Челяднин чуть было не последовал за Пронским, Карамышевым и Бундовым. Участие конюшего в выступлении земских дворян против опричнины едва не стоило ему головы.

Власти были поражены не только масштабами земской оппозиции, но и тем, что протест исходил от наиболее лояльной части думы и руководства церкви. На царя протест произвел ошеломляющее впечатление. Мало того, что Грозный давно не выносил возражений. Он должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок потерпели неудачу. Социальная база правительства продолжала неуклонно сужаться.

Попытки политического компромисса не удались. Надежды на трансформацию опричных порядков умерли, едва родившись. Но эпоха компромисса оставила глубокий след в политическом развитии России. Озабоченное финансовыми проблемами правительство пригласило на собор дворян, приказных и, наконец, купцов — подлинных представителей «земли». Собор впервые приобрел черты земского собора. Члены собора пошли навстречу пожеланиям властей и утвердили введение чрезвычайных налогов для продолжения войны. Однако взамен они потребовали от царя политических уступок — отмены опричнины.

Челобитье земских дворян разрушило все расчеты правительства. Новые насилия опричнины положили конец дальнейшему развитию практики земских соборов.

РАЗГРОМ ЗЕМСКОЙ ОППОЗИЦИИ

После выступления членов собора власти не только не отменили опричнину, но постарались укрепить ее изнутри. Царь забрал в опричнину Костромской уезд и устроил здесь «перебор людишек», в результате которого примерно $^2/_3$ местных дворян попали на опричную службу. Численность опричного охранного корпуса сразу увеличилась с 1 до 1,5 тыс. человек.

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие опричные центры, строило замки и крепости. Сначала царь Иван задумал выстроить «особный» опричный двор внутри Кремля, но затем счел благоразумным перенести свою резиденцию в опричную половину столицы, «за город», как тогда говорили. На расстоянии ружейного выстрела от кремлевской стены, за Неглинной,

в течение полугода вырос мощный замок. Его окружали каменные стены высотою в три сажени. Выходившие к Кремлю ворота, окованные железом, украшала фигура льва, раскрытая пасть которого была обращена в сторону земщины. Шпили замка венчали черные двуглавые орлы. Днем и ночью несколько сот опричных стрелков несли караулы на его стенах.

Отъезд главы государства из Кремля вызвал нежелательные толки, ввиду чего Посольский приказ официально объявил, что царь выстроил себе резиденцию за городом для своего «государского прохладу». Если бы иноземцы вздумали говорить, что царь решил разделиться с опальными боярами, дипломаты должны были опровергнуть их и категорически заявить, что делиться государю не с кем [1].

Замок на Неглинной недолго казался царю надежным убежищем. В Москве он чувствовал себя неуютно. В его голове родился план основания собственной опричной столицы в Вологде. Там он задумал выстроить мощную каменную крепость наподобие московского Кремля. Опричные власти приступили к немедленному осуществлению этого плана. За несколько лет была возведена главная юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на московском пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены там в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены опричной столицы.

Наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в лесном вологодском крае в значительном удалении от границ и прочие военные приготовления не имели цели укрепления обороны страны от внешних врагов. Все дело заключалось в том, что царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились вооруженной рукой подавить мятеж могущественных земских бояр.

Будущее не внушало уверенности мнительному самодержцу. Призрак смуты породил в его душе тревогу за собственную безопасность. Перспектива вынужденного отречения казалась все более реальной, и царь должен был взвесить все шансы на спасение в случае неблагоприятного развития событий. В частности, Иван стал подумывать о монашеском клобуке. Будучи в Кириллове на

богомолье, царь пригласил в уединенную келью нескольких старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Через семь лет царь сам напомнил монахам об этом удивительном дне. Вы ведь помните, святые отцы, писал он, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель и как я обрел среди темных и мрачных мыслей «малу зарю» света божьего и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятенья мирского; и в долгой беседе «аз грешный» вам возвестил желание свое о пострижении: тут «возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и пристанище спасения» [2]. Гордый самодержец пал в ноги игумену, и тот благословил его намерения. И мне мнится, окаянному, что наполовину я уже чернец, так закончил царь Иван рассказ о своем посещении Кириллова.

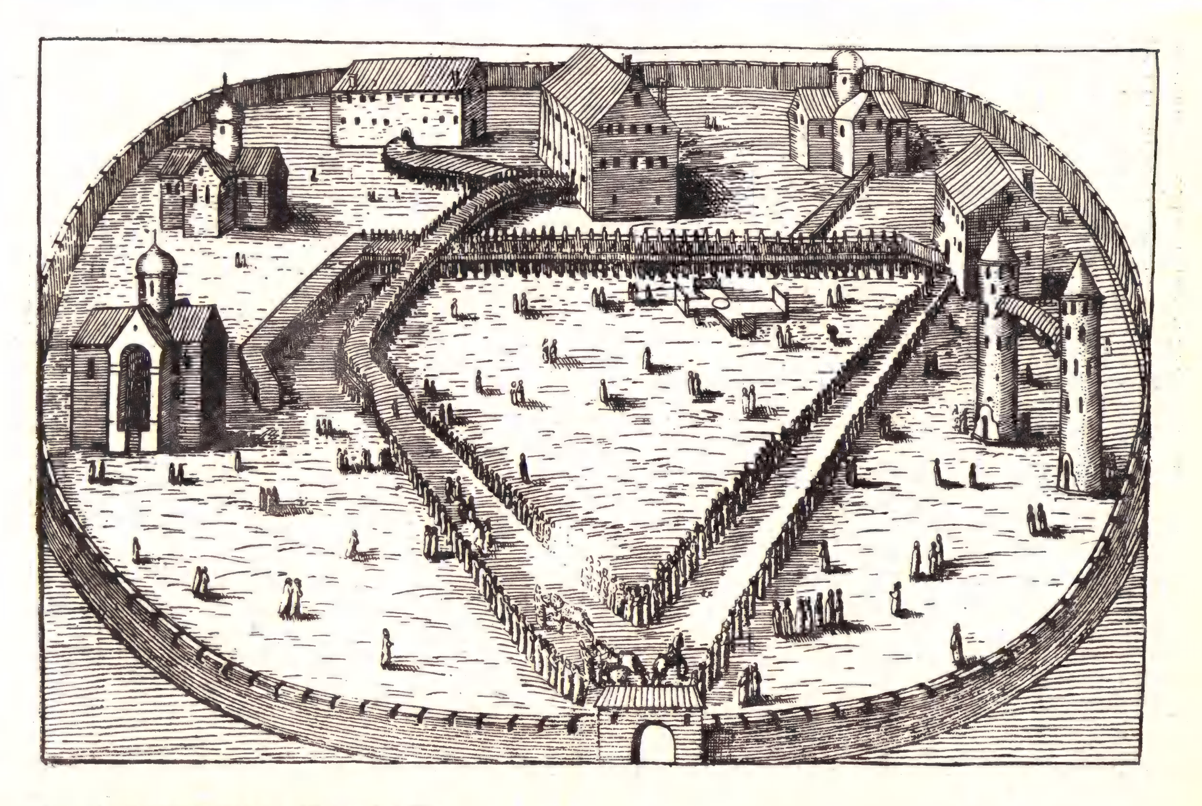
Грозный постарался убедить монахов в серьезности своих слов и тотчас пожертвовал им крупную сумму с тем, чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Келья была приготовлена немедленно. Но царю это показалось недостаточным. Он решил готовиться к монашеской жизни, не откладывая дело на будущее. Так родилась затея, которую современники не могли объяснить и посчитали сумасбродной. «Начальные» люди опричнины облеклись в иноческую одежду. Монашеский орден стал функционировать в Александровской слободе в дни, свободные от дел. Возвращаясь из карательных походов, опричная «братия» усердно пародировала монашескую жизнь. Рано поутру царь с фонарем в руке лез на колокольню, где его ждал «пономарь» Малюта Скуратов. Они трезвонили в колокола, созывая прочих «иноков» в церковь. На «братьев», не явившихся на молебен к четырем часам утра, царь-игумен накладывал епитимью. Служба продолжалась с небольшим перерывом от четырех до десяти часов. Иван с сыновьями усердно молился и пел в церковном хоре. Из церкви все отправлялись в трапезную. Каждый имел при себе ложку и блюдо. Пока «братья» питались, игумен смиренно стоял подле них. Недоеденную пищу опричники подбирали со стола и раздавали нищим по выходе из трапезной. Так Иван монашествовал в течение нескольких дней, после чего возвращался к делам правления.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о намерениях царя дошли до земщины и произвели там сильное впечатление. Учреждение в слободе монашеского ордена подтвердило их серьезность. Влиятельным силам земщины пострижение Грозного казалось лучшим выходом из создавшегося положения. Они не питали более сомнений насчет того, что без удаления царя Ивана нечего думать об уничтожении опричнины.

Между тем литовцы готовились к новой кампании против России. Не надеясь сокрушить противника силой оружия, они строили расчеты на использовании его внутренних затруднений. Будучи осведомлены об усилившихся трениях между опричниной и земщиной, литовцы попытались ускорить выступление недовольных и обратились с тайными воззваниями к главным руководителям земщины Челяднину, Бельскому, Мстиславскому и Воротынскому. Ввиду того что Воротынский по милости царя сидел в тюрьме (он только что получил свободу), литовцы возлагали на него особые надежды. Удельный князь должен был возглавить вооруженный мятеж. Король обязался прислать ему в помощь войска и передать во владения все земли, которые будут отвоеваны у царя. Чтобы ускорить дело, король послал в Россию в качестве лазутчика старого «послужильца» Воротынских, ранее бежавшего в Литву. Лазутчик без труда пробрался в Полоцк, где находился Челяднин, и вручил ему письма.

Планы вооруженного мятежа в земщине были разработаны в мельчайших деталях. Но исход литовской интриги полностью зависел от успеха тайных переговоров с конюшим. Согласится ли опальный воевода использовать весь свой громадный авторитет для того, чтобы привлечь к заговору других руководителей земщины или откажется принять участие в затеянной авантюре и выдаст лазутчика властям — этим определялись дальнейшие события.

Воевода пограничной крепости мог без труда бежать в Литву, куда его настойчиво звал король. Но он не пожелал последовать примеру Курбского и, по-видимому, сам выдал царю лазутчика. Узнав о поимке шпиона, Грозный выехал из Вологды в столицу и занялся «розыском измены». Следствие обнаружило отсутствие каких бы то ни было серьезных оснований для обвинения земских бояр в государственной измене. Спустя два месяца царь дове-



Александровская слобода. Гравюра XVI в.

рительно рассказал английскому послу Дженкинсону, что сначала он страшно разгневался на бояр, но потом решил не придавать никакого значения козням польского короля, желавшего возбудить подозрения и «вызвать обвинение различных его сановников в измене». Грозный не без оснований заключил, что автором изменнических писем к его боярам был эмигрант Курбский. Полемика с Курбским, так взволновавшая царя накануне опричнины, оборвалась очень быстро. Теперь возникла возможность продолжить спор, и царь не захотел ее упустить. Он велел земским боярам писать ответ на тайные литовские грамоты и, по-видимому, сам приложил руку к их составлению. В посланиях прозвучали излюбленные идеи царя о происхождении московской династии от кесаря Августа, о божественной природе самодержавной власти наследственных, а не выборных московских государей. Главные бояре притворно соглашались принять литовское подданство и иронически предлагали королю поделить между ними всю Литву, чтобы затем вместе с королем перейти под власть «великого государя его царьского вольного самодерьжства», а уж Иван Васильевич «оборонит» их всех от турок и татар. Без участия царя составлена была только грамота, подписанная Челядниным. Конюший избегал бранных выражений, которыми пестрели письма других бояр, и саркастически высмеивал попытки литовских панов вмешаться в русские дела: «Вам, пане,— писал он,— впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством» [3].

Обмен ругательными посланиями, кажется, не удовлетворил Грозного. Он решил отпустить в Литву лазутчика и через него на словах передать королю все, что осталось недосказанным в письмах. Но лазутчику не суждено было вернуться в Литву. Нечаянным нападением литовцы разгромили рать воеводы Петра Серебряного в 70 верстах от Полоцка. Поражение земских воевод произвело в Москве тягостное впечатление. От заносчивого настроения, сквозившего в «боярских» посланиях, не осталось и следа. Царь утратил интерес к бранчливой переписке с королем и, отложив перо, взялся за меч для вразумления соседа. Язвительные ответы так и не были отосланы литовцам, а лазутчика посадили на кол.

Опричная дума вернулась к прежним насильственным методам правления страной, но в ее политике намети-

лись признаки неуверенности и слабости. Неосторожными и двусмысленными речами в Кириллове царь дал богатую пищу для всевозможных толков в земщине, ободривших оппозицию. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос, кто займет трон в случае, если царь оденется в монашескую рясу. Противники царя не желали видеть на троне 13-летнего наследника царевича Ивана, при котором отец мог в любой момент вновь взять бразды правления в свои руки. После наследника наибольшими правами на престол обладал Владимир Андреевич, внук Ивана III. Этот слабовольный и недалекий человек казался боярам приемлемым кандидатом. Они рассчитывали при нем вернуть себе прежнее влияние на дела государства.

Иван IV давно не доверял брату и пытался надежно оградить себя от его интриг. Он заточил в монастырь его волевую и энергичную мать, назначил в удел бояр, не вызывавших подозрений, наконец, отобрал у брата родовое Старицкое княжество и дал ему взамен Дмитров и несколько других городов. Родственники княгини Евфросинии были изгнаны из Боярской думы. Один из них, боярин П. М. Щенятев, ушел в монастырь, но его забрали оттуда и заживо поджарили на большой железной сковороде. Боярина Ивана Куракина постригли в монахи, Петра Куракина сослали на восточную окраину. Не случайно именно этих бояр летописные приписки изображали самыми энергичными участниками заговоров Старицких.

Опричные гонения покончили с партией сторонников Старицкого в Боярской думе. Теперь князь Владимир еще меньше, чем прежде, мог добиться царского титула при поддержке одних только своих приверженцев. В значительно большей мере судьба короны зависела от влиятельного боярства, возглавлявшего земщину. В периоды междуцарствий управление осуществляла Боярская дума, представителями которой выступали старшие бояре думы — конюшие. По традиции конюшие становились местоблюстителями до вступления на трон нового государя. Немудрено, что раздор между царем и боярами и слухи о возможном пострижении государя не только вызвали призрак династического кризиса, но и поставили в центр борьбы фигуру конюшего Челюднина-Федорова. Благодаря многочисленным соглядатаям Грозный знал о

настроениях земщины и нежелательных толках в думе. В свое время он сам велел включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре бояр в пользу князя Владимира, который завершался многозначительной фразой: «и оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевича, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость» [4]. После Земского собора «смута и мятеж в боярех» приобрели более грозный, чем прежде, размах. Опасность смуты носила, видимо, реальный характер, поскольку опричная политика вызывала общее недовольство.

Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, и он стал подумывать об отъезде с семьей за границу. Подобные мысли приходили ему на ум и прежде, но теперь он перенес дело на практическую почву. В первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал в опричный дворец английского посланника Дженкинсона. Свидание окружено было глубокой тайной. Посол явился переодетым в русское платье. Его проводили в царские покои потайным ходом. Из всех советников Грозного один только Афанасий Вяземский присутствовал на секретном совещании. Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что посланнику запретили делать хоть какие-нибудь записи. Царь приказал Дженкинсону устно передать королеве «великие дела тайные», но посланник ослушался и по возвращении в Лондон составил письменный отчет о беседе с царем. Как следует из отчета, царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, бог не устроит иначе» [5]. Грозный не желал ронять свое достоинство и настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер, но дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть. Несколько лет спустя царь напомнил англичанам о своем обращении к ним и сказал, что поводом к этому шагу было верное предвидение им изменчивого и опасного положения государей, которые наравне с самыми низшими людьми «подвержены переворотам».

Тайные переговоры с английским двором недолго оставались секретом. Благодаря частым поездкам английских купцов в Россию слухи о них проникли в столицу. Когда слухи достигли провинции, они приобрели вовсе фанта-

стический характер. Псковский летописец записал, что некий злой волхв (английский еретик) подучил царя избить еще уцелевших бояр и бежать в «английскую землю» [6]. Малодушие Грозного вызвало замешательство опричников, понимавших, какая судьба им уготована в случае его бегства. Земские служилые люди, жаждавшие упразднения опричнины, охотно верили любым благоприятным слухам.

Между тем Грозный занят был своими военными планами. С наступлением осени он собрал все военные силы земщины и опричнины для нового вторжения в Ливонию. Поход начался, как вдруг царь отменил его, спешно покинул армию и на перекладных помчался в Москву. Причиной внезапного отъезда было известие о заговоре в земщине.

Сведения о заговоре противоречивы и запутанны. Многие современники знали о нем понаслышке. Но только двое — Г. Штаден и А. Шлихтинг — были очевидцами.

Штаден несколько лет служил переводчиком в одном из земских приказов, лично знал главу «заговора» конюшего Челяднина и пользовался его расположением. Осведомленность его относительно настроений земщины не вызывает сомнений. По словам Г. Штадена, у земских лопнуло терпение, они решили избрать на трон князя Владимира Андреевича, а царя с его опричниками истребить, и даже скрепили свой союз особой записью, но князь Владимир сам открыл царю заговор и все, что замышляли и готовили земские.

Шлихтинг, подобно Штадену, также служил переводчиком, но не в приказе, а в доме у личного медика царя. Вместе со своим господином он посещал опричный дворец и как переводчик участвовал в беседах доктора с Афанасием Вяземским, непосредственно руководившим расследованием заговора. Шлихтинг располагал самой обширной информацией, но он, дважды касаясь вопроса о земском заговоре, дал две противоположные и взаимоисключающие версии происшествия. В своей записке, озаглавленной «Новости», он изобразил Челяднина злонамеренным заговорщиком, а в более подробном «Сказании» назвал его жертвой тирана, неповинной даже в дурных помыслах.

Историки заимствовали из писаний Шлихтинга либо одну, либо другую версию в зависимости от своей оценки

опричнины. Какой же из них следует отдать предпочтение? Ответить на этот вопрос можно лишь после исследования обстоятельств, побудивших Шлихтинга взяться за перо. Свои «Новости» беглец продиктовал сразу после перехода русско-литовской границы. Он кратко изложил наиболее важные из известных ему сведений фактического порядка. Все это придает источнику особую ценность. «Сказания» были написаны автором позже по прямому заданию польского правительства. Оценив осведомленность Шлихтинга насчет московских дел, королевские чиновники решили использовать его знания в дипломатических акциях против России. Папа римский направил к царю посла с целью склонить его к войне с турками. Король задержал папского посла в Варшаве и, чтобы отбить у него охоту к поездке в Москву, велел вручить ему «Сказания» Шлихтинга. Памфлет был переслан затем в Рим и произвел там сильное впечатление. Папа велел немедленно прервать дипломатические сношения с московским тираном. Оплаченное королевским золотом сочинение Шлихтинга попало в цель. В соответствии с полученным заданием Шлихтинг всячески чернил царя и не останавливался перед прямой клеветой. В «Сказаниях» он сознательно фальсифицировал известные ему факты о заговоре Челяднина. Но, не желая вовсе жертвовать истиной, Шлихтинг незаметно для посторонних глаз попытался опровергнуть собственную ложь. При описании новгородского погрома он мимоходом бросил многозначительную фразу: «И если бы польский король не вернулся из Радошкович и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено». Это замечание не имело никакого отношения к новгородскому походу, зато оно непосредственно касалось заговора Челяднина: ведь именно во время прерванного похода царя в Ливонию король выступил в Радошковичи в ожидании того, что заговорщики выдадут ему царя, когда армии сойдутся. Слова Шлихтинга неопровержимо доказывают, что и в «Сказаниях» он не отступил от первоначальной версии о заговоре в земщине.

Историков давно занимал вопрос, мнимые или подлинные заговоры лежали у истоков опричного террора. Два современника, два непосредственных очевидца событий единодушно, как теперь выяснено, свидетельствовали в пользу подлинности заговора. Но можно ли доверять

их словам? Не следует ли прежде выяснить, какими источниками информации пользовались эти очевидцы? Ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно. И Шлихтинг, и Штаден служили в опричнине и черпали сведения в опричных кругах, где взгляд на события подчинен был предвзятой и сугубо официозной точке зрения. Противоположную версию передавали неофициальные летописи земского происхождения. Их авторы в отличие от опричников утверждали, что форменного заговора в земщине не было, что вина земцев сводилась к неосторожным разговорам: недовольные земские люди «уклонялись» в сторону князя Владимира Андреевича, лихие люди выдали их речи царю и недовольные «по грехом словесы своими, погибоша» [7].

Выяснить, где кончались крамольные речи и начинался подлинный заговор, никогда не удастся. Историк в состоянии воссоздать ход событий лишь предположительно. Недовольство земщины носило вполне реальный характер. Недовольные исчерпали легальные возможности борьбы с опричниной. Преследования убедили их, что царь не намерен отменить опричный режим. Тогда они втайне стали обсуждать вопрос о замене Грозного на троне. Рано или поздно противники царя должны были посвятить в свои планы единственного претендента, обладавшего законными правами на трон, князя Владимира Андреевича. Последний, оказавшись в двусмысленном положении, попытался спасти себя доносом. Во время похода в Ливонию он передал царю разговоры, которые вели в его присутствии недовольные бояре. Царь увидел в его словах непосредственную для себя угрозу, начало боярской крамолы, которой он боялся и давно ждал. Вероятно, показания князя Владимира не отличались большой определенностью и не могли служить достаточным основанием для обвинения Челяднина. Популярность конюшего в думе и столице была очень велика, и Иван решился отдать приказ о его казни только через год после «раскрытия» заговора.

Не располагая уликами против «заговорщиков», царь прибегнул к провокации. По его приказу князь Владимир посетил ничего не подозревавшего Челяднина и по-дружески попросил его составить списки лиц, на поддержку которых он может рассчитывать. В списки Челяднина записались 30 человек, старавшихся снискать расположе-

ние претендента на трон. Все происходило в строгой тайне, и никто не ждал беды.

Коварно «изобличив» недовольных, царь приступил к разгрому «заговора». Опричники начали с того, что взыскали с конюшего огромную денежную контрибуцию и сослали его в Коломну. Многие его сообщники были тотчас же казнены. Начался трехлетний период кровавого опричного террора. Под тяжестью террора умолкли московские летописи. Грозный затребовал к себе в слободу текущие летописные записи и черновики и, по-видимому, больше не вернул их Польскому приказу. Опричнина положила конец культурной традиции, имевшей многовековую историю. Следы русского летописания затерялись в опричной Александровской слободе.

ТЕРРОР

В истории опричнины настала мрачная пора, от которой сохранилось мало достоверных известий. Историки вынуждены обращаться к крайне тенденциозным мемуарам и запискам иностранцев о России. Самые осведомленные из этих авторов служили в опричнине, потом бежали за рубеж. Там они старались привлечь к себе внимание обширными проектами сокрушения «варварской Московии» и леденящими душу рассказами о злодеяниях московского тирана. Скудость русских источников затрудняет критику баснословий иностранцев.

Изучение опричного террора затруднено и полной гибелью опричных архивов. Следы этих архивов, однако, можно обнаружить в некоторых документах тех лет, в частности в одном из самых сложных источников XVI в.— в синодике, или поминальном списке казненных лиц, составленном по личному распоряжению Грозного в конце его жизни. Синодик давно привлекал внимание историков, но до С. Б. Веселовского никто не исследовал его в источниковедческом плане. Задавшись целью выяснить происхождение и историческую ценность синодика, Веселовский доказал, что в основе сохранившихся списков лежал официальный документ, составленный в одном из государственных приказов на основании подлинных судных дел и донесений опричников. Дьяки, исполнявшие царский приказ, точно придерживались имевшихся у них

источников и от себя ничего не вносили и не изменяли. Веселовский сделал первый шаг к выяснению истинного значения синодика, но он не довел свои рассуждения до логического конца. Чтобы вынести окончательный приговор источнику, необходимо прежде выявить его подлинный текст, возможно более близкий к оригиналу. Но на этом пути исследователя ждали большие трудности. Не преодолев их, Веселовский отказался от поисков специальных приемов разработки текста источника и в своем исследовании придал списку опальных алфавитный порядок. Препарированный таким способом документ перестал существовать как цельный исторический источник, его загадка осталась нерешенной. Вследствие этого Веселовский в общей оценке синодика не пошел далее своих предшественников. «...Мы имеем в дошедших до нас списках синодика,— писал он,— не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам». Вывод по поводу неполноты и случайности сведений синодика явно противоречил заключению насчет строго документального происхождения этого памятника.

Ввиду того что попытка источниковедческого анализа не удавалась из-за отсутствия достоверного текста, я предпринял попытку реконструировать синодик. Но эта задача оказалась достаточно сложной. С точки зрения текстологии главные трудности заключались в поразительном расхождении имевшихся списков.

История составления синодика вкратце такова. Незадолго до смерти царь велел монахам молиться «во веки веков» за всех казненных им людей. «Прощения» заслужили «изменники», самое имя которых было предано забвению и десятки лет находилось под строгим запретом. По приказу Грозного дьяки обратились к опричным архивам и составили подробный список «убиенных», копии которого были затем разосланы по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в свои синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х годов не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до настоящего времени. А уцелевшие монастырские вы-

писки лишь отдаленно напоминали приказной список. Монахам не приходило в голову точно скопировать «государские книги», весьма мало пригодные для поминальных целей. Работавшие в архивах дьяки часто находили в имевшихся документах не христианские имена, а прозвища казненных, а иногда лишь их общее число. С точки зрения церковных правил поминать безымянных людей было бессмысленно. Но монахи, боясь царского гнева, все же молились за них, снабжая молитву ссылками на вездесущего бога: «Помяни, господи, 1505 человек, а имена их ты сам, господи, веси (знаешь)!» Чаще всего старцы выписывали в свои поминальные книги имена опальных, опуская при этом фамилии и различные не относящиеся к делу подробности казней.

Из-за частого пользования монастырские синодики быстро ветшали. Имена стирались, капавший со свечей воск портил текст, страницы перемешивались и терялись. Пришедшие в негодность экземпляры переписывались, подвергаясь при этом новым сокращениям и искажениям. Страшные годы опричнины уходили в область смутных преданий, и монахи копировали старые синодики не с тем рвением, как при жизни Грозного.

Поиски в архивах позволили обнаружить несколько неизвестных Веселовскому списков, так что в настоящее время наука знает до полутора десятков экземпляров. Подавляющая часть их датируется XVII в., но есть и более поздние списки XVIII—XIX вв. Только один синодик восходит ко времени царствования Грозного.

Власти Нижегородского Печорского монастыря завели поминальную книгу в 1552 г. и продолжали пополнять ее до смерти Ивана IV. На последних листах книги были записаны имена опальных. Но монах-переписчик выписал из полученной им «грамоты царевой» только имена опальных и их число, опустив почти все остальные подробности. В итоге составленный им синодик представляется на первый взгляд однообразным перечнем «ведомых богу» людей («Помяни, господи, Ивана, Петра, Анну, Семена» и пр.), вовсе непригодным для исторического исследования. Но именно этот перечень позволил дешифровать памятник. Печорский список наиболее точно воспроизвел первоначальный порядок имен опальных из исчезнувшей «царевой грамоты» 80-х годов. Руководствуясь им, я смог приступить к реконструкции монастырских тек-

стов. В каждом из них следовало среди тысяч имен найти единственное нужное сочетание (например, «Иван, Максим, Семен» и т. п.) и, выявив таким путем осколки разбитой и перемешанной мозаики, придать им первоначальный порядок. В тех случаях, когда приходилось иметь дело с перемешанными страницами, выявление и перестановка их требовали лишь времени и внимания. Прочесть некоторые «зашифрованные» синодики было значительно труднее.

Среди всех монастырских списков наибольшие отличия характерны для трех списков Московского Богоявленского монастыря. Порядок имен в них был совсем иным, чем в Печорском и других синодиках. Пройти мимо богоявленских синодиков было невозможно: по числу раскрытых фамилий опальных они далеко превосходят все остальные списки. Использование этих уникальных синодиков стало возможным лишь после того, как удалось разгадать метод копирования, употребленный богоявленским переписчиком. Списывая текст, монах разбил его на отрывки (возможно, они соответствовали отдельным страницам синодика). Из каждого отрывка он выписывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и копировал все оставшиеся имена. Схематически конструкцию богоявленских списков можно изобразить следующим образом.

Печорский список	Богоявленский список
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж,	1) А, Б, Д, Ж, З, Л
З, И, К, Л, М	2) В, Г, Е, И, Л, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разреженном» виде. При новых копированиях в XVII—XVIII вв. некоторые листы попали не на место, что усугубило путаницу имен. Однако, поскольку шифр был раскрыт, текст богоявленских синодиков удалось «проявить».

Понадобились годы, прежде чем многие тысячи опальных нашли каждый свое место на страницах толстых конторских книг. Реконструированные тексты монастырских списков были записаны отдельными столбцами, один подле другого. Сличение списков позволило заключить, что в основе всех текстов лежала одна и та же «государева грамота». Монастырские списки пестрели ошибка-

ми, но, поскольку переписчики ошибались каждый по-своему, оказалось возможным исправить их. Так был восстановлен первоначальный приказной список опальных Ивана Грозного.

Реконструкция текста позволила сделать важные выводы относительно особенностей источника. Выяснилось, что опальные записаны на страницах «приказного списка» (вопреки мнению С. Б. Веселовского) в хронологической последовательности. На первых страницах фигурируют лица, погибшие в конце 1567 г., далее в марте 1568 г., 6 июля и 11 сентября того же года, ниже — в январе, апреле и октябре 1569 г., январе 1570 г. и т. д. Обнаруженный порядок записей синодика казался поначалу непонятным. Но объяснение все же нашлось.

Когда царь послал дьяков в архивы, те, боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа, подряд выписывали имена казненных из судных дел и отчетов опричников. Порядок и полнота составленных таким способом списков определялись сохранностью опричных материалов и последовательностью их обработки дьяками, которые, переходя от документа к документу, писали опальных в том порядке, в каком их упоминали судные дела. Реконструкция синодика позволила установить, что его составители добросовестно проштудировали материалы главного политического процесса периода террора — дела о заговоре Владимира Андреевича. Этот процесс тянулся три года (1567—1570), и на основании его был составлен почти весь синодик — $^{9}/_{10}$ его объема. По делу Старицкого опричники казнили примерно 3200 человек из общего числа (3300) записанных в синодике лиц.

Материалы, относящиеся к первым опричным казням (1565), делу «Старицкого (1567—1570 гг.) и второму «изданию» опричнины (1575), хранились в опричном архиве в необходимом порядке. Что же касается документов о казнях до- и послеопричного периода, то некоторые из них, по-видимому, затерялись в архиве, и дьяки не использовали их при составлении приказного списка. В итоге в синодик не попали сведения о казни Д. Адашева (1563), М. И. Воротынского (1573) и некоторых других лиц. Пропуски в синодике, однако, не столь уж значительны. Вопреки заключению Веселовского, «приказной список» отличался большой полнотой, особенно для эпохи террора. Приказные люди, прилежно «законспек-

тировавшие» опричные судные дела, и не подозревали, что после гибели опричных архивов их конспекты сослужат историкам неоценимую службу. Реконструированный «приказной список» — это своего рода кровавая летопись, в которой деяния опричнины описаны бесстрастно и точно, день за днем, месяц за месяцем. Многолетние споры о целях и результатах опричного террора близятся к концу.

...Царь был озабочен тем, чтобы оправдать бесславное окончание похода в Ливонию в конце 1567 г. Причиной отмены похода было выставлено расстройство посошной службы, помешавшее своевременно доставить пушки на границу. Ведал посошными людьми дьяк Казенного приказа Казарин Дубровский, известный взяточник. Царь велел подобрать жалобы на дьяка. Дубровский был уличен в злоупотреблениях и казнен. В царском синодике опальных ему посвящена такая запись: «Казарина Дубровской, да 2 сына его, да 10 человек, которые приходили на пособь» [1]. Вслед затем Грозный взялся за дворян, скомпрометированных доносом Старицкого. Опричники казнили двоюродного дядю князя Владимира Андреевича и некоторых других лиц. Как видно, дядя неосторожно намекал племяннику на возможность перехода власти в его руки.

Начавшиеся казни вызвали резкий протест со стороны высшего духовенства. Митрополит Филипп посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности увещаний, он выждал момент, когда царь со всей своей свитой явился на богослужение в кремлевский Успенский собор, и при большом стечении народа произнес проповедь о необходимости упразднить опричнину. Кремлевский диспут кратко и точно описан новгородским летописцем: 22 марта 1568 г. «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины» [2]. Диспут нарушил благочиние церковной службы и имел неблагоприятный для Грозного исход. Не получив от митрополита благословение, царь в ярости стукнул посохом оземь и пригрозил митрополиту, а заодно и всей земле суровыми карами. «Я был слишком мягок к вам, но теперь вы у меня взвоете!» — будто бы произнес он [3]. На другой день о столкновении царя с митрополитом говорила вся столица. Церковь пользовалась большим авторитетом как среди власть имущих, так и в беспокой-

ных низах. Через фанатичных монахов, через юродивых церковники ловко влияли на настроения народа, не остававшегося безучастным свидетелем происходившего.

Протест Филиппа был симптомом окончательного падения престижа царя в земщине. Приспешники Грозного настоятельно убеждали его пустить в ход насилие, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости могло иметь катастрофические для властей последствия.

Филипп нарушил клятву «не вступаться в опричнину» и должен был понести наказание. Опричники схватили его бояр и забили их насмерть железными палицами, водя по улицам Москвы. Этот факт получил отражение в синодике, где записаны митрополичьи старцы Леонтий Русинов, Никита Опухтин и др. Рядом с митрополичьими советниками на страницах синодика фигурируют ближние люди и слуги конюшего Челяднина. Очевидно, раздор с митрополитом побудил царя отдать давно подготовленный приказ о расправе с «заговорщиками».

В соответствии с официальной версией, конюший Челяднин готовился произвести переворот с помощью своих многочисленных слуг и подданных, будто бы посвященных в планы заговора. Немудрено, что опричники подвергли вооруженную свиту конюшего и его челядь беспощадному истреблению. Царские телохранители совершили несколько карательных походов во владения Челяднина. Записи синодика позволяют восстановить картину первых опричных погромов во всех деталях. Ближние вотчины конюшего разгромил Малюта Скуратов. Заслуги палача были оценены должным образом, и с этого момента началось его быстрое возвышение в опричнине. После разгрома ближних вотчин настала очередь дальних владений. Челяднин был одним из богатейших людей своего времени. Ему принадлежали обширные земли в Бежецком Верху неподалеку от Твери. Туда царь явился собственной персоной со всей опричной силой. При разгроме боярского двора кромешники посекли боярских слуг саблями, а прочую челядь и домочадцев согнали в сарай и взорвали на воздух порохом. Об этих казнях повествует следующая документальная запись синодика: «В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек скончавшихся ручным усечением».

Погром не прекращался в течение нескольких меся-

цев — с марта по июль. Летом опричники подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия «заговора». «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число» (1568),— читаем в синодике [4]. Примерно 300 человек из указанных в «отчете» были боярскими слугами и холопами. Они погибли при разгроме вотчин.

Непрекращавшееся кровопролитие обострило конфликт между царем и церковью. Следуя примеру митрополита Афанасия, Филипп в знак протеста против действий царя покинул свою резиденцию в Кремле и демонстративно переселился в один из столичных монастырей. Однако, в отличие от своего безвольного предшественника, Колычев отказался сложить сан митрополита.

Открытый раздор с главой церкви ставил Грозного в исключительно трудное положение. Он вынужден был удалиться в слободу и заняться там подготовкой суда над Филиппом. Опричные власти поспешили вызвать из Новгорода преданного царю архиепископа Пимена, а затем направили в Соловки особую следственную комиссию, состоявшую из опричников и духовных лиц. Комиссия произвела розыск о жизни Филиппа в Соловецком монастыре и с помощью угроз и подкупа принудила нескольких монахов выступить с показаниями, порочившими их бывшего игумена. Состряпанное комиссией обвинение оказалось все же столь сомнительным, что самый авторитетный член комиссии епископ Пафнутий отказался подписать его. Противодействие епископа грозило сорвать суд над Филиппом. Исход дела должно было определить теперь обсуждение в Боярской думе, многие члены которой сочувствовали Колычеву.

Конфликт достиг критической фазы. В такой обстановке Грозный решил нанести думе упреждающий удар. 11 сентября 1568 г. Москва стала свидетелем казней, зафиксированных синодиком: «Отделано: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам — князя Андрея Катырева, князя Федора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником». Отмеченные синодиком репрессии против членов Боярской думы по своему размаху немногим уступали первым опричным казням. На эшафот разом взошли старший боярин думы И. П. Челяднин-Федоров, окольничие М. И. Колычев и М. М. Лыков, боярин князь А. И. Катырев-Ростовский.

При разгроме «заговора» Челяднина пролилось значительно больше крови, чем в первые месяцы опричнины. На основании записей синодика можно установить, что с конюшим погибло до 150 дворян и приказных людей и вдвое большее число их слуг и холопов. Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. «Побивали» всех, кто осмеливался протестовать против опричнины. Недовольных же было более чем достаточно, и они вовсе не хотели молчать. Записанный в синодик дворянин Митнев, будучи на пиру во дворце, бросил в лицо царю дерзкий упрек: «Царь, воистину яко сам пиешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед с кровию смешаный братии наших... пити!» [5] Тут же во дворце он был убит опричниками. Вяземский дворянин Митнев имел основания протестовать против произвола опричнины. Он был выслан из своего уезда в начале опричнины и лишился земельных владений.

Помимо дворян, пострадавших от опричных выселений, недовольство выражали казанские ссыльные, разоренные конфискацией родовых вотчин. Полоса амнистий безвозвратно миновала, и теперь некоторые из «прощенных» княжат были убиты. В числе их боярин А. И. Катырев, трое Хохолковых, Ф. И. Троекуров, Д. В. Ушатый и Д. Ю. Сицкий. Расправы с княжеской знатью были осуществлены как бы мимоходом: преобладающее большинство репрессированных принадлежало к нетитулованному дворянству.

Самыми видными подсудимыми на процессе о заговоре в земщине стали члены знатнейших старомосковских нетитулованных фамилий Челяднин и Колычев, Шеины-Морозовы, Сабуровы, Карповы, Ф. Данилов, казначей Х. Ю. Тюрин, несколько видных дьяков, а также бывшие старицкие вассалы В. Н. Борисов, Б. И. Колычев, Ф. Р. Образцов. Невозможно поверить тому, что все казненные были участниками единого заговора. Подлинные сторонники Старицкого, названные в летописных приписках, уже покинули политическую сцену. Что же касается Челяднина, то он, согласно летописным рассказам, в 1553 г. выступал противником князя Владимира и более всех других способствовал разоблачению его первого заговора. Окольничий М. И. Колычев также доказал свою ло-

яльность в деле Старицких. Недаром он был послан в Горицкий монастырь для надзора за Евфросинией тотчас после ее пострижения.

Обвинения насчет связей с «крамольным» князем Владимиром служили не более чем предлогом для расправы с влиятельными боярскими кругами, способными оказать реальное сопротивление опричной политике. Пытки открыли перед властями путь к подтверждению вымышленных обвинений. Арестованных заставляли называть имена «сообщников». Оговоренных людей казнили без суда. Исключение было сделано только для конюшего И. П. Челяднина и М. И. Колычева. Но их судили ускоренным судом. Царь собрал в парадных покоях большого Кремлевского дворца членов думы и столичное дворянство и велел привести осужденных. Конюшему он приказал облечься в царские одежды и сесть на трон. Преклонив колени, Грозный напутствовал несчастного иронической речью: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!» [6] Затем по условному знаку опричники убили конюшего, выволокли его труп из дворца и бросили в навозную кучу. Фарс, устроенный в Кремле, и вымыслы по поводу того, что конюший домогался короны, показали, что опричному правительству не удалось доказать выдвинутые против него обвинения. Главные «сообщники» Челяднина — нарвский воевода М. М. Лыков, свияжский воевода Катырев и казанский воевода Троекуров — были казнены без судебной процедуры.

Как правило, следствие проводилось в строгой тайне, и смертные приговоры выносились заочно. Осужденных убивали дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку. Таким способом преступления «заговорщиков» доводились до всеобщего сведения.

Гибель Челяднина решила судьбу Филиппа. Вернувшаяся с Соловков следственная комиссия представила боярам материалы о порочной жизни митрополита. Оппозиция в думе была обезглавлена, и никто не осмелился высказать вслух своих сомнений. Послушно следуя воле царя, земская Боярская дума вынесла решение о суде над главою церкви. Чтобы запугать Филиппа, царь послал ему в монастырь зашитую в кожаный мешок голову окольничего М. И. Колычева, его троюродного брата. Филиппа судили в присутствии Боярской думы и высше-

го духовенства. На соборном суде главным свидетелем обвинения выступил соловецкий игумен Паисий, бывший ученик Филиппа, которому за предательство обещали епископский сан. Филипп отверг все обвинения и попытался прекратить судебное разбирательство, объявив о том, что слагает с себя сан по своей воле. Но царь отказался признать отречение Колычева. Он не забыл пережитого унижения и желал скомпрометировать опального главу церкви в глазах народа.

Филипп принужден был служить службу после того, как соборный суд вынес ему приговор. В середине службы в Успенский собор ворвались опричники. При общем замешательстве Басманов огласил соборный приговор, порочивший митрополита. С Колычева содрали клобук и мантию, бросили его в простые сани и увезли в Богоявленский монастырь. Признанный виновным в «скаредных делах», Колычев по церковным законам подлежал сожжению. Но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме.

Смолкли голоса недовольных в земщине. На страну опустилась мгла. Не только заговорщиков, но и всех заподозренных в сочувствии им постигла суровая кара. Вожди опричнины торжествовали победу. Но ближайшие события показали, что их торжество было преждевременным. Прошел год, и усиливавшийся террор поглотил не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО РАЗОРЕНИЯ

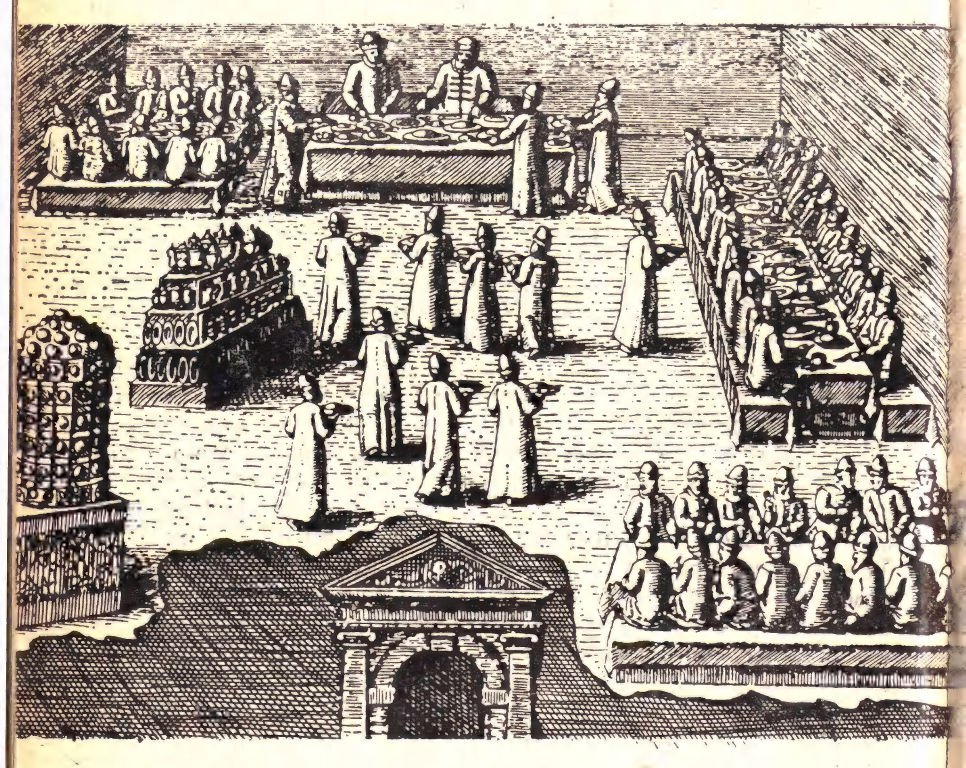
Со времени первых походов на Казань Российское государство вело войну на протяжении 20 лет почти беспрерывно. Мобилизации дворянского ополчения следовали одна за другой. Помещики должны были идти в походы «конно, людно и оружно». Служба требовала значительных денежных расходов, и дворяне вынуждены были перестраивать хозяйство. Они заводили барскую запашку и обрабатывали ее руками «страдных» холопов, увеличивали поборы с крестьян. Перемены в положении крестьян наглядно иллюстрируют новгородские «послушные грамоты». Составленные от имени царя, они обязывали крестьян повиноваться землевладельцам. Ранние грамоты пред-

писывали крестьянам, чтобы они слушали помещика «во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкой доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам». Со временем послушные грамоты приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне... (помещика) слушали, пашню его пахали, где собе учинит, и оброк платили, чем вам изоброчит» [1]. Некоторые исследователи связывали перемену формулы послушной грамоты с введением в Новгороде опричных порядков. В действительности новая формула появилась задолго до опричнины, новое положение вещей сложилось до того, как возникла новая формула. Уже со времени казанских походов помещики повсеместно приступили к пересмотру и повышению оброков.

Начавшийся упадок деревни встревожил правительство. Его чиновники многократно проводили в новгородских пятинах «дозоры» и «обыски» и исправно записывали «сказки» населения. В «сказках» крестьяне в один голос жаловались на непосильность и разорительность государевых податей.

В годы боярского правления новгородские крестьяне платили небольшую денежную подать и исполняли всевозможные натуральные повинности в пользу государства. С началом Казанской и особенно Ливонской войны государство многократно повышало денежные поборы с крестьян. Усиление податного гнета и помещичьей эксплуатации ставило мелкое крестьянское производство в крайне неблагоприятные условия. Но не только поборы были причиной той разрухи, которая наступила в стране в 70—80-х годах XVI в. Катастрофа была вызвана грандиозными стихийными бедствиями, опустошавшими страну в течение трех лет подряд. Неблагоприятные погодные условия дважды, в 1568 и 1569 гг., губили урожай. В результате цены на хлеб поднялись к началу 1570 г. в пять—десять раз. Голодная смерть косила население городов и деревень. В дни опричного погрома Новгорода голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде.

Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с Запада. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах. В Москве эпидемия уносила ежедневно до 600—



Прием в Александровской слободе. Гравюра XVI в.

1000 человеческих жизней. С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 тыс. умерших. Эпидемия не пощадила отдаленные северные и восточные окраины, захватив Вологду и Устюг. «На Устюзе на посаде,— записал местный летописец,— померло, скажут, 12 тысяч, опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть» [2]. Мор продолжался целый год. Власти предпринимали драконовские меры, чтобы остановить эпидемию. На дорогах были выставлены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвеца-

ми и вполне здоровыми людьми. Все эти меры, однако, оказались малоэффективными.

Трехлетний голод и эпидемия принесли гибель сотням тысяч людей. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар. Страна подверглась невиданному разорению. В Шелонской пятине Новгородской земли площадь обрабатываемых земель сократилась более чем вдвое. Некоторые погосты запустели полностью. Явившиеся туда писцы писали: «Про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». Наступившая разруха положила начало массовому бегству крестьян на необжитые окраины государства.

НОВГОРОДСКИЙ РАЗГРОМ

Выстроенный подле Кремля опричный замок недолго был царской резиденцией. Из-за раздора с митрополитом Грозный покинул столицу и переселился в Александровскую слободу, затерянную среди густых лесов и болот. Там он жил затворником за прочными и высокими стенами вновь выстроенного «града». Подступы к слободе охраняла усиленная стража. Никто не мог проникнуть в царскую резиденцию без специального пропуска — «памяти». Вместе с Иваном IV в слободе обосновалась вся опричная дума. Там кромешники принимали иностранных послов и вершили важнейшие дела, а в свободное от службы время монашествовали.

Перемены в московском правлении были разительными, и царские дипломаты получили приказ объяснить иноземцам, что русский царь уехал в «село» по своей воле «для своего прохладу», что его резиденция в «селе» расположена вблизи Москвы, поэтому царь «государство свое правит [и] на Москве и в слободе» [1]. В действительности Грозный не «прохлаждался», а прятался в слободе, гонимый страхом перед боярской крамолой. Под влиянием страха царь велел сыновьям передать очень крупные суммы денег в Кириллов монастырь на устройство келий. Теперь в случае необходимости вся царская семья могла укрыться в стенах затерянного среди дремучих лесов монастыря. Во время очередного посещения Вологды Иван IV распорядился ускорить строительство опричной крепости и велел заложить верфи в ее окрест-

ностях. Вологодские плотники с помощью английских мастеров приступили к строительству судов и барж, предназначенных для того, чтобы вывезти царскую сокровищницу в Соловки, откуда морской путь вел в Англию. Практические приготовления к отъезду за море были осуществлены после того, как царь успешно завершил переговоры с послом Рандольфом о предоставлении его семье убежища в Англии.

Тщательно наблюдая за положением дел в стране, Грозный и его приспешники повсюду видели признаки надвигающейся беды. Царь был уверен, что лишь случай помог ему избежать литовского плена. Между тем король с помощью эмигрантов продолжал вести тайную войну против России. В начале 1569 г. немногочисленный литовский отряд при загадочных обстоятельствах захватил важный опорный пункт обороны на северо-западе — неприступную Изборскую крепость. Глухой ночью изменник Тетерин, переодевшись в опричную одежду, велел страже открыть ворота Изборска, «вопрошаясь опричниной». После освобождения этой крепости опричники объявили изборских подьячих сообщниками Тетерина и предали их казни, что засвидетельствовано синодиком. Одновременно они обезглавили дьяков в ближайших к Изборску крепостях русской Ливонии. Изборская измена бросила тень на всю приказную администрацию и жителей Пскова и Новгорода. Умножившиеся повсюду признаки недовольства вызвали подозрения насчет того, что Псков и Новгород при неблагоприятных обстоятельствах последуют примеру Изборска. Чтобы предотвратить возможную измену, опричные власти отдали приказ о выселении всех неблагонадежных лиц из Новгородско-Псковской земли. В результате было выселено 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода. В изгнание отправились примерно 2—3 тыс. горожан, считая женщин и детей. Затеянное Грозным переселение напоминало аналогичные меры его деда. Но если Иван III подверг гонениям привилегированные новгородские верхи, то Иван IV обрушился на низшие слои. Массовое выселение посадских людей из Пскова и Новгорода, двух городов, казавшихся правительству опасными очагами социального брожения, характеризовало социальную направленность опричной политики.

Незадолго до выселения горожан царь Иван получил от своих послов подробную информацию о перевороте в

Швеции, в результате которого его союзник Эрик XIV был свергнут с престола. Шведские события усилили собственные страхи царя. Сходство ситуаций было разительным. Эрик XIV, по словам царских послов, казнил многих знатных дворян, после чего стал бояться «от своих бояр убивства». Опасаясь мятежа, он тайно просил царских послов взять его на Русь. Произошло это в то самое время, когда царь Иван втайне готовился бежать в Англию. Полученная в Вологде информация, по-видимому, повлияла на исход изборского следствия. Псковские впечатления причудливо сплелись со шведскими в единое целое. Послы уведомили царя, что накануне мятежа Эрик XIV просил находившихся в Стокгольме русских послов «проведывати про стеколских людей про посадцких измену, что оне хотят королю изменити, а город хотят здати королевичем», т. е. королевским братьям. В конце концов измена стокгольмского посада погубила шведского короля.

Руководители опричнины, напуганные изборской изменой, стали исходить из предположения, что посадские люди Пскова и Новгорода готовы последовать примеру Стокгольма и поддержать любой антиправительственный мятеж. Роль мятежных шведских герцогов мог взять на себя князь Владимир Андреевич: и он и его отец держали в Новгороде двор-резиденцию, имели там вассалов и, будучи соседями новгородцев, пользовались их симпатиями. Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, отметил, что после смерти Владимира многие люди (из числа местного населения) «восплакашася» по нем. Подозрения насчет возможного сговора Старицкого с Новгородом подкреплялись и тем, что новгородские помещики сыграли заметную роль в только что разгромленном «заговоре» конюшего И. П. Челяднина-Федорова.

Подозрения и страхи по поводу изборских событий и шведские известия предрешили судьбу Старицких. Царь вознамерился покончить раз и навсегда с опасностью мятежа со стороны брата. Такое решение выдвинуло перед Иваном некоторые проблемы морального порядка. В незапамятные времена церковь канонизировала Бориса и Глеба ради того, чтобы положить конец взаимному кровопролитию в княжеских семьях. Братоубийство считалось худшим преступлением, и царь не без колебаний

решился на него. Прежние провинности князя Владимира казались, однако, недостаточными, чтобы оправдать осуждение его на смерть. Нужны были более веские улики. Вскоре они нашлись. Опричные судьи сфабриковали версию о покушении князя Владимира на жизнь царя. Версия нимало не соответствовала характерам действующих лиц и поражала своей нелепостью. Но современники, наблюдавшие процедуру собственными глазами, замечают, что к расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи, что и обеспечило необходимый результат [2].

После гибели конюшего Челяднина князь Владимир был отослан с полками в Нижний Новгород. Опричники задались целью доказать, будто опальный князь замыслил отравить царя и всю его семью. Они арестовали дворцового повара, ездившего в Нижний Новгород за белорыбицей для царского стола, и обвинили его в преступном сговоре с братом царя. При поваре «найден» был порошок, объявленный ядом, и крупная сумма денег, якобы переданная ему Владимиром Андреевичем. Уже после расправы со Старицкими власти официально заявили о том, что князь Владимир с матерью хотели «испортить» государя и государевых детей [3]. Инсценированное опричниками покушение на жизнь царя послужило предлогом для неслыханно жестоких гонений и погромов.

Грозный считал тетку душой всех интриг, направленных против него. Неудивительно, что он первым делом распорядился забрать Евфросинию Старицкую из Горицкого монастыря. Многолетняя семейная ссора разрешилась кровавым финалом. По-видимому, из-за отсутствия доказательств причастности Евфросинии к нижегородскому заговору или желая избежать последних объяснений Иван IV велел отравить опальную угарным газом, в то время как ее везли на речных стругах по Шексне в слободу.

Князь Владимир в те же самые дни получил приказ покинуть Нижний Новгород и прибыть в слободу. На последней ямской станции перед слободой лагерь Владимира Андреевича был внезапно окружен опричными войсками. В шатер к удельному князю явились опричные судьи Малюта Скуратов и Василий Грязной и объявили, что царь считает его не братом, но врагом. После очной ставки с дворцовым поваром и короткого разбиратель-

ства «дела» Владимир Андреевич и его семья были осуждены на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с отравленным вином. Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вместе с девятилетней дочерью. Царь, однако, пощадил старших детей князя Владимира — наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака. Спустя некоторое время он вернул племяннику отцовский удел.

Записи синодика опальных помогают воссоздать картину гибели Старицких во всех подробностях. Синодик показывает, что главные свидетели обвинения повар Молява с сыновьями и рыболовы, якобы участвовавшие в нижегородском заговоре, были убиты до окончания суда над удельным князем. Источники, таким образом, опровергают версию опричников Таубе и Крузе, будто свидетели с самого начала вошли в тайный сговор с опричными судьями и их лишь для вида брали к пытке. Вместе со свидетелями палачи казнили новгородского подьячего А. Свиязева, показания которого положили начало более широкому расследованию новгородской измены. В царском архиве хранилось «дело наугородцкое на подьячих на Онтона Свиязева со товарищи, прислано из Новагорода по Павлове скаске Петрова с Васильем Степановым». Как видно, Свиязева погубил донос из земщины. Донос был доставлен в опричнину земским дьяком В. Степановым, который пережил Свиязева всего на полгода.

Учиненный после казни Старицкого разгром Новгорода ошеломил современников. Мало кто знал правду о причинах трагедии: с самого начала новгородское дело окружено было глубокой тайной. Опричная дума приняла решение о походе на Новгород в декабре 1569 г. Царь созвал в Александровской слободе все опричное воинство и объявил ему весть о «великой измене» новгородцев. Не мешкая, войска двинулись к Новгороду. 8 января 1570 г. царь прибыл в древний город. На Волховском мосту его встречало духовенство с крестами и иконами. Но торжество было испорчено в первые же минуты. Царь назвал местного архиепископа изменником и отказался принять от него благословение. Однако, будучи человеком благо-

честивым, царь не пожелал пропустить службу. Церковники должны были служить обедню, невзирая на общее замешательство. После службы Пимен повел гостей в палаты «хлеба ясти». Коротким оказался этот невеселый пир. Возопив гласом великим «с яростью», царь велел страже схватить хозяина и ограбить его подворье. Опричники ограбили Софийский собор, забрали драгоценную церковную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские врата. В городе прошли повальные аресты. Опричники увезли арестованных в царский лагерь на Городище.

Последующие расправы подробно описаны неизвестным новгородцем, автором Повести о погибели Новгорода, сохранившейся в составе новгородской летописи. Некоторые подробности летописного рассказа вызывают невольные сомнения. Зима в 1570 г. выдалась необыкновенно суровая, между тем летописец говорит, что одни опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие разъезжали по реке на лодке и топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось всплыть. Однако сомнения оказываются напрасными. Вновь открытый немецкий источник о разгроме Новгорода, составленный на основании показаний очевидцев, бежавших за границу, и опубликованный уже в 1572 г. во Франкфурте-на-Майне, рисует картину опричных деяний, в деталях совпадающую с летописной [4]. Поскольку эти источники различны по своему происхождению, совпадение показаний подтверждает их достоверность.

Опричные судьи вели дознание с помощью жесточайших пыток. Согласно новгородскому источнику, опальных жгли на огне «некоею составною мукою огненною». Немецкий источник добавляет, что новгородцев «подвешивали за руки и поджигали у них на челе пламя». Оба источника утверждают, что замученных привязывали к саням длинной веревкой, волокли через весь город к Волхову и спускали под лед. Избивали не только подозреваемых в измене, но и членов их семей. С женами, как свидетельствует немецкий источник, расправлялись на Волховском мосту. Связанных женщин и детей бросали в воду и заталкивали под лед палками.

Летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию на Городище. Опричники допрашивали архиепископских бояр, многих новгородских служи-

лых людей, детей боярских, а также гостей и купцов. Опричники педантично перебили сначала всех семейных подьячих с их женами и детьми, а затем холостых приказных Новгорода. Эти последние фигурируют в синодике под общим заголовком: «новгороцкие подьячие неженатые». На Городище погибли богатые новгородские купцы Сырковы и многие именитые горожане. Жертвами судилища стали примерно 200 дворян и более 100 домочадцев, 45 дьяков и приказных и столько же членов их семей.

Суд над главными новгородскими «заговорщиками» в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренными методами, но и при этом они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот людей за две-три недели. Всего вероятнее, суд на Городище продолжался три-четыре недели и завершился в конце января. С этого момента новгородское «дело» вступило во вторую фазу. Описав расправу на Городище, местный летописец замечает: «По скончании того государь со своими воинскими людми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям».

Считая вину черного духовенства доказанной, царь решил посетить главнейшие из монастырей в окрестностях города не ради богомолья, а для того, чтобы самолично присутствовать при изъятии казны, заблаговременно опечатанной опричниками. Сопровождавший царя Г. Штаден пишет: «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». Опричники забирали деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство, секли скотину. Настоятелей и соборных старцев били по пяткам палками с утра до вечера, требуя с них особую мзду. В итоге опричного разгрома черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли бесценные сокровища Софийского дома. По данным новгородских летописей, опричники конфисковали казну также у 27 старейших монастырей. В некоторых из них Грозный побывал лично. Царский объезд занял самое малое несколько дней, может быть, неделю.

Участники опричного похода и новгородские авторы-очевидцы единодушно свидетельствуют о том, что нов-

городский посад жил своей обычной жизнью, пока царь занят был судом на Городище и монастырями. В это время нормально функционировали городские рынки, на которых опричники имели возможность продавать награбленное имущество. Положение изменилось после окончания суда и монастырского объезда.

Внимательное чтение источников опровергает традиционное представление, будто опричники пять-шесть недель непрерывно громили посад. На самом деле царь закончил суд над монахами за несколько дней до отъезда в Псков. В эти дни опричники и произвели форменное нападение на город. Они разграбили новгородский торг и поделили самое ценное из награбленного между собой. Простые товары, такие, как сало, воск, лен, они сваливали в большие кучи и сжигали. В дни погрома были уничтожены большие запасы товаров, предназначенных для торговли с Западом. Ограблению подверглись не только торги, но и дома посадских людей. Опричники ломали ворота, выставляли двери, били окна. Горожан, которые пытались противиться насилию, убивали на месте. С особой жестокостью царские слуги преследовали бедноту. Вследствие голода в Новгороде собралось множество нищих. В сильные морозы царь велел выгнать их всех за ворота города. Большая часть этих людей погибла от холода и голода.

Опричные санкции против посада преследовали две основные цели. Первая состояла в том, чтобы пополнить опричную казну, а вторая — в том, чтобы терроризировать низшие слои городского населения, подавить в нем все элементы недовольства, ослабить опасность народного возмущения. В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного населения сделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Разделавшись с новгородцами, опричное воинство двинулось к Пскову. Жители этого города поспешили выразить полную покорность. Вдоль улиц, по которым должен был проследовать царский кортеж, стояли столы с хлебом-солью. Царь не пощадил Пскова, но всю ярость обрушил на местное духовенство. Печорскому игумену, вышедшему навстречу царю с крестами и иконами, отрубили голову. Псковские церкви были ограблены до нитки.

Опричники сняли с соборов и увезли в слободу колокола, забрали церковную утварь. Перед отъездом царь отдал город опричникам на разграбление. Но опричники не успели завершить начатое дело.

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники опричного похода сообщали, будто на улицах Пскова Грозный встретил юродивого и тот подал ему совет ехать прочь из города, чтобы избежать большого несчастья. Церковники снабдили легенду о царе и юродивом множеством вымышленных подробностей. Блаженный будто бы поучал царя «ужасными словесы еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя божия церкви»[5]. Не слушая юродивого, Иван велел снять колокол с Троицкого собора. В тот же час под царем пал конь. Пророчества Николы стали сбываться. Царь в ужасе бежал.

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся открыто перечить Грозному. Его слова, возможно, ускорили отъезд опричников: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но пророчества Николы нисколько не помешали антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков лишь после того, как ограбил до нитки псковское духовенство.

Псков избежал участи Новгорода по причинам, которые долгое время ускользали из поля зрения историков и открылись лишь после реконструкции текста синодика опальных царя Ивана Грозного. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова несколько сот семей, заподозренных в измене. Этих переселенцев опричники застали под Тверью и в Торжке. По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 мужчин с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил прочих жителей Пскова. Из Пскова Грозный уехал в Старицу, а оттуда в слободу. Карательный поход был окончен.

Кто был повинен в ужасной трагедии? Об этом даже многие очевидцы и участники событий имели смутное представление. Новгородцы, не смея винить благочестивого государя, сочинили легенду о зловредном бродяге Петре Волынце. Некто Петр Волынец задумал отомстить новгородцам и для того сочинил ложную грамоту об их из-

мене. Получив от него донос, царь предал город разграблению. Новгородцы, которым предъявлена была грамота Петра, растерянно сказали: «От подписей рук наших отпереться не можем, но что мы королю польскому поддаться хотели или думали, того никогда не было». Так излагал события поздний летописец, который мало что знал и не мог отличить вымысла от действительности. Но записанные им новгородские предания все же хранили в себе крупицу истины. Как раз в дни новгородского разгрома в Москву прибыл венецианец аббат Джерио, которому удалось собрать ценные сведения о происходивших тогда событиях. По словам аббата, царь разорил Новгород «вследствие поимки гонца с изменническим письмом» [6]. Нетрудно усмотреть аналогию между современным известием о поимке гонца и поздним преданием о бродяге Петре, литовском лазутчике из Волыни. Можно указать еще на один источник, упоминающий об «изменной грамоте». Это подлинная опись царского архива 70-х годов XVI в. Она упоминает о некоем загадочном документе — отписке «из Новагорода от дьяков Андрея Безносова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти». Итак, новгородские дьяки сами известили царя о присылке им из Польши письма — «памяти» и вскоре приняли смерть за мнимую измену в пользу поляков. Тотчас после расправы с новгородцами Посольский приказ составил подробный наказ для русских дипломатов в Польше. Если поляки спросят о казнях в Новгороде, значилось в наказе, то на их вопрос должно отвечать ехидным контрвопросом: «Али вам то ведомо?» и «Коли вам то ведомо, а нам что и сказывати? О котором есте лихом деле с государскими изменниками через лазутчиков ссылались и бог ту измену государю нашему объявил и потому над теми изменниками так и сталось» [7]. Как видно, лазутчики доставили в Новгород «изменническое» письмо (польскую «память»), дьяки поспешили донести об этом в Москву, но подозрительный царь увидел во всем этом доказательство неверности своих подданных. Посольские наказы обнаруживают всю степень его ослепления. Становится очевидным, что Грозный и его окружение стали жертвой беспримерной мистификации. Усилия литовской секретной службы, имевшие целью скомпрометировать новгородцев с помощью подложных материалов, увенчались полным успехом. Утратив доверие к подданным, царь использовал войска,

Пытка на дыбе. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

предназначавшиеся для войны с Польшей, на то, чтобы громить свои собственные города. Чтобы окончательно развязать себе руки, он спешно заключил перемирие и через своих послов самонадеянно заявил полякам, что ему сам бог открыл их сговор с новгородцами.

По иронии судьбы имя главнейшего из новгородских заговорщиков кануло в лету. Из всех современников Грозного один Шлихтинг ненароком обмолвился о нем. Но рассказ его не слишком определенен. Вкратце он сводится к следующему. У некоего Василия Дмитриевича (фамилии его Шлихтинг не знал) служили литовские пленники-пушкари. Они пытались бежать на родину, но были

пойманы и под пытками показали, будто бежали с ведома господина. Опричники вздернули на дыбу Василия Дмитриевича, и тот повинился в измене в пользу польского короля. Шлихтинг описал гибель безвестного Василия Дмитриевича как вполне заурядное происшествие. Однако русские документы позволяют установить, что автор «Сказаний» умолчал о самом важном. Первые указания на этот эпизод можно обнаружить в подлинной описи царского архива 70-х годов XVI в. Среди прочих сыскных дел в архиве хранилась отписка «ко государю в Васильеве деле Дмитриева о пушкарях о беглых о Мишках». Архивная отписка вполне удостоверяет версию Шлихтинга. Из нее царь впервые узнал о поимке беглых пушкарей — слуг Василия Дмитриевича. Дорисовать картину помогает синодик опальных, в котором Василий Дмитриевич записан среди лиц, казненных опричниками во время суда на Городище под Новгородом. «Василия Дмитриевича Данилова, Андрея Безсонов дьяк, Васильевых людей два немчина: Максима литвин, Роп немчин, Кузьминых людей Румянцева» и пр. Приведенная запись синодика вводит нас в самую гущу грандиозного политического процесса, получившего наименование «новгородского изменного дела». Она позволяет установить, что главной фигурой этого процесса был Василий Дмитриевич Данилов, выдающийся земский боярин периода опричнины. В синодике его окружают главный новгородский дьяк А. Безсонов, слуги второго новгородского дьяка К. Румянцева и, наконец, «люди» боярина Данилова — беглый литовский пленник Максим, в русской транскрипции «пушкарь Мишка». Его донос погубил земского боярина, но и сам он разделил участь своей жертвы.

Внимательное сличение источников обнаруживает многие неизвестные ранее факты. Мифический бродяга Петр Волынец принужден уступить место знаменитому боярину Данилову. По существу, «новгородское дело», как можно теперь установить, повторило в более широких масштабах дело о заговоре Челяднина. В одном случае удар обрушился на головы митрополита и конюшего, в другом — на архиепископа новгородского и боярина В. Д. Данилова. Как и в деле Челяднина, правительство искало заговорщиков преимущественно в среде нетитулованной старомосковской знати. В Новгороде погибли А. В. Бутурлин, Г. Волынский, несколько Плещеевых.

Вопреки целям и стремлениям инициаторов опричнины, опричная политика окончательно утратила первоначальную антикняжескую направленность. Новгородское дело завершило второй цикл замены боярского руководства земщины.

Участников «заговора» боярина Данилова обвинили в двух преступлениях. Они будто бы хотели «Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии хотели злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича»[8]. Нетрудно заметить, что официальная версия объединяла два взаимоисключающих обвинения. Если новгородцы надеялись посадить на трон угодное им лицо — двоюродного брата царя Владимира Андреевича, то спрашивается, зачем надо было им «подаваться» в Литву под власть чужеземного государя? Подобный простой вопрос, видимо, не особенно затруднял тех, кто руководил розыском,— Малюту Скуратова и его друзей.

Современники утверждали, будто в новгородском погроме погибло то ли 20, то ли 60 тыс. человек. Лет сто назад историки попытались уточнить масштабы трагедии. Поскольку, рассуждали они, опричники избивали в день в среднем тысячу новгородцев (эту цифру сообщает летописец), а экзекуция длилась пять недель, значит, погибло около 40 тыс. человек. Приведенная цифра лишена какой бы то ни было достоверности. В основе расчета лежат ошибочные исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Неверным является и представление о том, что разгром посада длился пять недель. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 тыс. человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25—30 тыс. Ко времени погрома из-за страшного голода множество горожан покинуло посад либо умерло голодной смертью.

Самые точные данные о новгородском разгроме сообщает синодик опальных царя Ивана Грозного. Составители синодика включили в его текст подлинный отчет, или «сказку», Малюты Скуратова, главного руководителя всей карательной экспедиции. Запись сохранила даже грубый жаргон опричника: «По Малютине скаске в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек». В большин-

стве своем «отделанные» Малютой «православные христиане» принадлежали к посадским низам. Их имена опричников не интересовали. К дворянам отношение было более внимательным. В синодике значатся имена и прозвания нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло примерно 2 или 3 тыс. человек.

Опричный разгром не затронул толщи сельского населения Новгорода. Разорение новгородской деревни началось задолго до нашествия опричников. Погром усугубил бедствие, но сам по себе он не мог быть причиной упадка Новгородской земли.

Санкции против церкви и богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода продиктованы были скорее всего корыстными интересами опричной казны. Непрекращавшаяся война и дорогостоящие опричные затеи требовали от правительства огромных средств. Государственная казна была между тем пуста. Испытывая финансовую нужду, власти все чаще обращали взоры в сторону обладателя самых крупных богатств — церкви. Но духовенство не желало поступаться своим имуществом. Суд над митрополитом Филиппом нанес сильнейший удар престижу церкви. Опричное правительство использовало это обстоятельство, чтобы наложить руку на богатства новгородской церкви. «Изменное дело» послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства. Но опричнина вовсе не ставила целью подорвать влияние церкви. Она не осмелилась наложить руку на главное богатство церкви — ее земли.

Государев разгром нанес большой ущерб посадскому населению Новгорода, Пскова, Твери, Ладоги. Торговля Новгорода с западноевропейскими странами была подорвана на многие годы. Но санкции опричнины против посада носили скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, чем поголовное истребление населения.

Существует мнение, что погром Новгорода был связан с необходимостью для государства покончить с последними форпостами удельной децентрализации. Едва ли это справедливо.

В период ликвидации Новгородской республики, в конце XV в., московское правительство экспроприировало земли всех местных феодалов (бояр, купцов и «житьих людей») и водворило на них московских дворян-помещиков.

Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгородской земле прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель. Влияние новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х годов. Местный приказный аппарат, целиком зависевший от центральной власти, служил верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричнины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его приспешникам. Однако, несмотря на безусловную лояльность новгородской администрации по отношению к опричнине, царь Иван и его сподвижники не очень доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород, что объяснялось различными причинами.

По мере того как углублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородской «кованой рати», по численности вдвое превосходившей всю опричную армию. Политическое влияние новгородского дворянства было столь значительным, что при любом кризисе боровшиеся за власть группировки старались добиться его поддержки.

В годы боярского правления новгородцы в массе не поддержали Старицкого, и его мятеж был подавлен. Несколько лет спустя новгородцы «всем городом выступили на стороне бояр Шуйских, которые смогли осуществить переворот и захватить в свои руки бразды правления. Опричнина умножила опасные симптомы недовольства в среде земских дворян Новгорода. Царь закрыл новгородцам доступ на опричную службу, и они испытали на себе произвол опричнины. Неудивительно, что уже в первых опричных процессах замелькали имена новгородцев.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, связанное с экономическим

упадком конца 60-х годов. В жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. вовсе не затронули основной толщи местного посадского населения, «меньших людей», оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями власть имущих. С давних пор авторитет московской администрации в Новгороде стоял на весьма низком уровне, подтверждением чему может служить «Сказание о градех» — известный памятник новгородского происхождения. В Новгороде, читаем там, царят всевозможные непорядки, самый большой из них — непослушание и буйство «меньших» людей: бояре в Новгороде «меньшими людьми наряжати не могут, а меншие их не слушают, а люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их бог блюдет за их глупость». Приведенные строки из старинного «Сказания» не утратили актуальности ко времени опричнины. Пресловутый новгородский сепаратизм был лишь побочным продуктом глубоких социальных противоречий. Голод, охвативший Новгородщину накануне опричного нашествия, усилил повсюду элементы недовольства. Опричные власти сознавали опасность положения и пытались бороться с ней, учиняя дикие погромы и усиливая террор против низов.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

После возобновления военных действий на западных рубежах русские дипломаты предприняли попытку вовлечь в антипольскую коалицию Швецию и Англию. Но после низложения короля Эрика XIV шведское правительство расторгло заключенный ранее союз с Россией. Во время совещаний с английским послом Рандольфом в Вологде опричные дипломаты разработали проект англо-русского союзного договора. Но Англия отказалась его ратифицировать. России пришлось продолжать Ливонскую войну без союзников в самых неблагоприятных условиях. С подписанием Люблинской унии Польша и Литва объединились в единое государство —

Речь Посполитую. Мирный договор между Польшей и Турцией создал опасность образования широкой антирусской коалиции. Однако и Речь Посполитая, и Россия одинаково нуждались в мире. Поэтому обе страны заключили в 1570 г. трехлетнее перемирие. Опричная дипломатия между тем выдвинула проект образования вассального Ливонского королевства под эгидой Грозного. Царский вассал принц Магнус Датский, которому обещана была ливонская корона, попробовал изгнать шведов из Ревеля. Его поддержала многочисленная московская армия, снабженная осадной артиллерией. Но овладеть Ревелем не удалось, и после продолжительной осады царские воеводы отступили от стен крепости.

Швеция прилагала все усилия к тому, чтобы избежать войны с Россией. Новый шведский король Юхан III послал на границу послов. Но ехавшие впереди послов гонцы были задержаны в Новгороде. Один из гонцов заявил о желании перейти на царскую службу и сообщил, что шведские послы уполномочены подписать с Россией мир на любых, даже самых тяжелых условиях, включая уступку Ревеля. Царь спешно направил в Швецию разрешение на въезд послов, однако было слишком поздно. Швеция заключила мир с Данией, царских воевод разбили под Москвой. Шведское правительство сняло с повестки дня вопрос об уступке русским Ревеля.

Опричная дипломатия потерпела ничем не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную в своем роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была некомпетентность опричного руководства. Земский Посольский приказ еще раньше лишился наиболее авторитетных и дальновидных руководителей.

Русское командование не могло выделить крупных сил для завершения борьбы в Прибалтике ввиду сложной ситуации, сложившейся на южных границах. Опасность объединения татарских сил под властью Османской империи, существовавшая как призрак в начале Казанской войны, приобрела впервые реальные контуры. К весне 1569 г. Турция сосредоточила в Азове 17-тысячную армию при 100 орудиях. Эти силы предназначены были для захвата Астрахани и изгнания русских из Нижнего Поволжья. Летом турецкая армия двинулась из Азова к Астрахани и по пути соединилась с 40-тысячной крымской ор-

дой и восставшими ногайцами. На переволоке между Доном и Волгой турки задержались на две недели, предприняв тщетные попытки прорыть канал. Затея оказалась неисполнимой. Турки не смогли переправить галеры с тяжелой артиллерией на Волгу и вернули их по Дону на Черное море. От переволоки турки и татары вышли к Астрахани, но не осмелились штурмовать Заячий остров, на котором располагалась крепость. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать в Поволжье, и после десятидневной стоянки турецкая армия отступила к Азову. Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой» турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. Дс Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии. Гибель турецкой армии не привела к прекращению турецко-татарской экспансии, направленной против России. В 1570 г. крымцы подвергли страшному опустошению рязанскую окраину.

В следующем году 40-тысячная Крымская орда, Большая и Малая ногайские орды и отряды черкасов напали на Москву. Застигнутое врасплох русское командование успело собрать на Оке не более 6 тыс. человек. Земская армия надежно прикрыла серпуховские переправы. Следом за земскими полками на границу выступил царь с опричниной. Однако татары обошли приокские укрепления с запада и, переправившись вброд через Угру, вышли во фланг царской армии. Грозный оставался в полной уверенности, что татары еще за Окой, как вдруг опричный сторожевой отряд был атакован и разгромлен превосходящими силами татар. В критической ситуации царь покинул армию и умчался в Ростов. Между тем подвижная татарская конница устремилась к русской столице, угрожая отрезать пути отступления на север малочисленным русским войскам. Не имея сил остановить татар, воеводы отступили к Москве и укрылись за крепостными стенами. Хан вышел к Москве одновременно с воеводами и разбил лагерь под Коломенским. Татары разграбили незащищенные слободы, а затем подожгли в нескольких местах предместья Москвы. С утра стояла ясная тихая погода, без ветра. Но затем налетела буря, и пламя охватило весь город. При начале пожара зазвонили все городские колокола. Затем колокольный звон стих. Огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре сильные взрывы потрясли город до

основания. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные в пороховых башнях Кремля и Китай-города.

При появлении татар окрестное население сбежалось в столицу под защиту крепостных стен. Гонимые пожаром горожане и беженцы бросились к северным воротам столицы. В воротах и на прилежащих к ним узких улочках образовался затор, люди «в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними» [1]. Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Затворившаяся в Москве армия также понесла тяжелые потери. Расположившиеся на тесных улицах полки утратили порядок и смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Главный воевода «затхнулся от пожарного зною» [2]. В течение трех часов столица выгорела дотла. Татары, пытавшиеся грабить горящий город, гибли в огне. На другой день после пожара татары ушли по рязанской дороге в степи.

Правительство сознавало, что разоренная страна не в силах вести борьбу с такими сильными противниками, как Турция и Крым. Царь уведомил Крым о том, что готов «поступиться» Астраханью в пользу хана, если тот согласится заключить с Россией военный союз. Но в Крыму уступки царя посчитали недостаточными и предложения о союзе отклонили. После сожжения Москвы крымцы, поддержанные турками, выдвинули план полного военного разгрома и подчинения Русского государства.

МОСКОВСКОЕ ДЕЛО

В дни новгородского разрома Грозный уведомил митрополита Кирилла об «измене» новгородского архиепископа. Митрополит и епископы поспешили публично осудить жертвы опричнины. Они отправили царю сообщение, что приговорили «на соборе Новгородцкому архиепископу Пимену против государевы грамоты за его безчинье священная не действовати». Пимен был выдан опричнине с головой. Но высшее духовенство переусердствовало, угождая светским властям. В новом послании Кириллу царь предложил не лишать Пимена архиепископского сана «до подлинного сыску и до соборного уложения» [1].

Иван IV не ждал противодействия со стороны запуганного духовенства. Однако накануне суда он предпри-

нял шаги, которые послужили новым предостережением для недовольных церковников. Опричники обезглавили рязанского архимандрита и взяли под стражу еще нескольких членов священного собора. Всем памятно было, что Пимен председательствовал на соборе, осудившем Филиппа. Теперь он шел по его стопам. Покорно следуя воле царя, высшие иерархи церкви лишили новгородского архиепископа сана и приговорили к пожизненному заключению. Прибыв к месту заточения в небольшой монастырь под Тулой, Пимен вскоре же умер там.

Арестованные в Новгороде «сообщники» Пимена в течение нескольких месяцев томились в Александровской слободе. Розыск шел полным ходом. Царь делил труды с Малютой Скуратовым, проводя дни и ночи в тюремных застенках. Опальные подвергались мучительным пыткам и признавались в любых преступлениях. Как значилось в следственных материалах, «в том деле с пыток (!) многие (опальные) про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили» [2]. Полученные на пыточном дворе материалы скомпрометировали многих высокопоставленных лиц в Москве.

Кровавый погром Новгорода усилил раздор между царем и верхами земщины. По возвращении из новгородского похода Грозный имел длительное объяснение с государственным печатником Иваном Висковатым. Выходец из низов, Висковатый сделал блестящую карьеру благодаря редкому уму и выдающимся способностям. С первых лет казанской войны дьяк возглавлял Посольский приказ. Иван IV, как говорили в Москве, любил старого советника, как самого себя. Печатник отважился на объяснение с Грозным после того, как опричники арестовали и после жестоких пыток казнили его родного брата. Он горячо убеждал царя прекратить кровопролитие, не уничтожать своих бояр. В ответ царь разразился угрозами по адресу боярства. «Я вас еще не истребил, а едва только начал,— заявил он,— но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось!» [3]

Дьяк выразил вслух настроение земщины, и это встревожило Грозного. Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для царских приспешников. Чтобы пресечь недовольство в корне, они арестовали Висковатого и нескольких других земских дьяков и объявили их «со-

ветниками» Пимена. Так новгородский процесс перерос в московское дело. Суд над московской верхушкой завершился в течение нескольких недель. 25 июля 1570 г. осужденные были выведены на рыночную площадь, прозывавшуюся в народе Поганой лужей. Царь Иван явился к месту казни в окружении 1,5 тыс. конных стрельцов. Приготовления к экзекуции и появление царя с опричниками вызвали панику среди столичного населения. Люди разбегались по домам. Такой оборот дела озадачил Грозного, и он принялся увещевать народ «подойти посмотреть поближе». Паника понемногу улеглась, и толпа заполнила рыночную площадь. Обращаясь к толпе, царь громко спросил: «Правильно ли я делаю, что хочу покарать своих изменников?» В ответ послышались громкие крики: «Живи, преблагой царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!»[4] Всенародное одобрение опричной расправы было, конечно, фикцией.

Стража вывела на площадь примерно 300 опальных людей, разделенных на две группы. Около 180 человек были отведены в сторону и выданы на поруки земцам. Царь «великодушно» объявил народу об их помиловании. Вслед затем дьяк стал громко «вычитывать вины» прочим осужденным, и начались казни. Печатника Висковатого привязали к бревнам, составленным наподобие креста. Распятому дьяку предложили повиниться и просить царя о помиловании. Но гордый земец ответил отказом. «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» — таковы были его последние слова. Печатника разрезали на части живьем. Государственный казначей Никита Фуников также отказался признать себя виновным и был заживо сварен в кипятке. Затем палачи казнили главных дьяков московских земских приказов, бояр архиепископа Пимена, новгородских дьяков и более 100 человек новгородских дворян и дворцовых слуг.

Казнь московских дьяков была лишь первым актом московского дела. За спиной приказных людей маячила боярская знать. Висковатый и Фуников получили свои чины от бояр Захарьиных, сосредоточивших в своих руках управление земщиной и распоряжавшихся при дворе наследника царевича Ивана, их родственника по материнской линии.

Опричники готовились учинить в Москве такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого царь

объявил народу с лобного места, что в «мыслях у него было намерение погубить всех жителей города (Москвы), но он сложил уже с них гнев». Перспектива повторения в столице новгородских событий пугала руководителей земщины. Возможно, Захарьины пытались использовать своё влияние на наследника, чтобы образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем и наследником были натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный отец нередко поколачивал сына. Меж тем царевичу исполнилось 17 лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец. Грозный давно не доверял Захарьиным и боялся, как бы они не впутали его сына в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг окружавшего царевича боярства зашли столь далеко, что за месяц до московских казней он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Достаточно проницательные современники отметили, что царь хотел лишь нагнать страху на земских бояр и припугнуть строптивого сына. Однако его опрометчивые заявления, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

В памяти народа сохранилось предание о том, как грозный царь разгневался на сына. Из уст в уста передавали народные сказители древнюю историю о том, как царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и призадумался над тем, как бы вывесть измену из каменной Москвы! Малюта — злодей Скуратов сказал тогда государю, что не вывести ему изменушку до веку, пока сидит супротивник (сын) супротив него. Поверив Малюте, Грозный велел казнить наследника, но за него вступился боярин Никита Романович: «Ты, Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству дяди царский сын был спасен [5].

Издатели «Сказов» считали фабулу песни «О гневе Грозного» вымышленной. Но они были неправы. В основе фабулы лежали реальные факты. Бежавший в Польшу слуга царского лейб-медика, осведомленный обо всех дворцовых тайнах, сообщил полякам, что после новгородского похода в царской семье начался глубокий раздор: «между отцом и старшим сыном возникло величайшее

разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии!»[6] Так как сила была на стороне царя, он подверг сторонников сына жестоким гонениям. В новгородском судном списке значилось, что изменники-новгородцы «ссылались к Москве... с печатником с Ываном Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевым сыном Яковля...»[7] Боярин С. В. Яковлев-Захарьин состоял в родстве с наследником. Опричники убили его вместе с малолетним сыном Никитой. Московское дело скомпрометировало также земского боярина В. М. Юрьева-Захарьина. Сам Юрьев несколько лет как умер, но царь выместил гнев на членах его семьи. Он велел убить дочь Юрьева и его внука и не позволил похоронить их тела по христианскому обычаю. Для царевича Ивана казнь троюродной сестры должна была послужить грозным предостережением. Многие годы при дворе наследника в качестве «близкого человека» и дворецкого служил опричный боярин В. П. Яковлев-Захарьин. Он был забит палками насмерть вместе с братом земским боярином И. П. Хироном-Захарьиным. Знаменитый земский боярин И. В. Большой-Шереметев, ближайшая родня Захарьиных, спасаясь от царского гнева, уехал на Белое озеро и постригся в монахи.

«Московское дело» служило повторением прошедших ранее политических процессов. Его жертвами стали нетитулованная знать и высшая приказная бюрократия. После крушения суздальской знати и многократной смены боярского руководства земщины влиятельное положение в верхах сохранила лишь одна боярская группировка, а именно: та, которая заправляла делами в опричнине. На эту группу и обрушились последние удары террора. Круг политического развития таким образом замкнулся.

Московско-новгородское дело встревожило тех деятелей опричнины, которые не утратили способности сообразовывать свои действия, помимо соображений карьеры, также и со здравым смыслом. Бессмысленность обвинений против Пимена была для них очевидна. Среди церковных деятелей новгородский архиепископ выделялся лояльностью в отношении опричнины и преданностью царю. Пимен поддерживал самые дружественные отношения с руководителями опричнины Басмановым и Вяземским. Члены опричной думы боялись, что расправа с Пименом

усилит непопулярность опричной политики. Их волновала также и собственная безопасность, ничем не гарантированная в условиях массовых репрессий. Террор был развязан ими самими, но теперь он все больше ускользал из-под их контроля.

Некоторые из руководителей опричнины пытались помешать расправе с Пименом. Оружничий Вяземский тайно предупредил Пимена о грозившей ему опасности. Открыто возражать против планов царя Вяземский не решился. Только поэтому он и смог сопровождать Грозного в новгородском походе. Но в опричном правительстве были люди значительно более независимые в своих суждениях и поступках, чье влияние основывалось на подлинных заслугах. К их числу принадлежал выдающийся воевода боярин А. Д. Басманов. По-видимому, он не одобрял планов разгрома Новгорода, за что и не был допущен к участию в карательном походе. Когда царь дознался, что Вяземский поддерживал тайные сношения с Пименом, он окончательно убедился, что измена проникла в его ближайшее опричное окружение. Воображение рисовало Грозному картину грандиозного заговора, объединившего против него всех руководителей земщины и опричнины. Согласно следственным материалам, Пимен, готовясь сдать литовцам Новгород и Псков, «ссылался» со своими московскими сообщниками — с боярином А. Басмановым, его сыном Федором, с оружничим А. Вяземским, с земским боярином Яковлевым и дьяками.

Басмановы были главными инициаторами опричнины. Они потянули за собой в опричную думу весь род Плещеевых. Теперь их всех разом постигла катастрофа. В синодике сохранилась запись о том, что опричники казнили «Алексия, сына его Петра Басмановы, Захарью, Иону Плещеевых». А. Д. Басманов и З. И. Очин-Плещеев имели чины опричных бояр, И. И. Очин командовал опричными отрядами. С Алексеем Басмановым царь расправился с особой жестокостью. Он велел обезглавить его младшего сына Петра. Старшего сына, Федора Басманова, он помиловал. Собственную жизнь царский фаворит сохранил страшной ценой. Он зарезал отца, чтобы доказать преданность царю. Преступление не спасло опричного кравчего. Его отправили в изгнание на Белое озеро, где он и умер. Опричный оружничий А. Вяземский был взят под стражу и подвергнут торговой казни. Затем

царь приказал сослать его в город Городец на Волге. Там его уморили в тюрьме в железных оковах.

После великого московского пожара царь довершил разгром опричной думы, расправившись с опричным удельным князем М. Т. Черкасским, боярином и дворецким Л. А. Салтыковым, боярином В. И. Темкиным, думными дворянами П. В. Зайцевым и И. Ф. Воронцовым, кравчим Ф. И. Салтыковым.

Падение старого опричного руководства, несомненно, было следствием интриг со стороны руководителей сыскного ведомства опричнины Малюты Скуратова-Бельского и Василия Грязного. Эти люди были типичными представителями низшего дворянства, выдвинувшегося в годы опричнины. В отличие от Басмановых и Вяземского, они не играли никакой роли при учреждении опричнины. Лишь разоблачение новгородской измены позволило им получить низшие думные чины, а затем устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины и захватить руководство опричным правительством.

ОПРИЧНЫЙ НОВГОРОД

Персональные перемены в опричном руководстве не привели первоначально к каким-нибудь принципиальным изменениям в опричной политике. На период после «новгородского дела» приходится последнее крупное расширение опричной территории. Стремясь укрепить военную и социальную базу опричнины, царь забрал в удел земли разгромленного Новгорода. В управление опричных дьяков перешли Торговая сторона Новгорода и две пятины — Бежецкая и Обонежская. Опричная армия получила крупнейшее за всю свою историю пополнение: в ее состав влилось более 500 новгородских дворян. Утратив доверие к старому опричному руководству, царь пытался создать в лице новгородских опричников силу, которую можно было бы противопоставить старой опричной гвардии.

Присланная в Новгород администрация без промедления взялась за укрепление опричной половины города. Против земского Кремля царь предполагал выстроить мощную опричную крепость, наподобие опричного кремля в Вологде. Расчищая место для ее строительства, власти пустили на слом 227 дворов на Торговой стороне.

Но вскоре татары сожгли Москву, и казна вынуждена была бросить все наличные средства на восстановление столицы. Опричное строительство в Новгороде, Вологде и слободе прекратилось само собой.

В дни погрома опричники ограбили многих богатых купцов Новгорода. Теперь власти подвергали новгородскую торговлю систематической эксплуатации. Через три недели по прибытии в Новгород опричные дьяки издали таможенную грамоту, обложили повышенными сборами земских торговцев с Софийской стороны и ввели систему строжайших наказаний за нарушение правил торговли. Мелочная опека и регламентация — вот что характеризовало опричную таможенную политику в Новгороде.

Опричные власти установили особые отношения с английскими купцами, членами крупнейшей иностранной купеческой компании в России. Незадолго до похода на Новгород царь предоставил англичанам право беспошлинной торговли по всей России, а также право чеканки русских денег из иностранной серебряной монеты. Щедрые льготы и привилегии должны были привлечь в страну английский торговый капитал. Испытывая нужду в военных материалах, опричное правительство проявляло заботу о расширении производства и позволило членам английской купеческой компании искать в опричных северных уездах залежи железа, «а там, где они удачно найдут его, построить дом для выделки этого железа». Англичане получили разрешение перестроить и расширить канатную фабрику в Вологде. По некоторым сведениям, они завели также полотняную мануфактуру, на которой выделывался грубый холст. Любопытно, что именно опричное правительство впервые в русской истории предоставило концессии иностранному капиталу и что эти концессии располагались исключительно в пределах опричнины.

Экономические мероприятия опричнины затрагивали не только сферу торговли и промышленности. Новгородские опричные дьяки проявили особую заботу о благоустройстве дворцовых волостей под Новгородом. Они свозили туда крестьян, выдавали щедрые ссуды. В пределах волости Холынь они устроили торгово-промышленную слободу, заселенную весьма своеобразным способом. По всем новгородским торгам обнародовали прокламацию к кабальным, и монастырским, и всяким людям, «чей хто

ни буди: и они бы шли во государьскую слободу на Холыню, и государь дает по пяти рублев, по человеку посмотря, а льгота на пять лет»[1]. Холопов звали в цареву слободу, суля им освобождение от кабальной зависимости. Необычная мера властей объяснялась достаточно просто. В обстановке голода и разорения многие господа отказывались кормить дворовых и кабальных людей, а те вынуждены были просить подаяние и бродяжничать. Эту социальную категорию в первую очередь и имела в виду опричная администрация.

Опричнина утвердилась в Новгороде в тот момент, когда экономика новгородской земли пришла в упадок. Дозорщики доносили, что причиной разорения были помимо неурожаев непомерные государевы подати. Но администрация, однако, не желала считаться с донесениями собственных агентов и, несмотря на полное разорение крестьян и посадских людей, неукоснительно взыскивала с них подати и недоимки. Когда ладожане не выполнили обязательства перед дворцом и не сдали «государьской обиходной рыбы», в город явились особые чиновники — «праветчики». Многих ладожан они пустили по миру, двух забили насмерть и в конце концов выколотили оброк. Во время государева погрома Ладога пострадала меньше, чем во время опричного.

Ввиду невозможности взыскать с разоренного населения оброки и денежные платежи власти расширяли натуральные повинности. В течение нескольких месяцев новгородцы должны были «пригоном» строить мост через Волховец, мостить и чистить дороги «на государя» по всей земле, сооружать опричный замок, выставлять возчиков с телегами для перевозки артиллерии и провианта.

На первых порах старания опричной администрации, выколачивавшей оброки и умножавшей барщинные повинности, приносили известные выгоды опричной казне. Но эти выгоды очень скоро стали перекрываться убытками. Опричные реквизиции подрывали самый источник государственных доходов. Разоренное население массами покидало обжитые места.

Тяжесть опричнины испытывало население всего Новгорода, включая его земскую половину. Однажды царь прислал сюда дворянина, чтобы переписать всех «веселых людей» — скоморохов и ученых медведей. Приказ был исполнен, и за полтора месяца до свадьбы царя с Марфой

Собакиной гонец выехал в Москву с целой ватагой новгородских скоморохов и множеством медведей. Перед отъездом опричник решил развлечься в земщине. Явившись на Софийскую сторону с компанией потешных, он велел пустить медведей в земскую дьячью избу. Перепуганные подьячие бросались из окон наземь. Земский дьяк Бартенев был избит опричниками в кровь и основательно помят медведем. Разделавшись с дьяком, опричная компания продолжала озоровать по всему Кремлю, избивала прохожих, травила и драла их медведями. «А в те поры,— замечает летописец,— много в людех учинилось изрону». Власти земского Новгорода стали жертвой произвола опричников. В еще большей мере от насилия и злоупотреблений опричнины страдало простонародье. С новгородцев, писал псковский летописец, брали штрафы великие, «поклепы и подметы», и «от сего мнози людие поидоша в нищем образе, скитаяся по чюжим странам».

С незапамятных времен недоброжелатели чернили новгородцев за то, что они «сквернословы, плохы, а пьют много и лихо» [3]. Нравы крамольного города обратили на себя внимание опричных властей. Они постарались пресечь всякую виноторговлю вне стен государевых кабаков, для чего и «заповедали винщиком не торговати, и поимают винщика с вином, или пияного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с великого моста» [4]. Опричный указ вступил в силу в последние зимние недели. Немудрено, что для многих гуляк купание в ледяной волховской воде имело печальный исход. Более всех страдали от опричных забот о нравственности «меньшие люди»: подмастерья, ярыжки, холопы, нищий люд, словом, все, кого за непочтение к властям называли лихими людьми. Меры в отношении виноторговли должны были устрашить строптивую новгородскую чернь и способствовать приращению доходов казенных кабаков.

Опричные власти проявляли исключительную расторопность по части различных полицейских мер. Обличителей Новгорода возмущало то, что в городе нет ни стен, ни ворот, «хто хочет, тот идет и выидет, а сторожен нету». Опричники покончили с таким непорядком. Они запретили переезжать Волхов на лодках и установили стражу и решетки на мосту. Отныне дьяки могли контролировать сообщение между двумя половинами города. Волхов стал охраняемой границей опричных владений.

В разгар жаркого лета дьяки запретили горожанам топить печи в избах и велели готовить пищу в безопасных местах на огородах. Эта мера была безукоризненной с пожарной точки зрения, но она доставила много хлопот и неудобств населению.

Бесспорным достоинством опричной администрации в Новгороде было умение добиться неукоснительного исполнения ее распоряжений. Но авторитет опричных властей основывался исключительно на принуждении и строжайших полицейских мерах.

ПОСЛЕДНЕЕ ОПРИЧНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Стихийные бедствия и татарские набеги приносили неописуемые бедствия. Но опричники были в глазах народа страшнее татар. Царь оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить «неправду» бояр-правителей. На деле опричный режим привел к неслыханным злоупотреблениям. Как говорят очевидцы, земские суды получили от царя распоряжение, которое дало новое направление всему правосудию. Распоряжение гласило: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Следуя таким указаниям, судьи перестали преследовать грабителей и воров из числа опричников. В годы опричнины процветали, как никогда, политические доносы. Опричник мог подать жалобу на земца, будто тот позорит его и всю опричнину. Земца в этом случае ждала тюрьма. Его имущество доставалось доносчику. Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени новгородского похода. В разоренной чумой и голодом стране, где по дорогам бродили нищие и бродяги, а в городах не успевали хоронить мертвых, опричники безнаказанно грабили и убивали людей. Они обшарили все государство, на что царь не давал им согласия, повествует опричник Штаден. Так начались многочисленные душегубства и убийства в земщине [1]. Разумеется, царь Иван и его приспешники не поощряли прямой разбой. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд. Они возвели кровавые погромы в ранг государственной политики. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины. В конечном итоге погромы более всего деморализовали саму опричнину.

Падение старого опричного руководства разрушило круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Состав думы пополнился земцами, многие из которых испытали злоупотребления опричнины. Члены новой опричной думы, по-видимому, стали сознавать опасность деморализации охранного корпуса. Опричники, повествует Штаден, творили в земщине такие беззакония, что сам великий князь объявил наконец: «Довольно!» Казнь Басманова ознаменовала конец целой полосы в истории опричнины. Подвергнув опале тех, кто создал опричнину, царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать самые вопиющие преступления опричников.

Телега опричного правосудия сделала крутой поворот. Опричный боярин князь Темкин был предан суду за то, что он, взяв крупную сумму у митрополичьего дьяка, отказался вернуть долг и, чтобы избавиться от кредитора, убил его сына. Суд постановил наказать Темкина и конфисковать одну из его вотчин. Царь, любивший показную строгость, утвердил приговор суда. Помимо всего прочего Грозный примерно наказывал опричных, чтобы вернуть доверие земщины. Казни и судебные преследования расстроили механизм опричного управления. Опричная администрация, прежде энергичная и деятельная, впала в паралитическое состояние. Штаден, посетивший главную резиденцию в Москве, был поражен царившим там настроением. «Когда я пришел на опричный двор,— повествует он,— все дела стояли без движения... бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе».

Попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям на первых порах не затронули основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда,— свидетельствует Штаден,— великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины» [2].

Опричному двору нужен был новый блестящий фасад, и царь постарался украсить его самыми аристократическими фамилиями России. В первые дни опричнины он послал на эшафот боярина князя А. Б. Горбатого. В последние дни во главе опричной думы встал боярин князь И. А. Шуйский. Вместе с ним в опричной думе служила теперь знать самого высшего разбора: удельные князья

Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский, бояре князья П. Д. и С. Д. Пронские, боярин князь В. А. Сицкий, окольничий князь О. М. Щербатый, князь А. П. Хованский и пр. Почти все эти лица или их родственники подверглись преследованиям при Басманове. Подготовляя почву для окончательной расправы с опричной гвардией, царь Иван старался обеспечить себе поддержку тех сил, которые более всего пострадали от опричных порядков. Но все это не означало, что в опричнине в конечном итоге взяла верх высшая аристократия. Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей и молодых ротозеев. Представители высшей титулованной знати, появившиеся в опричнине, принадлежали ко второй категории: в большинстве своем это были люди сравнительно молодые. Их роль сводилась к внешнему представительству. Подлинными же руководителями опричной думы были палач Малюта Скуратов и его приспешники, возглавлявшие сыскное ведомство.

Царь, живший в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами, слепо доверял своему главному сыщику Малюте и видел в нем всегдашнего спасителя. Скуратов помог Грозному расправиться со старой опричной гвардией. Знати имя Малюты Скуратова-Бельского было столь же ненавистно, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за приближение «прескверных паразитов и маньяков», «прегнуснодейных и богомерзких Бельских с товарыщи», «опришницов кровоядных» [3]. Даже среди незнатных опричников Скуратов выделялся своим худородством. В списках думных дворян опричнины его имя стояло последним. Лишь накануне полной отмены опричнины, когда влияние Малюты достигло апогея, он получил назначение на пост дворового воеводы. Такие посты могли занимать исключительно представители родословной боярский знати.

Успех Скуратова невозможно объяснить одним только расположением царя. Высокое назначение было, по-видимому, следствием того, что Малюта способствовал заключению брака Грозного с Марфой Собакиной и через этот брак породнился с царской семьей. Высокое родство смыло с Бельского печать худородства. Среди его дочерей одна вышла замуж за двоюродного брата царя И. М. Глин-

ского, другая — за будущего царя Б. Ф. Годунова, а третья — за князя Д. И. Шуйского, брата будущего царя.

Помощником Малюты в сыскном ведомстве был думный дворянин Василий Грязной. Он также происходил из худородной семьи и начал службу у одного старицкого боярина «мало что не в охотникех с собаками». После роспуска свиты В. А. Старицкого Грязной был зачислен в опричнину и попал из псарей в царские советники. Вместе с Малютой Грязной исполнял роль следователя и судьи в деле князя Владимира, а затем руководил разгромом Новгорода. Положение Грязного пошатнулось во время чистки опричной гвардии, когда казни подверглись его двоюродные братья. Василий избежал той же участи благодаря покровительству своего друга Малюты. Едва только Скуратов погиб, Грязной лишился думного чина и был сослан в небольшую крепость на крымской границе, где попал в плен к татарам. Письма из Крыма дают весьма точное представление о характере и достоинствах главного сподвижника Малюты. Неутомимый собутыльник царя, завоевавший его благосклонность застольными шутками, Васютка Грязной сочетал в себе качества шута и палача разом. Это был человек невероятно хвастливый, тщеславный и легкомысленный. Чтобы оправдать свое пленение, Грязной с серьезным видом уверял царя, будто подчиненные ему земские лучники бежали при виде татар, а он в одиночку сцепился с двумя сотнями врагов. Когда его повалили наземь, уверял Василий, он «над собой укусил шти (шесть) человек до смерти, а двадцать да дву ранил»; в крымском плену он (неведомо как) государевых собак изменников «всех перекусал же, все вдруг (!) перепропали, одна собака остался — Кудеяр, и тот», по его «грехом, маленко свернулся». Письмо к царю из плена Васютка закончил следующими словами: «Ты, государь, аки бог, и мала и велика чинишь»[4]. В приведенных словах историки усматривали чуть ли не манифест худородного опричного дворянства. Но, может быть, то была лишь раболепная выходка впавшего в немилость опричного фаворита?

Под стать Бельскому и Грязному был думный дворянин Роман Олферов-Нащекин, выдвинувшийся в самом конце опричнины. Несмотря на полную безграмотность, он стал по милости царя хранителем печати (печатником) и возглавил весь приказной аппарат опричнины.

Однажды Олферов затеял местнический спор с земским казначеем князем Мосальским и, нимало не смущаясь, написал в своей челобитной царю: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальские князи и хто они». Государственный казначей не только стерпел бесчестье, но и смиренно заявил, что «своего родства Мосальских князей не помнят», «Роман — человек великой, а я человек молодой...» [5] В местническом деле безграмотный печатник предстает перед нами как «великий человек» опричнины.

Характеристика опричного правительства оказалась бы неполной без упоминания о царе Иване. Современники преувеличивали влияние склонностей и прихотей Грозного на ход событий. Но историк впал бы в другую крайность, если бы вздумал отрицать значение деятельности Грозного для истории XVI в.

Многочисленные литературные сочинения царя служат, пожалуй, самым надежным материалом для суждения о его личности. В своих писаниях Грозный предстает человеком, от природы одаренным острым умом. Его достоинства — политический темперамент, талант публициста, образованность — были весьма необычны для людей его положения. Но причудливое сплетение противоположных свойств в натуре царя Ивана поражало уже его современников. Они не скрывали удивления, описывая безрассудную мнительность и «мудроумие» Ивана IV, его невероятную жестокость и заботу о воинстве, его гордыню и смирение [6].

Какое влияние оказали личные качества Грозного на события его времени? Ответить на этот вопрос не так-то легко. В пору реформ личное влияние Ивана умерялось авторитетом его советников. В пору опричнины Грозный окончательно избавился от старых советников и боярской опеки. Казалось бы, царь достиг наконец неограниченной власти, которой домогался. Но такое впечатление, по-видимому, страдает преувеличением. Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она не была плодом только его ума и энергии. В важнейшие периоды опричнины рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада: Басманов, Вяземский, Скуратов. На первый взгляд эти люди кажутся послушными исполнителями распоряжений Грозного. Но подлинное влияние их на опричную политику было велико.

Царь Иван не раз поучал сына-наследника, как ему «людей держати... и от них беречися и во всем их умети к себе присвоивати». Но сам он не умел «присвоить», надолго подчинить своим целям даже «ближних людей». В характере Ивана была одна удивительная черта: при всей своей подозрительности и жестокости он, как верно подметил В. О. Ключевский, обладал особой привязчивостью. Людям, умевшим доказать ему свою преданность, Грозный доверял безгранично, до излишества. Будучи человеком душевно неуравновешенным, легко поддающимся внушениям, царь постоянно подчинялся влиянию фаворитов. Без их совета он не мог обойтись ни при решении важных политических дел, ни при выборе очередной невесты. Сильвестр был первым учителем жизни Ивана. Адашев увлек его замыслом обширных реформ. Алексей Басманов, один из лучших воевод XVI в., внушил ему мысль об опричнине — правлении, основанном на неограниченном насилии. Скуратов вдохновил его на кровавые погромы. Но сколь бы долго ни подчинялся Грозный влиянию временщиков, он в конце концов безжалостно уничтожал их. Рушились авторитеты — рушились привязанности. Адашев сгинул в опале, его программа дворянских реформ была предана забвению. Опричную затею постигла неудача, и по царскому повелению Басманов-сын зарезал Басманова-отца. Один Скуратов сумел избежать участи своих предшественников. Но никто не может сказать, как сложилась бы судьба царского любимца, если бы в зените славы шведская пуля не оборвала его жизнь.

В дни отречения от престола царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В последующие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начал настойчиво искать хороших врачей в заморских странах. После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что бог покарал Ивана неизлечимой болезнью. Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он «приходил как бы в безумие», на губах выступала пена. Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя, возможно, связаны были с какой-то нервной болезнью. Но все же влияние недуга на характер Грозного и события его времени не следует преувеличивать. Жестокость Грозного нельзя объяснить только патологическими при-

чинами. Вся мрачная, затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежения к достоинству и жизни человека, пропитана всевозможными грубыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был исключением в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Кровавое правление царя Ивана оставило глубокий след в памяти современников. Народ наградил «великого государя» прозвищем Грозный. И это прозвище удивительно точно обрисовало облик первого московского царя. В годы правления царя Ивана погибло около 4 тыс. человек. Такими были масштабы опричного террора в XVI в., когда население страны не превышало восьми-десяти миллионов. По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретали всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. К концу жизни этот прирожденный лицедей не мог более скрывать свои переживания от постороннего взора. Современники замечали странное несоответствие между царственной осанкой московита и выражением его глаз, которые постоянно бегали и наблюдали за всем с большим вниманием. Приведенные слова принадлежат австрийскому послу. При безмерном самомнении, которое поддерживалось постоянной лестью и славословием придворных, отметил папский посол, в царе заметна была подозрительность. Сквозит она и в литературных произведениях Грозного. На склоне лет царь Иван IV написал канон грозному ангелу, полный страха смерти, бреда преследования и чувства одиночества (Д. С. Лихачев).

Страх загнал царя Ивана в опричную слободу. На протяжении многих лет он жил там затворником под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно культивировали его подозрения.

В пору кровавых оргий опричнины царь действовал как человек, ослепленный страхом. Однажды Ф. Энгельс заметил, что эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. «Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные

для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»[7]. Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие. «Ласкатели» и сотрапезники, по словам Курбского, без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя. Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на весь природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любому противоречию и упрямо громоздил ошибку на ошибку. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, бессовестными карьеристами и палачами. Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова.

Современников поражали причуды и сумасбродства царя. Иногда его шутки носили вполне невинный характер. Царь весело отпраздновал свадьбу племянницы с датским принцем. Гости плясали под напев псалма святого Афанасия, 45-летний государь отплясывал наравне с молодыми иноками и по головам их жезлом отбивал такт. На пирах Иван не прочь был потешиться и пошутить не только над иноками, но и над великими боярами. Однажды, повествует летописец, царь призвал бояр и «жаловал (их) без числа своею царьскою чашою и (велел) чашником безпрестанно носити и поити; и как почали прохлажатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а овии песни воспевати... и всякие срамные слова глаголати. И... царь... повеле их речи слушати и писати тайно и наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смеренныя от его царьского синклита (совета) такие слова простые глаголюще; и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чюдеси»[8]. Писцы «застенографировали» болтовню пьяных бояр, на том дело и кончилось. Но не всегда царские шутки имели такой благополучный исход. Подданные пуще огня боялись царского юмора... Стрелецкий командир Никита Голохвастов, известный своей отчаянной храбростью, вынужден был надеть монашескую рясу, чтобы избежать гнева Грозного. Но монастырь не спас его. Царь велел привести его и сказал, что поможет бравому иноку поскорее взлететь

на небо. Голохвастова посадили на бочку с порохом, а порох взорвали.

В юности Иван увлекся религией, в зрелые годы стал законченным фанатиком. Многие жестокие и непостижимые его действия имели в качестве побудительного мотива религиозный фанатизм. После разгрома Казани Грозный велел казнить увезенных в Новгород мусульман, отказавшихся принять христианство, в завоеванном Полоцке приказал утопить всех местных евреев, собственноручно душил своих незаконнорожденных детей, неугодных богу. От сумасбродств и жестокостей царь Иван легко переходил к покаянию. В обращении к инокам Кирилло-Белозерского монастыря он писал: «А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, в чем просветити? Сам бо всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе» [9]. Монахи, немало претерпевшие от Грозного при его жизни, объявили его после смерти благочестивейшим государем. Церковников восхищали его приверженность религии и риторические самообличения. Никто из современников царя не ставил под сомнение искренность его покаяний. Эта проблема для них не существовала. Постановка ее открывает путь для более глубокой оценки поведения и литературного стиля Грозного. В них становятся заметны резко выраженные черты юродства и скоморошества (Д. С. Лихачев). С удивительной легкостью царь Иван переходил в своих писаниях от смирения к гордыне и гневу, унижавшему и уничтожавшему собеседника. Царь не прочь был затеять словесный поединок с жертвой в тот момент, когда палач уже приготовил топор.

Среди пороков, которые царь признавал за собой, фигурировали корыстолюбие, ненасытное «грабление» чужих имений. Иван, унаследовавший от предков богатую казну, не разбирался в средствах, добиваясь ее пополнения. Накануне вторжения татар он приказал перевезти сокровищницу из Москвы в Новгород, для чего снаряжено было 450 возов. Судя по размерам обоза, в казне хранилось несколько тысяч пудов золота и серебра в слитках и звонкой монете. Грозный обладал коллекцией драгоценных камней, одной из лучших в Европе. Он умел ценить камни и скупал их по всему свету. Как заядлый собиратель, Иван любил показывать свою коллекцию. Не только не-

обычная величина и блеск камней, но и мистические, туманные рассуждения Ивана поражали воображение тех, кто попадал в царскую сокровищницу. Рубины, по мнению царя, очищали его испорченную кровь. Сапфиры обладали таинственной силой охранять его. Бирюза, блекнущая в руке, предсказывала смерть. Алмаз, самый драгоценный из восточных камней, удерживал человека от ярости и сластолюбия. Этот камень царь, по его словам, никогда не любил. В камнях Иван видел дар божий и тайну природы, открытую людям на пользу и созерцание.

Составить сколько-нибудь точный портрет Ивана IV трудно из-за недостатка достоверных данных. Среди немногих царских портретов наибольшими достоинствами отличается самый ранний, написанный неизвестным московским художником и вывезенный в Копенгаген. Черты лица изображенного на нем человека достаточно запоминающиеся: высокий лоб с большими залысинами, удлиненный, немного крючковатый нос, пышная борода. Ценность портрета снижается, однако, тем, что он написан в условной, почти иконописной манере.

К числу ранних изображений Грозного относится фреска на стенах Новоспасского монастыря в Москве. Но фреска выполнена в еще более условной манере, чем копенгагенский портрет. В благообразном царском лике индивидуальность вовсе утрачена. Недостоверны обличительные портреты Грозного в немецких летучих листах, показывающих хитрого, жестокого азиата в косматой шапке.

В поздних изображениях Ивана из титулярника XVII в. все схематично — и орлиный нос и грозно сдвинутые брови. Живописное изображение может быть дополнено литературными портретами Грозного. Самый известный из них принадлежит перу писателя начала XVII в. князя И. С. Шаховского. «Царь Иван,— писал Шаховской,— образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты» [10]. Некоторые детали этого портрета внушают сомнения. Например, Шаховской пишет, что у царя были серые глаза, это не согласуется с известным отзывом Ивана о людях с серыми глазами. «Где обретешь мужа правдива, иже серы (или «зекры» — голубые) очи имуща?» — спра-

шивал Грозный у Курбского. В приведенном описании имеются и другие несообразности, которые объясняются, вероятно, тем, что автор обрисовал внешность царя с чужих слов. Что же касается замечания по поводу «нелепого образа», оно носит слишком полемичный характер. Даже противники «тирана», не пожалевшие красок для очернения, ни словом не обмолвились насчет его отталкивающей внешности. Менее пристрастные авторы, вроде итальянских и английских купцов, определенно писали, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой. Как видно, Грозный отличался внешним благообразием, во всяком случае его облик не отражал внутренней жестокости. В этом пункте первый документальный портрет Грозного, выполненный М. М. Герасимовым, не вполне согласуется с показаниями источников. Всего подробнее внешность царя описал австрийский посол. По его словам, в 45 лет Иван был полон сил и довольно толст. Царя отличал высокий рост, у него была длинная и густая борода рыжего цвета с черноватым оттенком, бритая голова и большие бегающие глаза. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного.

РАЗГРОМ КРЫМСКОЙ ОРДЫ

Проект создания в Ливонии вассального королевства рухнул после неудачной осады Ревеля. Автор проекта опричный боярин Таубе изменил царю и возглавил мятеж в Юрьеве. Воеводы подавили мятеж в течение двух часов, после чего Таубе укрылся в Литве. Царь потребовал от короля выдачи изменника, но получил отказ и велел казнить многих ливонских пленных. Эти события не оказали длительного влияния на внешнеполитическую ориентацию России.

Угроза со стороны Крыма побудила Москву искать мира с Речью Посполитой. Через литовского посла царь передал в Краков предложение о союзе против турок и татар. Смерть короля Сигизмунда помешала реализации подготавливавшегося соглашения.

Мирная инициатива царя связана была также с крушением русско-шведского военного союза и возобновлением военных действий в шведской Ливонии. Считая Юха-

на III своим личным врагом, Иван направил ему послание, составленное в заносчивых и высокомерных выражениях. Он потребовал, чтобы шведский король признал себя вассалом русской короны и немедленно уступил Ревель. Дипломатический нажим был подкреплен военной демонстрацией на шведской границе. Под предлогом войны со шведами царь в 1572 г. покинул столицу, несмотря на угрозу татарского нападения, и прибыл в Новгород в сопровождении двора и стрельцов. Русское командование планировало после отражения татар перебросить армию из-под Москвы в Новгород и изгнать шведов из Ливонии. Но сражение на южных границах затянулось. В войне с татарами армия понесла тяжелые потери, ввиду чего поход в Ливонию был отложен. Грозный направил шведскому королю второе бранное письмо. Я надеялся, писал царь, «что уже ты и Свейская земля в своих глупостях познаетесь», но обманулся: «ваше воровство все наруже, опрометывается, как бы гад, разными виды»[1]. Царь предупредил Юхана III, что вскоре наведается в его владения, и сдержал свое слово. В конце 1572 г. он с большой армией вторгся в шведскую Ливонию и овладел замком Пайда. При штурме Пайды погиб Малюта Скуратов.

Между тем на южных границах события развивались своим чередом. После сожжения Москвы в 1571 г. Иван IV уведомил хана о том, что готов уступить ему Астрахань ради мира. Но в Крыму взяла верх военная партия, под влиянием которой мирные предложения Москвы были отвергнуты.

Россию опустошали голод и чума. Царская армия понесала тяжелые поражения под Ревелем и Москвой. Русская столица казалась татарам легкой добычей. Ее старые укрепления были уничтожены пожаром, а новые, наспех возведенные, не могли полностью их заменить. Военные неудачи поколебали русское владычество в Поволжье и Прикаспии. Ногайская орда окончательно порвала вассальные отношения с Москвой и примкнула к антирусской коалиции. Покоренные народы Поволжья пришли в движение и попытались сбросить власть царя. Союзниками Крыма выступили многие адыгейские князья с Северного Кавказа. За спиной крымцев стояла крупнейшая в Европе военная держава — Османская империя. В такой ситуации хан надеялся не только отторгнуть

от России Среднее и Нижнее Поволжье, но и захватить Москву и тем самым восстановить давнюю зависимость Руси от татар. Накануне вторжения Девлет-Гирей приказал расписать между мурзами уезды и города России. Султан направил в Крым специальную миссию для участия в завоевательном походе на Русь.

В ожидании нового нашествия русские к маю 1572 г. собрали на южной границе около 12 тыс. дворян, 2035 стрельцов и 3800 казаков. Вместе с ополчениями северных городов армия насчитывала немногим более 20 тыс. На стороне татар был численный перевес. Во вторжении участвовало от 40 до 50 тыс. всадников из состава Крымской, Большой и Малой ногайских орд. Хан имел в своем распоряжении турецкую артиллерию.

Русское командование расположило основные силы под Коломной, надежно прикрыв подходы к Москве со стороны Рязани. Но оно учло также возможность повторного вторжения татар с юго-запада, из района Угры. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг в Калугу воеводу князя Д. И. Хворостинина с передовым полком. Вопреки традиции, передовой полк по численности превосходил полки правой и левой руки. Хворостинину был придан подвижный речной отряд для обороны переправ через Оку.

Татары вторглись на Русь 23 июля 1572 г. Их подвижная конница устремилась к Туле и на третий день попыталась перейти Оку выше Серпухова, но была отбита от переправ русским сторожевым полком. Тем временем хан со всей ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Русские воеводы ждали противника за Окой на сильно укрепленных позициях.

Натолкнувшись на прочную оборону русских, хан возобновил атаку в районе Сенькина брода выше Серпухова. В ночь на 28 июля ногайская конница разогнала две сотни дворян, охранявших брод, и захватила переправы. Развивая наступление, ногайцы за ночь ушли далеко на север. Под утро к месту переправы татар подоспел Хворостинин с передовым полком. Но, столкнувшись с главными силами татар, он уклонился от боя. Вскоре полк правой руки попытался перехватить татар в верхнем течении реки Нары, но был отброшен прочь. Хан Девлет-Гирей вышел в тыл русской армии и по серпуховской дороге стал беспрепятственно продвигаться к

Москве. Татарскими арьергардами командовали сыновья хана с многочисленной и отборной конницей. Передовой полк следовал за царевичами, выжидая благоприятного момента. Когда такой момент наступил, воевода Хворостинин обрушился на татар. Бой произошел в районе деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы. Татары не выдержали удара и бежали. Хворостинин «домчал» сторожевой полк татар до ханской ставки. Чтобы поправить положение, Девлет-Гирей вынужден был бросить на помощь сыновьям 12 тыс. крымских и ногайских всадников, Сражение разрасталось, и главный воевода Воротынский в ожидании татар приказал установить подвижную крепость — «гуляй-город» близ Молодей. Большой полк укрылся за стенами крепости, изготовившись к бою.

Троекратное превосходство сил противника вынудило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестящий маневр. Его полк, отступая, увлек татар к стенам «гуляй-города». Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.

Поражение при Молодях вынудило Девлет-Гирея приостановить наступление на Москву. В течение дня татары простояли за Пахрой, ожидая подхода русских. Но те не возобновили атак. Тогда татары повернули вспять от Пахры к Молодям. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отойти от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Центром русских оборонительных позиций служил холм, на вершине которого стоял «гуляй-город», окруженный наспех вырытыми рвами. За стенами города укрылся большой полк. Остальные полки прикрывали его тыл и фланги, оставаясь вне укреплений. У подножья холма за речкой Рожай стояли 3 тыс. стрельцов, чтобы поддержать воевод «на пищалях».

Татары быстро преодолели расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушились на русские позиции. Стрельцы полегли на поле боя все до единого, но засевшие в «гуляй-городе» воины отбили атаки конницы сильной пушечной и ружейной пальбой. Обеспокоенный неудачей, главный татарский воевода Дивей-мурза выехал на рекогносцировку и приблизился вплотную к русским позициям. Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские.

Кровопролитное сражение продолжалось до самого вечера 30 июля. Потери татар были исключительно велики. Погибли предводитель ногайской конницы Теребердей-мурза и трое знатных крымских мурз. Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

В сражении русские одержали победу, но успех грозил обернуться неудачей. Когда поредевшие полки укрылись в «гуляй-городе», запасы продовольствия у них быстро иссякли, и в армии «учал быти голод людям и лошадем великой».

После двухдневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм «гуляй-города», направив к нему все свои конные и пешие полки. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены «гуляй-города», «изымалися у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много». К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода М. И. Воротынский с полками покинул «гуляй-город» и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона «гуляй-города» была поручена князю Д. И. Хворостинину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условленному сигналу Хворостинин дал залп изо всех орудий, затем «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же самый момент с тыла на татар обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана Девлет-Гирея и его внук. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз.

На другой день после победы русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывающие до 5 тыс. всадников.

Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объ-

ясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при Молодях был не он, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. На его исключительные заслуги в войнах с татарами указывал осведомленный современник Д. Флетчер. За два года до битвы при Молодях Хворостинин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся во время войны с татарами в 1572 г. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем принял на себя командование «гуляй-городом» во время решающего сражения 2 августа.

Сражение при Молодях 1572 г. относится к числу значительнейших событий военной истории XVI в. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром крымской орды под Москвой в 1572 г. положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Блестящая победа объединенной земско-опричной армии над татарами оказала определенное воздействие на внутренние дела государства, ускорив отмену опричнины.

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

После сожжения Москвы в 1571 г. правительство начало исподволь готовиться к упразднению опричных порядков. Угроза татарского вторжения ускорила слияние военных сил опричнины и земщины. Опричники стали получать общие назначения с земцами и нередко поступали под начальство старших земских воевод. Битву при Молодях выиграла объединенная армия. При ее формировании Разрядный приказ полностью игнорировал деление дворянского ополчения на два раздельных войска.

Вскоре же власти приступили к устранению многочисленных перегородок между опричниной и земщиной в сфере административного управления. В начале 1572 г.

царь объявил о восстановлении в Новгороде древнего наместнического управления и назначил главным наместником боярина И. Ф. Мстиславского. Опричный боярин П. Д. Пронский, возглавлявший до того администрацию Новгорода, был переведен из опричной половины в земскую в подчинение земцу Мстиславскому. Раздельному управлению Новгорода пришел конец, хотя формально деление Новгородской земли на две половины продолжало существовать.

В связи с введением наместничества в Новгороде правительство провело объединение финансового управления страны, опричной и земской казны. Опричный печатник был переведен на земский Казенный двор и стал помощником земского казначея. Свезенные в Новгород сокровища были уложены в церковных подвалах на Ярославовом дворище, поступив в ведение единого казначейства. Замечательно, что описанные преобразования военного, административного и финансового порядка были осуществлены незадолго до вторжения татар в 1572 г., когда перспектива неблагоприятного исхода войны казалась царю достаточно реальной. Именно в это время Иван отпраздновал свадьбу с Анной Колтовской и внес в черновик завещания распоряжения относительно новой жены. Работая над текстом завещания, Грозный включил в него короткую, но многозначительную фразу об опричнине: «А что есми учинил опришнину,— записал он,— и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов» [1]. Одной фразой царь выразил полное равнодушие к судьбе опричнины. Вопрос о дальнейшем существовании или отмене опричных порядков он целиком оставлял на усмотрение наследников.

Множество признаков указывало на то, что опричные порядки доживают последние дни. Против обыкновения, власти в начале года не взяли в опричнину новые уезды. Остановилось строительство опричных крепостей. Английский посол был уведомлен о прекращении секретных переговоров по поводу предоставления царской семье убежища в Англии.

Грозный долго не решался отдать приказ о роспуске опричной гвардии. Известие о разгроме татар под Москвой, по-видимому, положило конец его колебаниям. Царь праздновал победу в течение двух недель. В Новгороде

не умолкал колокольный звон. Во всех церквах служили торжественные молебны.

Забавы и пиры не мешали казням. Между рассказами о торжествах местный летописец поместил следующую лаконичную запись: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхову-реку, с камением топил»[2]. В Новгород царя сопровождали в 1572 г. особо доверенные дворяне из опричников. Они-то и стали жертвами царского гнева. Новое руководство старалось держать в страхе опричную гвардию в момент, когда роспуск опричного корпуса и ликвидация опричных привилегий были поставлены на повестку дня.

С падением опричнины начался пересмотр служилого землевладения в опричных уездах. В наибольшей мере новая земельная перетасовка затронула верхушку опричнины, т. е. тех дворян, которые успели выслужить в опричнине чины и поместья, а также тех «иногородцев», которых перевели в опричнину из других уездов. Они должны были расстаться с землями, конфискованными ранее у земских дворян. Масса местных служилых людей, перешедшая в опричнину с уездом, вероятно, сохранила свои земли, но лишилась права на опричные «прибавки». Так была упразднена главная привилегия опричнины: более высокие земельные оклады по сравнению с земскими. Поскольку мелкие и средние землевладельцы получали добавочные земли исключительно на поместном праве, новый земельный пересмотр в опричнине свелся к повторному перераспределению поместного фонда.

Последним достойным завершением опричных деяний явился царский указ 1572 г. о запрещении употреблять самое название опричнины. Нарушителям указа грозило строгое наказание: «виновного (болтавшего об опричнине) обнажали по пояс и били кнутом на торгу». Эта мера, казалось бы, свидетельствовала о полном искоренении опричных порядков и служила своеобразной оценкой опричнины со стороны Грозного и его «нового руководства». Но более верным представляется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и старались предотвратить критику ненавистных опричных порядков, принуждая всех к молчанию.

ИТОГИ ОПРИЧНИНЫ

При своем учреждении опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Опалы, казни и конфискации, обрушившиеся на суздальскую знать в первые месяцы опричнины, ослабили политическое влияние аристократии и способствовали укреплению самодержавной монархии. Объективно подобные меры способствовали преодолению остатков феодальной раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-боярское землевладение.

Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Следом за короткой полосой компромисса в 1566 г. пришло время массового террора в 1567—1570 гг. Стержнем политической истории опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались они сами.

Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч людей крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3—4 тыс. человек. Из них на долю дворянства приходилось не менее 600—700 человек, не считая членов их семей. Опричный террор ослабил влияние боярской аристократии, но он нанес также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, т. е. тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоев и группировок был полной бессмыслицей.

В. И. Ленин определял политический строй России в XVII в. как самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией[1]. Подобным же образом можно характеризовать Русское государство XVI в. с той лишь оговоркой, что в XVI в. феодальная аристократия располагала еще большими земельными богатствами и политическим весом, нежели в XVII в. Самодержавие было официальной доктриной и в известном смысле политической формой монархии, хотя глава государства в XVI столетии по существу не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно с «советом крупных феодалов» — Боярской думой и князьями церкви. Образование опричнины знаменовало собой своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления. В опричнине царь смог осуществить такие меры, проведение которых в обычных условиях невозможно было без согласия на то думы и высшего духовенства. На время царь избавился от опеки со стороны боярской аристократии.

Опричнина существенно ограничила компетенцию думы, прежде всего в сфере внутреннего управления. В годы реформ дума постоянно выделяла семибоярщину, ведавшую столицей и всем государством в отсутствие царя. При Адашеве руководство семибоярщиной осуществляла титулованная знать. После введения опричнины царь изгнал княжат из московской боярской комиссии и заменил их нетитулованными боярами. Под конец опричнины бояре вовсе были удалены из московской комиссии. Отныне столицу «ведали» одни приказные люди. С упразднением семибоярщины была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы. По традиции члены думы непосредственно возглавляли важнейшие приказы. Глава Конюшенного приказа — конюший — считался старшим боярином думы. После казни Челяднина-Федорова должность конюшего была фактически упразднена, а управление приказом перешло к ясельничим из дворян. В годы опричнины царь почти никогда не созывал думу в полном составе и перестал регулярно пополнять ее новыми членами. Боярская дума лишилась почти всех своих авторитетнейших вождей. Ее численный состав резко сократился, влияние ослабло.

Задолго до опричнины выдающийся дворянский публицист Иван Пересветов настоятельно советовал царю

создать охрану наподобие янычарского войска и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Многое из того, о чем писал Пересветов, сбылось через полтора десятилетия. Пророчества публициста столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были отнести его сочинения к послеопричному периоду и увидели в них литературное выражение опричной трагедии. В действительности Пересветову удалось предвосхитить будущее. Непосредственного влияния на опричную политику его проекты, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению. Опричная политика, хотя и имела точки соприкосновения с идеологией дворянских публицистов, на практике оказалась весьма далекой от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «ленивых и богатых», но и против «простых воинников». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинников» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, правящем «с грозою», стоящем за «великую правду», воплотились в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины. В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не путем корпоративной организации мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противостоящей всей остальной массе земского дворянства. Опричнина обнаружила тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, бессовестным грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В опричнине окончательно сложился институт думных дворян. В связи с развитием приказной системы внутри Боярской думы образовалась курия думных дьяков. После опричнины политический вес приказной слу-

жилой бюрократии, несомненно, возрос. Высшие ее представители, занявшие место в думе, стали играть наряду с думным дворянством роль своеобразного противовеса боярской знати внутри думы. С появлением двух новых курий дума из чисто аристократического по своему составу учреждения постепенно стала превращаться в более представительный орган. Но развитию сословно-представительного начала в наибольшей мере способствовали земские соборы. Непременной частью любого собора XVI в. были Боярская дума и «священный собор», т. е. князья церкви. Лишь в некоторых исключительных случаях власти приглашали для участия в работе собора представителей дворянства. Самым представительным собором середины XVI в. явился Земский собор 1566 г., созыв которого был связан с короткой полосой компромисса в истории опричнины. На этом соборе помимо дворян и приказной бюрократии присутствовали также столичные купцы.

Опричное правительство неизменно покровительствовало крупному купеческому капиталу. Царь Иван заявил однажды английскому купцу Дженкинсону: «Мы знаем, что нужно выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны...» Царь пожаловал из опричнины громадные земельные владения купцам Строгановым и предоставил обширные привилегии английской купеческой компании. Он заботился о внешней торговле и старательно поддерживал «нарвское мореплавание» [2]. Именно в опричнине появились первые в русской истории концессии, предоставленные иностранному промышленному капиталу. Монархия поддерживала купеческий капитал в той мере, в какой это ей было выгодно. Случалось, что опричные власти подвергали купцов прямому грабежу.

Опричные погромы деморализовали жизнь общества, но не могли изменить основных тенденций общественного развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ. Развитие приказной системы управления вело к усилению централизации. Возросло значение служилой дворянской бюрократии. Возникли более представительные соборы, органы будущей сословно-представительной монархии. Проведенные в начале опричнины земельные конфискации привели к известному ослаблению боярской аристократии и укреплению самодержавия. Террор оста-

вил глубокий след в жизни русского общества. Кровавые призраки опричнины еще долгое время тяготели над умами вождей господствовавшего сословия. Но опричнина не изменила общей политической структуры монархии, не уничтожила значения думы как высшего органа государства, не поколебала местнических порядков, ограждавших привилегии знати.

Опричнина дорого обошлась стране. Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней. Погромы сопровождались разрушением производительных сил. Бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий.

ТАТАРСКИЙ ХАН НА МОСКОВСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Прошло три года, и память об опричнине несколько потускнела. Подданные стали забывать о сумасбродной затее царя. Но в воздухе запахло новой опричниной, когда в 1575 г. Грозный вторично отрекся от короны и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Татарин въехал в царские хоромы, а «великий государь» переселился на Арбат. Теперь он ездил по Москве «просто, что бояре», в кремлевском дворце устраивался поодаль от «великого князя», восседавшего на великолепном троне, и смиренно выслушивал его указы.

Отречению Грозного предшествовала длинная цепь событий. Самые драматические из них разыгрались за кулисами. Источники хранят по этому поводу молчание, и только синодик опальных приоткрывает краешек завесы. В синодике можно обнаружить следующую запись: «Помяни, господи, князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитоу Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова... Якова Мансурова». Составитель синодика не случайно соединил этих людей на одной странице поминальной книги. Можно установить, что все они служили в опричнине, а затем перешли во «двор» Грозного (после роспуска опричнины так называемый двор заменил собой опричный охранный корпус). На «дворовой» службе подвизались лишь особо доверенные лица. Число их не превышало нескольких сот. Названные выше люди занимали при новом дворе какое-то особое положе-

ние. За год до коронации Симеона царь отпраздновал свадьбу с Анной Васильчиковой. На ней было немного приглашенных: избранные из избранных. Но вот что интересно: на свадьбе весело пировали все те, кто вскоре оказался в числе опальных. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь из-за свадебного стола на эшафот. Незадолго до свадьбы Грозный посетил Пыточный двор и задал вопрос боярским холопам, которых жгли на огне: «Хто из бояр наших нам изменяют?» И сам принялся подсказывать имена: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский?..» Царь начал с самых близких своих советников, стоявших подле него тут же на Пыточном дворе. Он шутил, но от его слов у бояр леденела кровь.

В синодике записаны не просто высокопоставленные чиновники двора. Знакомство с их биографиями убеждает в том, что перед нами руководители первого послеопричного правительства. В его состав входил князь Борис Тулупов, который сделал головокружительную карьеру. Вначале — скромный оруженосец, возивший царский самопал, а через год-два — член ближнего царского совета, вершивший дела государственной важности. Рядом с Тулуповым в синодике записан Василий Умной. Этот был преемником Скуратова. Он с таким рвением продолжил начатый Малютой розыск о боярской измене, что тотчас был пожалован в «дворовые» бояре. За Умным во «двор» потянулась вся его многочисленная родня — Колычевы.

Мы не знаем ничего или знаем очень немногое о тех распрях, которые раскололи верхушку «двора» незадолго до появления на сцене Симеона. Очевидно одно. В итоге раскола власть перешла к крайним элементам, настоявшим на возврате к опричным методам управления. Первые симптомы конфликта внутри «дворового» руководства можно уловить в острых местнических спорах между Колычевыми, с одной стороны, Годуновыми и Сабуровым — с другой. Боярин Ф. И. Умной безнадежно проиграл тяжбу с боярином Б. Ю. Сабуровым и был выдан ему «головой». Его родной брат боярин В. И. Умной с трудом защищался от местнических претензий постельничего Д. И. Годунова.

После казни Б. Д. Тулупова его старицкая вотчина досталась за «бесчестье» Борису Годунову. Мы никогда

не узнаем, какое оскорбление потерпел от фаворита Годунов, но обидчик полностью оплатил счет, угодив на кол. Не лишним будет напомнить, что имущество опальных обычно делили между собой казна и доносчик. Борис постарался избавиться от неправедно нажитого имения. Едва Грозный умер, как он передал тулуповскую вотчину в монастырь с наказом вечно поминать двух братьев Василия и Федора Умных, князя Бориса Тулупова и его мать Анну[1]. Федор Умной кончил жизнь в монастыре, а Анна Тулупова, по словам очевидцев, была предана мучительной казни в день гибели сына. Будучи причастен к опале всех названных лиц, Борис велел поминать их всех 2 августа, очевидно, в день казни, описанной синодиком.

Итак, царь отправил руководителей первого послеопричного правительства на эшафот 2 августа 1575 г. Казни послужили толчком к расследованию второго новгородского «изменного» дела. Пущенная в ход машина террора не могла остановиться. Многие члены «двора» подверглись аресту. В числе их оказался личный медик Грозного Елисей Бомелей. «Лютый волхв». Елисей оставил по себе недобрую память в народе[2]. Он оказывал царю услуги самого грязного свойства, приготовляя яды для впавших в немилость придворных, а некоторых из них, например Григория Грязного, отравил собственноручно. Бомелей стал первым царским астрологом. Он знакомил царя с неблагоприятным положением звезд и предсказывал ему всевозможные беды, а затем «открывал» пути спасения. Грозный полностью доверял своему советнику. В конце концов астролог запутался в сетях собственных интриг и решил бежать из России. Взяв на имя своего слуги подорожную, Бомелей отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. Но в Пскове подозрительного иноземца схватили и в цепях привезли в Москву. Грозный был поражен изменой любимца и велел зажарить его на огромном вертеле. Под пытками Бомелей оговорил новгородского архиепископа Леонида и многих знатных лиц. Вопреки легенде «волхв» и «колдун» подучил царя убить бояр не по злой воле, а по слабости, из-за того, что не смог вынести пытку.

Англичанин Горсей, видевший, как полуживого доктора везли с Пыточного двора в тюрьму, рассказал любопытные подробности о последних днях авантюриста. По

его словам, царь поручил допросить Бомелея своему сыну Ивану и приближенным, заподозренным в сговоре с лейбмедиком. С помощью этих придворных Бомелей надеялся выпутаться из беды. Когда же «колдун» увидел, что друзья предали его, он заговорил и показал многое сверх того, о чем желал узнать царь. Среди оклеветанных им людей оказался видный придворный П. М. Юрьев, троюродный брат наследника. Имя его записано в синодике. Как можно установить, новгородский архиепископ Леонид «преставился» в государевой опале 20 октября 1575 г., а четыре дня спустя палач обезглавил Захарьина-Юрьева [3]. Все это не было случайным совпадением.

Новые кровавые казни на Москве связаны были с новгородским делом, главным героем которого явился архиепископ Леонид. Архиепископ принадлежал к тому кругу духовенства, который поддерживал тесную дружбу сначала с опричниной, а потом с двором. Пользуясь полным доверием царя, он занял новгородский престол после опричного разгрома Новгорода. Местную церковь Леонид подчинил целям опричной администрации, которую в то время возглавлял Алексей Старой. (Вероятно, то, что Старой подвергся казни накануне суда над Леонидом, не простая случайность.) По словам современников, участь новгородского архиепископа разделили два других высокопоставленных духовных лица. Их имена записаны в кратком синодике государевых опальных в одном списке с Леонидом: «архиепископ Леонид, архимандрит Евфимий, архимандрит Иосиф Симоновский» [4]. Евфимий возглавлял кремлевский Чудов монастырь. Летописи упоминают о том, что он погиб вместе с Леонидом. Эти лица в самом деле были тесно связаны между собой. В годы опричнины в Чудове монастыре сидел Левкий, знаменитый приспешник царя, навлекший на себя проклятия Курбского. Левкий передал митру Леониду, а тот сделал своим преемником Евфимия. Весь этот кружок лиц запятнал себя сотрудничеством с опричниной. К нему принадлежал также и архимандрит Симонова монастыря. Названный монастырь удостоился особой чести: он был зачислен в опричнину.

Покорное духовенство сквозь пальцы смотрело на многократные браки царя и другие прегрешения против церковных правил. Но сердечному согласию пришел конец, едва Грозный объявил о полном запрещении земельных

пожертвований в пользу крупных монастырей. Царь не скрывал, что его раздражают вчерашние любимцы. Монахи Симонова и Чудова монастырей, писал царь за два года до казней, лишь по одежде иноки, а все по-мирскому делают, то все видят. Архимандриты подавали худой пример братии. Царю доносили, что симоновский архимандрит, «не хотя быти в архимандритех и умысля, причастился бес патрихели, а сказал, буттося беспамятством» [5]. Монахи могли рассчитывать на снисхождение, если бы речь шла об одном неблагочинии. Но против них выдвинуты были другие обвинения. Царь разгневался на своих богомольцев за то, что они «гонялись» за боярами, лукаво оправдываясь тем, что без боярских даяний их обители оскудеют. В старые времена, писал Грозный, «святии мнози не гонялися за бояры», а ныне монахи знаются и водят дружбу с крамольными боярами. Не за дружбу ли с казненными дворовыми боярами пострадали Леонид и архимандриты?

Смерть Леонида породила множество легенд. Одни толковали, будто царь оборвал на владыке одежду («сан») и в «медведно ошив (зашив в медвежью шкуру), собаками затравил». По другой версии, Леонид «удавлен» был на площади перед Успенским собором в Кремле. Но самый осведомленный из авторов — англичанин Горсей — утверждает, что суд приговорил Леонида к смертной казни, а царь помиловал его и заменил смертную казнь вечным заточением. Владыку посадили в погреб на хлеб и воду, и он вскоре умер. На суде, замечает Горсей, Леонида обвинили в том, что он занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм. После суда ведьм сожгли. Можно ли доверять рассказу Горсея? Нет ли тут вымысла? Небольшая деталь не оставляет сомнений на этот счет. Мы имеем в виду поминальную запись синодика: «Помяни, господи, в Новегороде 15 жен, а сказывают ведуньи волхвы». Перед нами те самые колдуньи Леонида, о которых рассказывал Горсей.

Суд осудил Леонида как еретика и государственного преступника. Архиепископ якобы поддерживал изменнические связи с польским и шведским королями. Обвинения были столь нелепы, что им могли поверить лишь в конец запуганные люди. Царь опасался возражений влиятельных церковных кругов и прибег к шантажу. В описи царского архива можно обнаружить указание на сыскное

дело «про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 7083 и 7084 году» [6]. Самое примечательное — это дата розыска. 7083 год истекал 31 августа, а 7084 год начинался 1 сентября 1575 г. Следовательно, царь шантажировал митрополита в то самое время, когда полным ходом шла подготовка к суду над Леонидом.

Некоторые историки видели в отречении Грозного и передаче трона хану Симеону игру или причуду, смысл которой был неясен, а политическое значение ничтожно. Приведенные выше факты показывают, что отречение Грозного связано было с серьезным внутренним кризисом. Второе новгородское дело скомпрометировало многих высокопоставленных лиц из числа бояр и князей церкви. Страх перед всеобщей изменой преследовал царя как кошмар. Он жаждал расправы с заговорщиками, но не имел больше надежной военной силы. «Двор» не оправдал возложенных на него надежд. Главные руководители «двора» были обвинены в государственной измене и кончили жизнь на плахе.

Основная трудность, с которой столкнулись Грозный и его окружение, состояла, однако, в другом. Отмена опричнины аннулировала те неограниченные полномочия, которыми облек царя указ об опричнине. Никто не мог помешать Грозному казнить ближних людей из состава «двора». Он добился осуждения некоторых влиятельных церковных иерархов, не популярных в земщине из-за пособничества опричнине. Но царь не решился поднять руку на могущественных земских вассалов, не имея на то согласия Боярской думы и церковного руководства. Опричная гроза ослабила, но не сокрушила боярскую аристократию. Царь Иван по-прежнему должен был сообразовывать свои действия с мнением знати. Полностью игнорировать Боярскую думу было рискованно, особенно в тот момент, когда обнаружилось, что охранный корпус царя — его «двор» — недостаточно надежен. Видимо, царь и его окружение долго ломали голову над тем, как без согласия думы возродить опричный режим и в то же время сохранить видимость законности в Русском государстве, пока склонность к шутке и мистификации не подсказала царю нужное решение. На сцене появилось новое лицо — великий князь Симеон. Трагедия неожиданно обернулась фарсом.

О личности Саин Булата Бекбулатовича известно немногое. Он сыграл роль, для которой больше всего подходил человек слабый и заурядный. Грозный делал с подручным ханом все, что хотел. Сначала посадил его на «царство» в Касимов, потом свел с мусульманского удельного княжества, крестил, переименовал в Симеона и женил на овдовевшей дочери князя Мстиславского. Служилый татарский хан, вчерашний басурманин, не пользовался влиянием в боярской и церковной среде. Но Грозному импонировали царское происхождение Симеона, а еще больше его полная покорность, и он поставил его во главе земской думы. И все же подручный хан не обладал достаточным авторитетом для того, чтобы единолично решать дела от имени Боярской думы. Чтобы преодолеть это затруднение, Грозный объявил о своем отречении от трона в пользу Симеона и провозгласил главу Боярской думы «великим князем всея Руси». Затем без особых хлопот он получил от своего ставленника согласие на введение в стране чрезвычайного положения. С переходом в «удел» князю Иванцу Московскому (так называл теперь себя Грозный) не надо было больше обращаться к думе. Свои указы он облекал в форму челобитных на имя великого князя.

Тотчас после гибели новгородского архиепископа Леонида Иван IV подал Симеону свою первую челобитную с просьбой, чтобы тот «милость показал, ослободил людишок перебрать бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси ослободил принять». Челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение с «удельным князем». Иванец Московский мог принять в «удел» любого из подданных «великого князя» Симеона, Симеону же категорически воспрещалось принимать служилых людей из «удела». Вновь организованная «удельная» армия как две капли воды походила на старую опричную гвардию. Взятые в «удел» дворяне теряли свои поместья в земщине и получали взамен земли на территории «удельного» княжества. Новоявленный «удельный» князь обошел молчанием вопрос о размежевании великокняжеских и «удельных» владений, оставив его целиком на свое усмотрение. Иванец Московский нарочно составил свою челобитную в таких выражениях, чтобы убедить подданных, будто речь идет не о новом разделе государства на

земщину и опричнину, а всего лишь об очередной реорганизации «двора» и «переборе людишек».

Накануне первой опричнины царь покинул столицу, прежде чем объявить об отречении от престола. Накануне второй опричнины Грозный не захотел покинуть Москву и забрал в «удельную» казну царскую корону и другие регалии. Объясняя английскому посланнику свой необычный поступок, Иван сказал, между прочим: «Посмотри также: семь венцов еще в нашем владении со скипетром и с остальными царскими украшениями». Можно установить, с какими регалиями предстал перед англичанином развенчанный великий государь. Указы из «удела» составлялись от имени «государя князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского». К этим трем древним княжеским коронам Иванец присоединил венцы двух удельных княжеств — Дмитровского и Старицкого, а также венцы Ржевы и Зубцова.

Московскому князю понадобился примерно месяц на то, чтобы выкроить «удельные» владения и сформировать в них новую опричную гвардию. В «удел» попали Псковская земля, разгромленная в годы опричнины, и Ростов с уездом. Эти территории никогда не входили в опричное ведомство, а отсюда можно заключить, что князь Московский не желал пустить в «удел» служилую мелкоту, сидевшую в бывших опричных уездах и некогда составлявшую опричный корпус. Управление «уделом» осуществляла «удельная» дума, возглавленная Нагими, Годуновыми и Бельским. Старый постельничий царя Дмитрий Годунов подвизался на поприще политического сыска: Постельный приказ расследовал заговоры против особы царя. Заслуги Дмитрия Годунова были оценены, и он получил боярский чин, не полагавшийся ему по худородству. Его племянник Борис вошел в «удельную» думу с чином кравчего, а свояк Бориса Богдан Бельский стал оружничим. Афанасий Нагой оказал царю важные услуги, будучи послом в Крыму. Он разоблачил мнимую измену бояр в пользу крымского хана и тем обеспечил себе карьеру. Под влиянием Афанасия Нагого царь ввел в «удельную» думу его брата Федца, пожаловав ему чин окольничего, а позже женился на его племяннице Марии Нагой. Образовавшийся триумвират — Нагие, Бельский, Годуновы — сохранил влияние при дворе Грозного до последних дней его жизни.

Публичные казни, осуществленные через месяц после отречения Грозного, произвели тягостное впечатление на современников. Летописцы подробно описали их. Но даже беглое знакомство с летописными заметками позволяет обнаружить разноголосицу источников.

Чтобы установить достоверные факты, следует вновь обратиться к синодику опальных царя Ивана. В нем записаны следующие лица: «Князь Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитоу Борисов, Василия Борисова, Дружиноу Володимеров, князя Данила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих три человеки, простых пять человекь крестьян».

Кем же были эти люди, жертвы второй опричнины? Боярин князь Петр Куракин лишь по чистой случайности уцелел в годы первой опричнины. Его брата, боярина Ивана, заточили тогда в монастырь. Он сам попал в ссылку в Казань и пробыл там десять лет. В Москву его вернули только затем, чтобы возвести на эшафот.

Боярин Иван Бутурлин, окольничий Дмитрий Бутурлин и окольничий Борисов были людьми другой судьбы. Они вошли в опричную думу, когда опричнина переживала закат. После ее полной ликвидации они сбросили черное опричное одеяние и перешли в земскую думу. Аналогичным был жизненный путь других опальных из синодика.

Князь Данила Друцкий, виднейшие дьяки Дружина Володимеров и Осип Ильин сделали карьеру в опричнине, а затем перешли в земщину и возглавили там приказы. В одной компании со всеми этими бывшими опричниками оказался протопоп Архангельского собора в Кремле Иван. Его посадили в воду, попросту говоря, утопили в реке.

Источники позволяют установить, что царь казнил своих бывших опричников в конце ноября 1575 г. Приведенная дата служит последним звеном в длинной цепи фактов. Итак, в августе Грозный расправился с руководителями «двора», в сентябре-октябре расследовал новгородскую измену, в конце октября отрекся от престола, в течение месяца создал новую опричнину — «удел», наконец, отдал приказ о казни виднейших земских бояр.

Современники глухо сообщают, что причиной новых опал был раздор в царской семье. Вычурным и замыс-

ловатым слогом московский летописец повествует о том, будто царь «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства». Наследника, как видно, заподозрили в намерении свергнуть отца и занять трон. Чтобы поставить препону сыну, Грозный нарек на великое княжение Симеона. Тогда близкие к наследнику бояре будто бы заявили: «Неподобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставляти». В ярости царь велел казнить этих «супротивников» [7]. Трудно судить, насколько достоверен приведенный летописный рассказ. Можно лишь догадываться, что дело Бомелея скомпрометировало бояр, принадлежавших к ближайшему окружению наследника, и царь решил избавиться от них. Главным заговорщиком он, по-видимому, считал боярина Ивана Бутурлина. Вместе с опальным палач обезглавил его сына и дочь. Членов семей других опальных царь пощадил.

После первой серьезной ссоры с сыном Иваном царь заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов, что намерен лишить сына прав на трон и сделать наследником принца датского Магнуса. Спустя пять лет он исполнил эту угрозу, но передал корону не Магнусу, а Симеону. Царскую семью раздирало родственное озлобление. Своими действиями самодур-отец как бы говорил взрослому сыну: «Казню твоих братьев и приближенных, и трон отдам не тебе, а инородцу». Исторические песни сохранили смутное предание о том, что царевич Иван спасся от смерти благодаря заступничеству любимого дяди боярина Никиты Юрьева. Так ли это, сказать невозможно. Известно только, что во время расследования дела о заговоре в пользу наследника Грозный велел ограбить Никиту Юрьева. Не обделил вниманием царь и других руководителей земщины. Покатились по их дворам отрубленные боярские головы. Но как бы ни куражился Иван, сколько бы ни учил наследника палкой, он никогда не помышлял о суде над ним. Более того, отрекшись от царского сана, он взял сына в «удел» и объявил его своим соправителем. Все распоряжения из «удела» шли от имени двух князей московских: Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.

На третий день после публичной экзекуции в Кремле Иван IV вызвал английского посланника, информировал его о вокняжении Симеона и добавил, что «поводом к

тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданического повиновения и устрояют измены против особы нашей». Смысл разъяснений был предельно ясен. Иван Московский казнил бояр за отказ верноподданнически повиноваться ему. Опасаясь, как бы посол не принял всерьез его отречение, Иван IV заявил, что «передал сан в руки чужеродца, нисколько не родственного ни ему, ни его земле, ни его престолу» [8]. Объяснение с послом невольно вскрыло всю истину. Служилый татарин лишь потому призван был сыграть главную роль в затеянном маскараде, что не имел решительно никаких прав на русский престол. Грозный намеренно воскресил призрак ненавистной татарщины, при которой великокняжеской властью распоряжался хан, а подручный московский князь приносил ему челобитные. Как видно, Иван IV предусмотрительно старался сделать преемника пугалом в глазах подданных, чтобы не дать ему возможности утвердиться на троне. Церемония передачи власти Симеону носила двусмысленный характер. По замечанию летописи, царь посадил его на престол «своим произволением». То же обстоятельство отметили иностранные наблюдатели. Как писал Горсей, царь передал венец Симеону и короновал его без согласия Боярской думы. Отмена церемонии присяги новому государю в думе лишала акт коронации законной силы. Неопределенность положения Симеона усугублялась тем обстоятельством, что он занял царский трон, но получил вместо царского один только великокняжеский титул.

На третьем месяце правления Симеона царь сказал английскому послу, что сможет вновь принять сан, когда ему будет угодно, и поступит, как бог его наставит, потому что Симеон еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, а лишь по его соизволению. Но и после этого заявления Грозный не спешил с окончанием маскарада. Татарский хан пробыл на московском троне около года. Царь полагал, что услуги покорного Симеона могут понадобиться ему в будущем, и потому вместо уничтожения соперника «отставил» его с почетом. Покинув Москву, Симеон перешел на «великое княжение» в Тверь.

Под видом «удела» царь воскресил в стране опричные порядки. Но гонения затронули на этот раз небольшое

число лиц. Погромы не повторились. «Удельная политика» послужила своего рода послесловием к опричной политике. Царь довершил разгром того боярского круга, который управлял опричниной в конце ее существования. «Княжение» Симеона не оказало серьезного влияния на внутреннее состояние страны.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ГРОЗНОГО

В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям. Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста. Бояре надеялись заполучить ему в невесты польскую принцессу. Но переговоры с польским королевским домом не увенчались успехом, и дума вынуждена была пожертвовать теми внешнеполитическими выгодами, которые сулил династический брак. Тогда-то 16-летнему великому князю были подсказаны веские доводы, изложенные им (по летописной версии) в речи к думе и духовенству: «...Помышляя еси жениться в иных царствах,— заявил Иван (и это была сущая правда),— у короля у которого или у царя у которого, и яз... тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочю женитися для того, что яз отца своего... и своей матери остался мал, привести мне за себя жену из ыного государьства, и у нас нечто норовы будут разные, ино межу нами тщета будет; и яз... умыслил и хочю жениться в своем государьстве...» [1] Соображения по поводу несходства характеров имели второстепенное значение по сравнению с соображениями религиозными. Окрестные владетельные дома придерживались еретической, в глазах московских ортодоксов, веры. Из-за подобного затруднения Василий III не мог жениться до 25 лет. В конце концов молодой Иван решил во всем следовать примеру отца. Боярская дума утвердила приговор о представлении ко двору лучших невест в государстве. Бояре и окольничие тотчас же разъехались во все концы страны, чтобы смотреть невест. Впереди бояр ехали гонцы с грозными наказами. Всем дворянам, имевшим дочерей 12 лет и старше, повелевалось без промедления везти таковых к наместникам на смотрины. За утайку невесты дворянам су-

лили великую опалу и казнь. При русском бездорожье всероссийские смотрины грозили затянуться на много месяцев. Между тем бояре, не ожидая съезда провинциальных невест, привезли во дворец своих дочерей и племянниц. На боярских смотринах царю сосватали Анастасию, дочь окольничего Романа Юрьевича Захарьина. Отец царской невесты был ничем не примечательным человеком. Зато ее дядя подвизался при малолетнем Иване в качестве опекуна, так что великий князь знал семью невесты с детства. Родня царя Глинские не видели в Захарьиных опасных для себя соперников и не противились избранию Анастасии.

Первый брак Ивана длился 13 лет. В этом браке у царя было шестеро детей, но только двое остались живы. Два первых ребенка — царевны Анна и Мария — умерли, не достигнув года. Третьим ребенком был царевич Дмитрий. Когда ему минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути младенец погиб из-за нелепой случайности. Передвижения наследника сопряжены были со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время путешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв. Так погиб старший из сыновей Грозного, царевич Дмитрий I.

Второго сына, царевича Ивана, Анастасия родила 28 марта 1554 г. Еще через два года у нее родилась дочь Евдокия. Сын выжил, а дочь умерла на третьем году жизни. Третий сын родился в царской семье 31 мая 1557 г. Здоровье Анастасии было к тому времени расшатано, ее одолевали болезни. Последний ребенок, царевич Федор, оказался хилым и слабоумным.

Частые роды истощили организм царицы, она не дожила до 30 лет. Анастасию похоронили в Вознесенском монастыре, в Кремле. На ее похороны собралось множество народу, «бяше же о ней плач немал,— добавляет летописец,— бе бо милостива и беззлоблива ко всем». О характере Анастасии известно очень мало. Воспитанная в боярском тереме, она, по-видимому, ничем не напоминала Софью или правительницу Елену Глинскую. В дела мужа

она почти не вмешивалась. Неблагожелатели Захарьиной любили сравнивать ее с нечестивой императрицей Евдокией, гонительницей Златоуста. В этом сравнении заключался намек на неприязнь царицы к Сильвестру. Анастасия опасалась неограниченного влияния на Ивана его наставника, но ничего поделать не могла. Ее собственное влияние на мужа не было столь значительным.

Отношения супругов нельзя назвать безоблачными, особенно к концу жизни царицы. Много лет спустя, когда Курбский упрекнул Ивана в безнравственности, тот ответил откровенно и просто: «Будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы» [2]. Молва о предосудительном поведении царя проникла в летописи: «Умершей убо царице Анастасии,— записал летописец,— нача царь яр быти и прелюбодействен зело». И все-таки царь был привязан к первой жене и всю жизнь вспоминал о ней с любовью и сожалением. На похоронах ее Иван рыдал и «от великого стенания и от жалости сердца» едва держался на ногах. Неделю спустя после смерти Анастасии Макарий и епископы обратились к царю с неожиданным ходатайством. Они просили, чтобы царь отложил скорбь и «для крестиянские надежи женился ранее, а себе бы нужи не наводил». За заботами о нравственности Ивана скрывался политический расчет. При дворе было много людей, недовольных засилием Захарьиных. Все они надеялись на то, что родня новой царицы вытеснит из дворца Захарьиных, родню умершей Анастасии.

Второй брак Грозного был скоропалительным. Не добившись успеха в Польше и Швеции, царские дипломаты привезли царю невесту из Кабарды. Невеста — княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темир Гуки — была очень молода. Иван «смотрел» черкешенку на своем дворе и, как сказано в официальной летописи, «полюбил ее». Кученей перешла в православие и приняла имя Мария. Три дня в Кремле продолжался брачный пир. Все это время жителям столицы и иностранцам под страхом наказания было запрещено покидать свои дворы. Власти боялись, как бы чернь не омрачила свадебного веселья. Все помнили о том, что произошло в столице после первой царской свадьбы.

Сначала Мария, не зная ни слова по-русски, не понимала того, что говорил ей муж. Но потом она выучила

Смотрины царских невест. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

язык и даже подавала царю кое-какие советы (об учреждении стражи наподобие той, которая была у горских князей, и пр.). В браке с Марией Черкасской у царя родился сын Василий, но он умер младенцем. Темные слухи об отравлении Марии Грозным легендарны. Перед кончиной Мария ездила с мужем в Вологду и там заболела. Известия о «заговоре» в Новгороде принудили Ивана поспешить в Москву. Больную жену он доверил везти за собой боярину Басманову. Путь был труден и долог. Больную Марию привезли «по наказу» в Александровскую слободу, там она вскоре и умерла.

После новгородского погрома царь объявил о том, что не намерен откладывать свадьбу, и велел вторично соби-

рать невест по всему царству. Со всех концов страны во дворец свезли 1500 дворянских девок-невест. 40-летний царь Иван оказался перед трудным выбором. Здоровье и красота служили единственными критериями, но и того и другого было в избытке у доброй половины невест. В конце концов царь доверился совету верного приспешника Малюты Скуратова, указавшего на Марфу Собакину. Несмотря на то, что царская невеста после обручения стала «сохнуть» и, казалось бы, должна была выбыть из «конкурса», царь «положился на бога» и сыграл свадьбу, когда невеста его была совсем плоха. Так и не став фактической женой Ивана (что засвидетельствовано приговором высшего духовенства), Марфа скоропостижно умерла. Официально было объявлено, что царицу «извели» ядом злые люди, но нетрудно догадаться, из какого источника шел этот слух. Свадьба была сыграна, и худородный Малюта отныне вошел в круг царской родни. О причинах кончины Марфы ходили разные слухи. Говорили, что мать Собакиной передала ей через одного придворного какие-то травы для «чадородия». Вскрытие гробницы Марфы обнаружило удивительный биологический феномен: царская невеста лежала в гробу бледная, но как бы живая, не тронутая тлением, несмотря на то, что пробыла под землей 360 лет.

Первый смотр невест прошел несколько туров. В последних турах были отобраны сначала 24, а потом 12 невест. Победила в конкурсе протеже Малюты Скуратова, но она умерла, освободив место для Анны Колтовской. Свадьбу с ней царь сыграл через несколько месяцев после кончины Марфы. Своим худородством Колтовская превосходила Собакиных. Родне царицы Анны Грозный даже не смог пожаловать думных чинов. Колтовские не прижились во дворе, а красоты и свежести Анны оказалось недостаточно для того, чтобы усидеть на троне в то бурное время. Брак с Колтовской продолжался менее года. Царь сослал Анну в монастырь и отобрал земли у ее родственников.

Когда место Скуратова занял новый временщик Василий Умной-Колычев, царь вступил в брак с Анной Васильчиковой. Свадьбу праздновали в узком кругу, но среди гостей было почти два десятка представителей семьи Колычевых. Чем объяснить такой факт? Только ли прихотью царя или тем, что временщик сосватал царю свою

Выезд семьи Грозного. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Государственный исторический музей

родственницу? После свадьбы судьба Колычевых и Васильчиковых причудливо переплелась. Прошло несколько месяцев, и над головой Умного сгустились грозовые тучи. Предчувствуя беду, фаворит послал в Троицу деньги на помин души. Его примеру немедленно последовали братья царицы Анны. Они пожертвовали в тот же монастырь ровно столько денег, сколько пожертвовал Умной. Едва ли можно считать это случайным совпадением. По преданию, царь отослал Васильчикову в монастырь на третий день после казни Умного.

Браки царя не были браками по чувству, даже когда при их заключении внешнеполитические расчеты не играли никакой роли. Семейная жизнь Грозного была от-

крыта для всех внутриполитических бурь. Оттого подданные не успевали разглядеть лица цариц, приходивших во дворец вслед за временщиками. Кажется, только в одном случае брак царя связан был с увлечением. В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» можно прочесть, что царь «обрачился со вдовою Василисою Мелентьевою, юже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковых не бысть в девах, киих возяще на зрение царю» [3].

Историки, исследовавшие «Хронограф», не однажды высказывали предположение, что запись по поводу царицы Василисы была сочинена владельцем рукописи Сулакадзевым, известным подделывателем древнерусских памятников. Но сколь бы убедительным ни казалось такое предположение, оно все же не согласуется с фактами. Василиса была реальным историческим лицом. Помимо «Хронографа», ее имя упоминает «летописец», принадлежавший Н. М. Карамзину. О царе Иване Васильевиче, значится в летописи, сказывают, что «имал молитву со вдовою Василисою Мелентьевою, сиречь с женищем». Окончательно рассеять сомнения относительно Василисы помогает следующая заметка из писцовой книги по Вязьме XVI в.: «Государь и царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии летом 7087 году... поместьем пожаловал Федора да Марью Мелентьевых детей Иванова в вотчину» [4].

В писцовой книге зафиксирован случай, совершенно необычный в истории XVI столетия. Дети неизвестного Мелентия Иванова, не принадлежавшего к московской знати, получили вотчину — 1,5 тыс. десятин пашни, обширные леса и луга. Не многие из знатнейших бояр награждались столь щедро даже за самые важные заслуги перед государством. Что касается сирот безвестного Мелентия, то они не имели никаких заслуг, кроме одной. Незадолго до пожалования им земли их мать — вдова Василиса Мелентьева — стала шестой женой царя Ивана.

Брак со вдовою дьяка, женщиной, вероятно, недворянского происхождения, не связан был ни с какими политическими соображениями.

Вдова Василиса была много старше других цариц и сравнительно рано умерла. Но кратковременный шестой брак Грозного совпал в его жизни с полосой его наибольших успехов.

За три года до смерти Грозного «дворовый» любимец царя А. Ф. Нагой сосватал ему свою племянницу. Седьмой брак был заключен в нарушение церковных правил, и многие современники считали его незаконным. Кажется, и сам царь не относился к нему серьезно и готов был пожертвовать последней женой ради руки английской принцессы.

В середине Ливонской войны Москва предприняла попытку заключить военный союз с Англией и использовать ее морской флот на Балтике. Но эти попытки не удались. Королевский совет отказался ратифицировать подготовленный в Вологде союзный договор. По этому поводу царь сделал королеве Елизавете суровый выговор: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владееш», «ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые», «а ты пребываеш в своем девическом чину как есть пошлая девица» [5]. Презрение к «старой деве» не помешало царю строить планы насчет сватовства к ней. Это сватовство не имело успеха.

В конце войны русский двор затеял новые переговоры в Лондоне, целью которых было заключение брака между царем и родственницей королевы Марией Гастингс. Царский посол в Англии Ф. Писемский официально заявил, что царь намерен развестись с Марией Нагой, ибо он, «государь, взял на себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королевина племянница дородна и того великого дела достойна и государь наш... свою оставя, зговорит за королевину племянницу». Брак с английской принцессой, по замыслам царя, должен был поднять престиж царской династии, поколебленный военным разгромом. Помимо династической, подобный акт преследовал и другую цель: вывести Россию из состояния полной международной изоляции и послужить прологом для заключения военного союза между Россией и Англией. Грозный хлопотал о восьмом браке с исключительной энергией. Сватовство приобрело совершенно особенное значение вследствие одновременного обращения царя с просьбой о предоставлении ему убежища в Англии.

Царь наказал своему послу Ф. Писемскому навести подробные справки насчет приданого английской невесты, а для этого непременно разузнать, «чья (она) дочь и какова князя удельного... и брат родной или сестра родная есть ли?» [6] Царь желал иметь представление, чем

владеет семья Гастингс и будет ли его жена наследницей удельного княжества. Очевидно, он надеялся в случае вынужденного отъезда в Англию получить вместе с рукой Марии Гастингс ее удельное княжество, которое стало бы последним прибежищем для него и его слабоумного сына. В конце концов брачный проект царя так и не осуществился. Королева отказала Грозному под предлогом слабосилия и полного расстройства здоровья 30-летней невесты. Английский посол заявил, что «королевина племянница княжна Мария (по родству от королевы) всех племянниц дале, а се больна и роже ей не самое красна» [7]. Лицо «невесты» было испорчено оспой. Неудача ничуть не смутила Ивана. Он выразил твердое намерение послать в Лондон новое посольство и сосватать себе другую родственницу королевы. По утверждению посла Боуса, царь будто бы сообщил ему о своих наиболее сокровенных планах: если королева не пришлет со следующим посольством невесту, «какой ему хотелось, то (царь) собирался, забрав всю свою казну, ехать в Англию и там жениться на одной из родственниц королевы». Боус, как можно подозревать, допустил большие преувеличения. Но увлечение «английским делом» со стороны Грозного не подлежит сомнению. В случае успеха сватовства при английском дворе царицу Марию ждал монашеский клобук.

Незавидной была бы и судьба младенца царевича Дмитрия.

ЛИВОНСКИЕ ПОБЕДЫ

Гибель турецкой армии под Астраханью и разгром Крымской орды под Москвой заметно изменили военную ситуацию в Восточной Европе. В 1575 г. южнорусские границы впервые за много лет не подвергались татарским набегам. Через два года умер хан Девлет-Гирей, и в Крыму началась длительная междоусобная война.

Мир воцарился разом на южных и западных рубежах России. Наступившее в Речи Посполитой бескоролевье ослабило силы государства и отвлекло его от ливонских дел. Московская дипломатия попытались повлиять на исход избирательной борьбы в Польше. Часть православной шляхты выступила за избрание на польский трон царя Ивана. Но сам царь, видимо, не помышлял о польской

короне всерьез. «Королевство мне не новина,— говорил он польским послам,— сын мой молод и государство ему справить не мочно». Поглощенный борьбой с внутренними трудностями, Грозный опасался, что умножит их польскими делами. При Сигизмунде II королевская власть находилась в самом жалком положении, финансы пришли в расстройство, буйное шляхетство диктовало королю условия. Царь Иван был прекрасно осведомлен об этом. «...Наших великих государей волное царское самодержство, не как ваше убогое королевство,— писали королю бояре под диктовку Грозного,— ...что (ты) еси посаженой государь, а не вотчинной, так тебя захотели паны, так тебе в жалованье государство и дали...» [1] Царь Иван был исполнен пренебрежения к «выборной» королевской власти. Он не мог предвидеть ударов, которые вскоре обрушились на него с Запада.

Пока Речь Посполитая поглощена была внутренними заботами, Россия прилагала усилия к тому, чтобы отвоевать у шведов их замки в Ливонии. В ходе двух военных кампаний в 1575—1576 гг. русские заняли приморские крепости Пернов и Апсаль и овладели почти всем морским побережьем между Ревелем и Ригой. Однако попытка нанести удар по главному опорному пункту шведского владычества в Ливонии — Ревелю, предпринятая в начале 1577 г., не увенчалась успехом. После шестинедельной осады русская армия отступила от стен ревельской крепости.

Между тем период бескоролевья в Речи Посполитой подходил к концу. Московская дипломатия оказала поддержку австрийскому претенденту на польский трон. Союзники втайне обсуждали планы ликвидации польско-литовской унии. Согласно этим планам, Польша после избрания австрийского претендента должна была отойти к Австрии, а Литва и Ливония — к России. При поддержке московской партии австрийский эрцгерцог был провозглашен королем Речи Посполитой, но ему не удалось утвердиться в Польше. Противники Австрии избрали на трон трансильванского князя Стефана Батория. В развернувшейся борьбе двух королей победу одержал энергичный и дальновидный Баторий.

Длительная феодальная анархия ослабила военную мощь Речи Посполитой. Москва попыталась использовать это. Не закончив войну со Швецией, русские предприня-

ли наступление в Польской Ливонии. Армию возглавил сам Грозный. Несмотря на все усилия, для похода удалось собрать лишь около 16 тыс. дворян и стрельцов. С такими силами русские не решались осаждать Ригу — ключевой пост обороны Южной Ливонии. В результате наступление с самого начала приобрело ограниченный характер. В течение семи недель царские войска заняли крепости Динабург, Кокенхаузен, Венден и множество мелких замков. Победное шествие московитов произвело огромное впечатление на ливонских дворян. Большинство замков сдалось царю без сопротивления. В плен попал А. Полубенский, командовавший литовскими войсками на Двине. Успехи приблизили Грозного к заветной цели. В его власти оказалась почти вся Ливония от Наровы до Северной Двины. Непокоренными оставались Рига и Ревель да образованное за Двиной Курляндское герцогство. Военный триумф побудил царя взяться за перо. Он известил всех своих недругов о том, что ныне вся Лифляндская земля «учинилась» в его воле. За короткое время царь составил послания к Баторию, литовским гетманам, изменнику Курбскому и другим лицам.

Насмешливое письмо Курбскому всего полнее выражало те чувства, которые переполняли Грозного во время последнего завоевательного похода. Хотя мои беззакония «паче числа песка морского», писал он, но надеюсь на милость бога, который может в пучине милости своей потопить их все; своей сединой мы прошли все дали тех дальноконных городов, где Курбский искал успокоения. «И тут на покой твой,— поучал царь Курбского,— бог нас принес, и все то мы тебе пишем не из гордости, а ради твоего исправления, чтобы ты о спасении души своей помыслил» [2].

Военные операции 1577 г. против шведов и литовцев имели различные цели. Предприняв наступление на Ревель, царская армия добивалась полного изгнания шведских войск из Ливонии. Планы в отношении литовской Ливонии носили менее решительный характер. Русское командование не пыталось завладеть ключевым пунктом обороны Южной Ливонии — крепостью Ригой — и довольствовалось тем, что потеснило литовские гарнизоны на северо-востоке от Двины. Иван IV знал, сколь шатким было положение Батория на польском троне, и надеялся продиктовать ему условия мира без серьезной войны. Ввиду

Взятие Полоцка войсками Батория. Хроника А. Гваньини

этого он приказал отпустить на родину пленных поляков. Перед отъездом на родину самые знатные из них были приглашены на царский пир и щедро одарены шубами и кубками. Через пленных Грозный передал Баторию, «чтоб король послов своих прислал и дался б король на государеву волю во всем, да про то им велел сказать королю, какова его государева рука высока» [3]. Царь явно не учитывал решительности и энергии своего противника.

Грозный оптимистически оценивал итоги военной кампании в Ливонии, но его успехи оказались кратковременными. Поскольку Рига находилась в руках врага, военное господство русских в Южной Ливонии было непрочным. Как только царь вернулся в Москву, самые крупные из завоеванных им крепостей — Динабург и Венден — пали.

Попытка царя покончить с затянувшейся войной, предприняв широкие наступательные операции против шведов и литовцев, привела к неблагоприятным последствиям. Впервые за все время Ливонской войны противники России фактически объединили свои военные усилия.

В 1578 г. царь дважды посылал полки к Вендену, чтобы вернуть этот замок. Воеводы просили его отменить приказ, ссылаясь на то, что идти к Вендену «не с кем, людей мало». Прибывшие в армию царские эмиссары получили приказ «отвести» полки к замку и «промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними». Плохо подготовленное наступление закончилось провалом. Объединенные польско-литовские и шведские отряды внезапно напали на русский лагерь под Венденом и нанесли воеводам поражение.

Многочисленные победы в Ливонии грозили обернуться поражением.

ПОЛИТИКА «ДВОРА»

После низложения Симеона «двор» не был упразднен, а лишь подвергся новой реорганизации. В ведении «дворового» правительства остались почти все главнейшие территории «удела», включая Псков и Ростов, а также Поморье с Двинской землей. К этим землям была присоединена бывшая опричная периферия — Козельск, Вологда и Каргополь. Присоединение северного комплекса земель преследовало вполне определенную цель: увеличение доходов «дворового » ведомства. Во «дворе» функционировали такие приказы, как Двинская четверть, дворовый Большой приход, дворовый Разряд и т. д. Они располагались в Москве на «дворовой» стороне, отдельно от земских приказов. В военных ведомостях 1577—1579 гг. четко разграничивались «дворовые» и «земские» чины. В глазах современников «двор» выглядел зловещим призраком опричнины, но эти учреждения все же существенно различались между собой. Основное различие состояло, возможно, в том, что «двор» не был связан с определенной территорией столь жестко, как опричнина или «удел». Иначе говоря, «двор» рассматривался скорее как особое войско царя, чем особые территориальные владения, в которых царь был удельным государем. Во главе

«двора» стояли те же ближние думные чины, которые возглавляли «удел» Иванца Московского. То были думные дворяне А. Ф. Нагой, Б. Я. Бельский, а также Годуновы.

В условиях военного поражения «дворовое» правительство ввело в жизнь чрезвычайные меры с целью покрытия военных расходов и поддержания дворянского ополчения. Собор, созванный в Москве в январе 1580 г., утвердил приговор о церковных землях. Приговор воспрещал духовенству приобретать новые земли и одновременно предусматривал возможность полного отчуждения у монастырей всех княжеских вотчин, когда бы то ни было перешедших в их владение: «а которые покупали княженецкие вотчины, и те вотчины взяти на государя, а в деньгах ведает бог да государь» [1].

Наследие удельного времени — обломки вотчинного землевладения суздальской и прочей знати — давно было предметом вожделения казны. В годы опричнины княжеское землевладение пережило подлинную катастрофу, которая привела к неслыханному обогащению монастырей, прибравших к рукам земли опальных. «Дворовое» правительство не хотело допустить возврата земель к старым землевладельцам и с этой целью воспретило вотчинникам выкупать у церкви родовые земли. Подобная уступка духовенству носила преимущественно декларативный характер, поскольку она не распространялась на самую ценную категорию земель — княжеские вотчины, на которые претендовала казна. Антимонастырские меры, провозглашенные «дворовым» правительством, в конечном счете должны были способствовать расширению поместного фонда земель и тем самым поддержанию скудеющего дворянства.

В обстановке военного поражения власти осуществили чрезвычайные финансовые меры с целью изыскания средств на войну. Они обложили дополнительными поборами всю «землю», в особенности же черносошные (государственные) земли Севера и Поморья. Крупные суммы были взысканы с городов и купечества. Одна только английская купеческая компания должна была заплатить в несколько приемов 2 тыс. рублей. «Дворовое» правительство не побоялось нарушить податные привилегии крупных землевладельцев-«тарханщиков». (Татарским словом «тархан» называли земли, освобожденные от уплаты податей или получившие податные льготы). Монастыри и церковники обязаны были внести в казну свои взносы.

Описанные финансовые меры затронули все слои населения. Усиление налогового бремени оказало пагубное влияние на экономику страны, переживавшую кризис.

Истоки кризиса второй половины XVI в. обычно связывают с ростом феодального гнета, опричниной и войной, а его основные признаки усматривают в длительном и катастрофическом сокращении посевных площадей, обнищании крестьян, убыли сельского и городского населения. Предполагается, что признаки упадка накапливались постепенно на протяжении двух десятилетий, пока в начале 80-х годов, наконец, не наступила разруха. При таком взгляде на ход кризиса не учитывается один важный факт, ускользавший до сих пор из поля зрения исследователей.

Известно, что в начале XVII в. экономика страны была подорвана трехлетним голодом 1601—1603 гг. Сходное происхождение имело и «великое разорение» 70—80-х годов, у которого также существовал свой порог — трехлетний голод и чума 1569—1571 гг. Последствия опричного погрома не шли ни в какое сравнение с грандиозными стихийными бедствиями, но так вышло, что казни и голод достигли апогея одновременно. При обычных условиях населению потребовалось бы для восстановления производства одно-два десятилетия. Но шла война, государство облагало податные сословия усиленными поборами, и в итоге налоговый гнет стал главным фактором дальнейшего упадка экономики, охватившего и сельское и городское население.

От разорения более всего пострадали города Центра и Северо-Запада. Население Москвы сократилось втрое. Обезлюдели сельские местности. На протяжении сотен верст путешественники встречали лишь заброшенные деревни. Крестьяне массами уходили на окраины. Те, кто оставался в насиженных местах, сокращали запашку с тем, чтобы избежать разорительных государевых податей. На единицу тяглого обложения — обжу — в старину приходилось от одного до трех крестьянских дворов, в годы разорения — от четырех до восьми и более. Экстренные поборы последних военных лет казались для крестьянина с крохотным наделом вовсе непосильными.

Убыль населения и сокращение наделов привели к тому, что большая часть земель в государстве перестала обрабатываться. Ко времени смерти Грозного в Москов-

ском уезде не засевалось $^5/_6$ пашни. В опустошенной неприятелем Новгородской земле крестьяне обрабатывали едва ли $^1/_{13}$ пашни. По образному выражению историка, новгородские села и деревни походили на громадные кладбища, среди которых кое-где бродили еще живые люди. Великое разорение расстроило традиционные отношения между крестьянами и землевладельцами.

Порядок крестьянского выхода в Юрьев день сложился в условиях господства оброчной системы. С уплатой оброков и пожилого крестьянин освобождался из зависимости от землевладельца и мог свободно перейти на другие земли. Пока крестьянское население было прочно привязано к наследственным землям и в редких случаях пользовалось правом перехода, законность Юрьева дня не ставилась под сомнение господствующим сословием.

К концу XVI столетия положение переменилось. Дворяне повсеместно перестали соблюдать нормы Юрьева дня, и единственным регулятором крестьянских переходов стало насилие. Крепостники-дворяне прибегали к насилию и тогда, когда старались удержать население своих поместий, и тогда, когда везли крестьян с соседних земель. Нормы Юрьева дня утратили силу в то время, когда новое законодательство еще не было разработано! Так возникла ситуация, ярко изображенная Поместным приказом: «переходом крестьян причинилися великие кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных».

В условиях разрухи дворянское оскудение приобрело широкие масштабы. Владельцы мелких поместий лишились большинства крестьян. Писцовые книги запестрели пометами о разоренных помещиках, из которых одни сошли «в нищих» и скитались «меж дворы», другие померли, а «дети под окны волочатца». Утомленные войной дворяне растеряли прежнюю воинственность и не заявляли более, что готовы положить голову за одну десятину государевой земли. В Польшу приходили вести о том, что московские служилые люди обратились к царю с настойчивой просьбой закончить войну, поскольку им невозможно служить, имея запустевшие поместья. Многие дворяне самовольно покидали полки. Таких власти свирепо преследовали. «Нетчиков» били кнутом, заковывали в цепи, выдавали на крепкие «поручи», брали под стражу их детей и слуг. В конце войны такие меры применялись даже

к «большим» дворянам — офицерскому составу армии. Но проводить мобилизации становилось все труднее. Командование не раз отменяло наступления из-за того, что «дети боярские не собрались». Даже в тех случаях, когда мобилизация удавалась, дворяне бежали с театра военных действий и разъезжались по поместьям. Расстройство поместного хозяйства, насильственный своз крестьян вели к тому, что длительное отсутствие землевладельца приводило к полному разорению поместья.

«Дворовое» правительство не могло полагаться лишь на принуждение в отношении земских служилых людей и предпринимало попытки поддержать скудеющее дворянство. В этом плане и следует рассматривать такие мероприятия, как обложение чрезвычайными поборами «тарханов» и ограничение монастырского землевладения. По словам современников, антимонастырский указ отчасти успокоил недовольную земщину. Как бы то ни было, политика «двора» в целом никогда не была последовательной продворянской политикой. Первые шаги на пути к закрепощению крестьян были сделаны вне рамок «дворовой» и опричной политики. Подобно опричнине, «двор» сохранил функции полицейского сыска и надзора. Но «дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер. После упразднения «удела» казни прекратились, а опалы на земских бояр приобрели сравнительно умеренный характер.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Многие годы в военных действиях против России участвовала преимущественно литовская армия. На последнем этапе войны в борьбу вступили вооруженные силы Польши. Не следует забывать, что Речь Посполитая, в состав которой входили Польша и Литва, Украина, Белоруссия и Курляндия, принадлежала к числу крупнейших государств Восточной Европы. С приходом к власти Стефана Батория она смогла мобилизовать значительные силы и бросить их в наступление на восток. Новый король преодолел международную изоляцию, в которой поначалу оказался. Проведенные им военные преобразования возродили военное могущество Польши. К войне с Россией Баторий готовился самым тщательным образом. В Венг-

рии и Германии вербовались отряды наемников, заготовлялось военное снаряжение.

В Москве знали о военных приготовлениях Речи Посполитой, но, по-видимому, не вполне оценивали опасность ситуации. Вернувшиеся из Польши послы уверяли царя, будто с Баторием идут немногие «охочие люди» из литовской шляхты, а поляки будто бы отказались участвовать в походе. Гонец Тимофеев несколько позже сообщил, что король намерен нанести удар по Полоцку. Но его словам царь не придал серьезного значения. Гарнизон Полоцка не был своевременно усилен.

Стремясь упредить нашествие, русское командование приняло решение о наступлении в «немецкую Ливонию». Намеченный план был частично осуществлен. Прибыв с войсками в Псков, Грозный отрядил воеводу Хилкова с отрядом дворян и татарской конницей в Курляндию. Воевода «погромил» курляндских немцев, но его успех имел ограниченное значение. К моменту неприятельского вторжения силы армии оказались разъединенными.

После тщательной подготовки Баторий начал свою первую восточную кампанию, нацелив удар на Полоцк. В итоге четырехнедельной осады и многократных приступов полякам удалось поджечь деревянные стены крепости. 31 августа 1579 г. Полоцк пал. Через полторы недели поляки разгромили подошедшие авангарды русской армии.

В то время как поляки штурмовали Полоцк, царь с главными силами стоял в Пскове. Известный исследователь Ливонской войны В. В. Новодворский утверждал, что в поражении более всех других повинен был сам Иван IV, который потерял голову и, располагая 300-тысячной армией, обнаружил полную неспособность оказать сопротивление врагу. В. В. Новодворский допустил ошибку прежде всего в расчетах. Ему остались неизвестны русские источники — росписи Разрядного приказа. На основании архивных росписей можно установить, что Грозному удалось после многих усилий собрать в Пскове 10 532 дворянина и 3119 стрельцов и казаков. Общая численность армии, включая городских ополченцев и татар, составляла 23 641 человек, а вместе с боевыми холопами — до 30—35 тыс. человек. Россия использовала на западном театре только часть своих сил. Она не могла оставить без прикрытия южные границы, которым постоян-

но угрожали татары. Кроме того, она вынуждена была держать большие гарнизоны на завоеванных территориях — в Ливонии, Нижнем Поволжье, на Кавказе. 20-летняя война и катастрофическое разорение страны ослабили боеспособность дворянского ополчения.

Противостоявшая русским армия Батория насчитывала 41 814 человек. Эта армия была грозным противником сама по себе. Но России пришлось вести борьбу одновременно и со Швецией. Шведский король располагал 17-тысячной сухопутной армией. В наступлении против русских крепостей в Ливонии участвовали от 8 до 10 тыс. шведских солдат, а также первоклассный морской флот.

Наступление поляков побудило царя направить воеводу Хворостинина с передовым полком в Невель, откуда кратчайшие дороги вели в Полоцк. Следом выступил воевода И. П. Шуйский с полком правой руки. Командование рассчитывало на то, что королевская армия истощит свои силы длительной осадой, и тогда ей можно будет нанести удар. Однако расчеты русских не оправдались. Царь с главными силами принужден был оставаться в Пскове, поскольку в его тылу началась концентрация шведских войск. В июле шведский флот обстрелял и сжег предместья Нарвы и Ивангорода. Вслед затем многочисленный шведский корпус высадился в Ревеле и в сентябре приступил к осаде Нарвы. Русские оказались меж двух огней. Неприятельские армии обладали численным превосходством и наступали с разных сторон.

Иван IV с тревогой следил за развитием событий в районе Нарвы. Первая российская гавань на Балтике представляла в его глазах несравненно большую ценность, чем Полоцк. По возвращении из курляндского похода воевода Хилков спешно двинулся к Нарве. Полоцк пал, и это осложнило военное положение России. Задуманный поход на шведов не состоялся. Во время двухнедельной осады Нарвы шведская армия понесла большие потери и отступила.

С началом весны 1580 г. татары возобновили нападения на южные границы России. Страна вынуждена была вести войну без союзников. Между тем число ее врагов росло. Попытки достичь соглашения с Речью Посполитой не увенчались успехом. Мирные обращения царя к Баторию остались без ответа. Король не желал слышать о мире. Для ведения новой кампании он собрал самые крупные

силы за время восточной войны. Русские не имели точных данных о планах противника и ожидали наступления на одном из трех главных направлений — в Ливонии, под Псковом, под Смоленском. Однако Баторий отказался от мысли о достижении целей, суливших наибольшие стратегические выгоды, и нанес удар по второстепенной крепости — Великим Лукам.

В России летняя мобилизация 1580 г. прошла с большим трудом. Невзирая на грозные приказы, дворяне не являлись в полки. Власти затрачивали много сил на розыски «нетчиков» и доставку их к месту службы. Разрядный приказ разработал три варианта оборонительных действий на западе. Сохранилась подробная роспись мобилизации и сосредоточения армии на случай осады Пскова. В соответствии с ней в Пскове было собрано примерно 2500 дворян, 2500—2700 стрельцов и 500 конных казаков. Вне стен крепости действовала полевая армия в составе 1394 дворян и примерно 3 тыс. татар. Таким образом, русские смогли выделить для непосредственных действий против армии вторжения примерно 7 тыс. человек, а вместе с татарами и боевыми холопами 12—15 тыс. Прочие силы были сосредоточены на охране южных границ от татар и обороне многочисленных крепостей.

Русское командование не разработало никаких планов на случай нападения Батория на Великие Луки. В течение полутора десятилетий Луки считались тыловой крепостью. Деревянные стены города обветшали. Гарнизон был невелик и своевременно не получил подкреплений.

27 августа 1580 г. королевская армия осадила Великие Луки. Располагая громадным превосходством в силах, поляки рассчитывали быстро овладеть крепостью, но натолкнулись на упорное сопротивление. В первые же дни осады защитники крепости произвели смелую вылазку, опрокинули часть отряда Замойского и захватили королевское знамя. Попытка общего штурма не удалась. Атаковавшие понесли потери. Лишь после того как неприятелю удалось поджечь деревянные стены и весь город был охвачен пожаром, царские воеводы 5 сентября сдали крепость. Королевские наемники учинили резню среди пленных. Через две недели после падения Великих Лук поляки разбили воеводу Хилкова под Торопцем.

Пока король осаждал Луки, литовская армия напала на Смоленск, но была разгромлена тамошними воеводами.

Частный успех под Смоленском, однако, не мог изменить общего хода военных действий.

Речь Посполитая затратила массу сил и средств на вторую русскую кампанию. Под королевскими знаменами сражались 48 399 человек. Результаты, правда, оказались скромными. Решающее значение имело то обстоятельство, что усилия Батория не были поддержаны активными действиями Швеции.

После нарвского поражения государственный совет рекомендовал королю Юхану III заключить мир с Москвой. Однако успехи Батория ободрили военную партию. После тщательной подготовки шведы вторглись в Карелию и в ноябре 1580 г. захватили крепость Корелу.

Под влиянием военных неудач русская дипломатия совершила беспрецедентный в ее истории шаг, обратившись к католическому миру с просьбой о мирном посредничестве. Предложения Москвы, касавшиеся участия в антитурецкой лиге, вызвали интерес в Вене и Ватикане. Римский папа направил в Краков и Москву с посреднической миссией легата А. Поссевино, деятельность которого со временем облегчила достижение мира.

Трезво оценивая военное положение страны, царь Иван готов был пойти на самые большие уступки ради окончания войны. Его личные послы уведомили Батория, что Россия согласна передать Польше всю Ливонию с городами Юрьевом, Феллином, Перновом и другими замками, за исключением одной только Нарвы и прилежащей местности. Грозный готов был пожертвовать интересами русских помещиков в Ливонии и отказаться от всех завоеванных земель, чтобы сохранить «нарвское мореплавание». Инициатива царя увеличила шансы на мирное урегулирование. Но Баторий счел уступки недостаточными. Он потребовал сдачи Нарвы и выплаты громадной контрибуции в 400 тыс. злотых.

В русско-польских переговорах вопрос о судьбах Нарвы стал камнем преткновения. Противники России задались целью уничтожить «нарвское мореплавание». На сейме в Варшаве канцлер Замойский заявил, что король не оставит русским важных ливонских гаваней. Он призвал нанести врагу такой удар, чтобы отодвинуть его подальше от моря, из-за которого он может получать военное снаряжение и ремесленников. Грозный обратился к Баторию с личным посланием, в котором обосновывал ис-

торические права России на обладание Ливонией и язвительно высмеивал требования о выплате контрибуции. Иван IV старательно подчеркивал различие между своим положением прирожденного государя и положением выборного короля Батория. «Мы, смиренный Иван Васильевич,— писал он,— великих государств царь по божью изволению, а не по многомятежному человеческому хотенью». За напускным смирением царя скрывалась безмерная гордыня. В конце письма Иван, дав волю гневу, грозил недругу войной на все обозримое будущее: «А будет же не похочешь доброго дела делати, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятьдесят послом и гонцом промеж нас не хаживати» [1].

Повелитель России, казалось, обрел прежнюю энергию и уверенность. По его приказу воевода Хворостинин переправился за Днепр и совершил нападение на Оршу и Могилев. Русское наступление достигло цели. Баторий задержал приказ о выступлении главной армии, пока не получил известие об отходе русских из Литвы.

Целью третьей восточной кампании Батория был Псков. Король знал, что овладение этой крепостью одним ударом решит судьбу Ливонии. Русское командование, обнаружив намерения противника, успело перебросить в Псков подкрепления из близлежащих ливонских замков. Подобная мера ослабила линию обороны в Ливонии, но она оправдывалась военной необходимостью. Под стенами Пскова развернулось сражение, от исхода которого зависела судьба страны.

Псков был одной из лучших русских крепостей. Его окружал тройной каменный пояс. Мощные крепостные стены имели общую протяженность в 9 км. Высота стен достигала 8—9 м, толщина — около 5 м. Враги застали город хорошо подготовленным к обороне. Командование заблаговременно сосредоточило здесь многочисленную артиллерию, создало запасы военного снаряжения и продовольствия. Царь поручил руководить псковской обороной «дворовому» боярину князю И. П. Шуйскому, одному из лучших своих воевод.

Точных данных относительно численности псковского гарнизона не имеется. Поляки считали, что в его составе было от 7500 до 9 тыс. стрельцов и дворян, а вместе с вооруженными горожанами 12 тыс. Пленные из состава псковского гарнизона показали, что в Пскове находились

1000 конных детей боярских, 2500 псковских и нарвских стрельцов и 500 донских казаков во главе с Мишкой Черкашениным. Данные о количестве стрельцов и казаков можно признать вполне достоверными: именно такие силы Разрядный приказ сосредоточил в Пскове в мае 1580 г. на случай возможной осады крепости. В распоряжение местных воевод было выделено также 2500—2700 дворян. Таким образом, боевой состав псковского гарнизона в 1580 г. превышал 5500 человек, а с учетом боевых холопов — 7 тыс. Примерно такие же силы защищали Псков в следующем году. В городе проживало приблизительно 20 тыс. жителей. В обороне участвовало почти все взрослое население.

В третьей кампании армия Батория насчитывала до 47 тыс. человек. Ее ядро составляли наемные отряды, включавшие около 15 тыс. всадников и 12 тыс. пехоты. Наступление велось через Полоцк и Опочку. В августе 1581 г. польские авангарды достигли окрестностей Пскова. Одновременно литовские отряды предприняли поход к Ржеве.

В дни литовского нападения Грозный с семьей находился в Старице. Неприятельские разъезды сожгли несколько деревень в непосредственной близости от его резиденции. Из окон дворца можно было видеть зарево пожаров. Литовское командование обсуждало планы пленения царя. Перед лицом опасности Иван IV не выказал малодушия. Он отослал жену с младшим сыном прочь, а сам стал готовить крепость к обороне. С царем в Старице находилось не более 700 дворян и стрельцов. Между тем литовцы не приняли боя с сосредоточенными под Ржевой русскими полками и ушли к Пскову на соединение с главными силами.

В начале сентября армия Батория приступила к правильной осаде Пскова. Проложив траншеи, осаждавшие вплотную подошли к крепостному рву у южной оконечности города и установили батареи против Свинузской башни. 7 сентября крепость подверглась мощной бомбардировке. Обстрел продолжался с утра и до поздней ночи. В южной стене были сделаны большие проломы. На другой день королевская пехота предприняла общий штурм. Через проломы штурмовые колонны устремились на стены и захватили две башни, но все их усилия прорваться внутрь города разбились о несокрушимое мужество

оборонявшихся. Упорное и кровопролитное сражение длилось более шести часов. Русские взорвали Свинузскую башню вместе с засевшим в ней неприятелем и принудили врагов к отступлению.

Генеральный штурм города потерпел неудачу, вследствие чего королевская армия перешла к длительной осаде. Минеры пытались проложить минные галереи, чтобы подвести заряды под крепостную стену. Но псковичи переняли вражеские подкопы и разрушили их. Вражеские батареи в конце октября бомбардировали город калеными ядрами, рассчитывая вызвать пожар. Вслед затем 2 ноября королевская пехота предприняла последнюю безуспешную попытку штурма. Защитники Пскова отбили приступ.

В октябре наступили ранние заморозки. Положение осадного корпуса заметно ухудшилось. Войска не были подготовлены к зимней кампании. В ноябре армия покинула траншеи и отступила в лагерь. Туда же доставлена была с передовых батарей вся осадная артиллерия. Осада не удалась, и неприятель принужден был отныне ограничиться блокадой. Большие потери, холод и недостаток провианта оказали деморализующее действие на солдат. Многие из них разошлись по деревням в поисках продовольствия. Королевская рать быстро таяла. В таких условиях Баторий покинул армию и уехал в Польшу. Отъезд короля вызвал волнение в армии, справиться с которым помогло известие о близком мире с русскими.

Между тем защитники блокированного города терпели большие лишения. Запасы продовольствия истощились. Среди горожан начался голод. Но бедствия не сломили их мужества. Гарнизон Пскова постоянными вылазками тревожил неприятеля. Зная о критическом положении армии Батория, Шуйский предпринял попытку разгромить противника. 4 января 1582 г. он вывел из города войска гарнизона и попытался овладеть королевским лагерем. Но выполнить этот план не удалось, и после неудачного боя русские отступили в крепость.

Под Псковом Баторий потерпел самую крупную неудачу в войне с Россией. Псков стал бастионом, о который разбилась волна неприятельского нашествия. Участник псковского похода С. Пиотровский выражал удивление по поводу стойкости защитников Пскова. «Не так крепки стены,— писал он,— как (их) твердость и способность

обороняться»[2]. К его мнению присоединился А. Поссевино, несколько раз побывавший в окрестностях осажденного Пскова. «Русские решительно защищают свои города,— писал А. Поссевино,— женщины сражаются вместе с солдатами, никто не щадит ни сил, ни жизни, осажденные терпеливо переносят голод»[3]. Официальный историограф Батория Р. Гейденштейн, отдавая дань стойкости русских, защищавших свою землю, писал, что они выказывали «во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей»[4]. Сопротивление усиливалось по мере того, как ширилось вражеское вторжение. В итоге первой кампании на Востоке 40-тысячная королевская армия добилась внушительной победы, завоевав Полоцк. В ходе второй кампании почти 50-тысячная рать затратила все усилия на покорение небольшой крепости Великие Луки. В последней кампании 47-тысячное войско не смогло овладеть Псковом. Речь Посполитая истощила свои силы и после трехлетней войны была заинтересована в мире не меньше, чем Россия.

Грозный знал о критическом положении армии Батория, но отдал приказ избегать полевых сражений с противником и отказался от наступательных операций с целью снятия осады Пскова. Русское командование должно было сосредоточить свои резервы в Новгороде вследствие нового шведского наступления. Россия опять вела борьбу на два фронта.

В Ливонии и расположенных близ Нарвы крепостях почти вовсе не осталось русских войск, вследствие чего эти крепости стали легкой добычей шведов. Шведский главнокомандующий П. Делагарди подступил к Нарве и после ожесточенной бомбардировки и штурма 9 сентября 1581 г. овладел городом. Ивангородские воеводы попытались оказать помощь гибнущей Нарве, но посланный ими малочисленный отряд был разгромлен шведами на Нарвском мосту. Старые русские крепости Ивангород, Ям и Копорье как тыловые не были подготовлены к обороне и не смогли оказать серьезного сопротивления врагам.

Утрата Нарвы имела далеко идущие военные и экономические последствия. Россия утратила с трудом налаженное «нарвское плавание», обеспечивавшее стране прямые торговые сношения с Западной Европой.

Потеря сильнейших форпостов на северо-западных рубежах создала непосредственную угрозу Новгороду и

Пскову. Шведы располагали теперь удобными опорными пунктами для вторжения в глубь России. От Нарвы и Яма открывался прямой путь на Псков, осажденный поляками. Но успехи шведов в Ливонии обострили польско-шведские противоречия. Баторий стал добиваться от Швеции передачи ему Нарвы и других отвоеванных у русских крепостей. Совместные действия поляков и шведов против России сделались невозможными.

С утратой «морских ворот» на Балтике продолжение борьбы за Ливонию с Речью Посполитой в значительной мере потеряло смысл в глазах Грозного. Сознавая невозможность борьбы разом на два фронта, царь готов был отказаться от ливонских владений в пользу Речи Посполитой ради того, чтобы сосредоточить все силы на борьбе против Швеции и любой ценой вернуть Нарву. Постановление Боярской думы о перемирии с поляками содержало специальный пункт о войне со Швецией: «А помиряся бы с литовским с Стефаном королем,— гласил этот пункт,— стати на Свейского и Свейского бы не замиривати».

Для возобновления мирных переговоров с Баторием царь использовал посредничество папского легата Поссевино. Переговоры начались в разоренной дотла деревне неподалеку от Яма Запольского на дороге между Новгородом и Великими Луками. Наибольшие споры вызвал вопрос о будущем Нарвы. Польские послы требовали признания прав Речи Посполитой на всю Ливонию. Русские послы отвергли это требование. Пункт о Нарве так и не был включен в текст договора.

Послы долго препирались о титулах. Этот спор четко выразил основные цели русской дипломатии. Исполненный чувства превосходства над «выборным» королем, Грозный соглашался, чтобы в перемирной грамоте его именовали без царского титула. Подобную уступку царь мотивировал следующим высокомерным рассуждением: «которого извечнаго государя, как его не напиши, а ево государя во всех землях ведают, какой он государь». В то же время Иван ни за что не желал уступать Баторию титул «государя Вифлянского», так как готовился к немедленному возобновлению борьбы за Нарву.

Переговоры в Яме Запольском завершились 15 января 1582 г. подписанием договора о 10-летнем перемирии. Россия уступила Польше все свои владения в Ливонии

включая крепость Юрьев и порт Пернов. В свою очередь Баторий возвратил России завоеванные им крепости Великие Луки, Холм, Невель, Велиж и псковские пригороды, но удержал за собой Полоцк.

Не дожидаясь подписания перемирия, русское командование стало готовить наступление против шведов. В феврале 1582 г. воеводы М. П. Катырев и Д. И. Хворостинин направились к захваченным шведами русским крепостям. На пути к Яму, близ деревни Лялицы, передовой полк Хворостинина столкнулся с неприятельскими войсками. На помощь к нему поспешил большой полк, а «иные воеводы,— как сообщают «Разряды»,— к бою не поспели». Русские не ввели в дело всех своих сил, тем не менее они одержали полную победу над шведами. Планы общего наступления на Нарву, однако, остались неосуществленными. Весною русское командование отозвало полки из Новгорода и направило их на крымскую границу. Москва испытала сильный нажим со стороны Речи Посполитой, ультимативно потребовавшей не посылать войска на Нарву и угрожавшей нарушением перемирия.

Между тем правящие круги Швеции выдвинули планы военного разгрома и расчленения Русского государства. Подобно Баторию, Юхан III рассчитывал на внутренние трудности России. Делагарди получил инструкцию, используя недовольство новгородского населения, занять Новгород, а затем и Псков. В Финляндии была сосредоточена многочисленная армия, включавшая наемные отряды из Германии, Франции и Италии. Ближайшей целью вторжения были избраны русские крепости Орешек и Ладога. Шведы стремились завладеть невскими берегами, чтобы окончательно отрезать Россию от Балтийского моря.

8 сентября 1582 г. шведская армия осадила Орешек и после длительной бомбардировки 8 октября предприняла общий штурм. Древняя русская крепость, расположенная на острове посредине Невы, успешно отразила нападение врага. Спустя неделю по Неве на судах в город прибыли подкрепления. Второй штурм был отбит с большим уроном для неприятеля. В ноябре Делагарди отступил от стен Орешка.

Борьба с Россией один на один была непосильна для Швеции. Но Москва не смогла воспользоваться своим военным превосходством. Осуществлению ее планов мешали,

с одной стороны, соглашения относительно Нарвы, навязанные Баторием, а с другой — неблагоприятное развитие событий на южных и восточных границах.

Вторжения Большой ногайской орды послужили толчком для грандиозного восстания народов Поволжья против царского владычества, которое не затихало три года. С большим трудом край был «замирен» уже после смерти Грозного.

Возобновившаяся «Казанская война» вынудила русское правительство начать мирные переговоры со Швецией. Шведские дипломаты пытались добиться от русских уступки всего побережья Финского залива, но их усилия не увенчались успехом. Мирные переговоры на реке Плюссе завершились в августе 1583 г. подписанием краткого трехлетнего перемирия. Шведы удержали за собой все захваченные ими русские города — Корелу, Ивангород, Ям и Копорье с уездами. Россия сохранила небольшой участок побережья Финского залива с устьем Невы.

Так закончилась 25-летняя Ливонская война, в которую оказались втянутыми крупнейшие государства Прибалтики. Первая попытка России прочно утвердиться на берегах Балтийского моря завершилась неудачей. Поражение в Ливонской войне поставило государство в исключительно трудное положение.

ПОСЛЕДНИЙ КРИЗИС

В условиях военного поражения Грозный окончательно утратил доверие к своим боярам и воеводам. Разрядный приказ официально заявлял, будто причиной падения Полоцка была измена воевод. О том же царь писал в письмах к королю Стефану Баторию. Опасаясь боярской измены, Грозный стал приставлять к земским воеводам своих личных эмиссаров из числа доверенных «дворовых» людей. Но единственным результатом этой меры было пленение одних эмиссаров и гибель других.

Перед лицом тяжелых испытаний царь медлил, колебался и наконец возобновил тайные переговоры с английским двором о предоставлении ему убежища в Англии. Слухи об этих переговорах проникли в земщину и углубили раздор в верхах. Конфликт получил широкую огласку и стал предметом дипломатических объяснений за

рубежом. Царский посол официально заявил английской королеве, что в московских людях была «шатость», но замеченные в «шатости» люди, «вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости и государь им милость свою показал». В словах посла заключался прямой намек на события, происшедшие годом ранее, когда глава думы князь И. Ф. Мстиславский и двое его сыновей-бояр подверглись преследованию и публично покаялись, что перед царем «во многих винах проступили». Мстиславские просили милости у царя и заслужили прощение.

48 лет от роду Грозный тяжело занемог. В слободу были спешно вызваны старшие бояре и духовенство. Потеряв надежду на выздоровление, Иван IV объявил, что «по себе на царство московское обрал сына своего старшего князя Ивана». Болезнь царя породила много толков в боярской среде. Все взоры обратились в сторону наследника. Современные наблюдатели отмечали популярность царевича Ивана, с именем которого связывались надежды на перемены к лучшему. Когда Грозный выздоровел, его доверие к 27-летнему сыну заколебалось. К недоверию прибавился страх. По словам англичанина Горсея, «царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне» [1].

К концу жизни Грозный много болел, в нем появились признаки дряхлости, тогда как его сын достиг «мужественной крепости» и, как «инрог, злобно дышал огнем своей ярости на врагов» (дьяк Иван Тимофеев). В армии и в народе говорили о том, что царевич неоднократно и настойчиво требовал у отца войск, чтобы разгромить поляков под Псковом. Передавали, будто в запальчивости наследник заявил государю, что сам-то он предпочитает сокровищам доблесть: будь у него даже меньше, чем у отца, богатства, он мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы у него большую часть царства. В Пскове долго ходили легенды о том, что храброго царевича отец «остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова» [2].

За полгода до кончины царевича в Польшу бежал родственник известного временщика Богдана Бельского, который рассказывал полякам, что московский царь не любит старшего сына и передко бьет его палкой. Ссоры в царской семье случались беспрестанно по разным пово-

дам. Деспотичный отец постоянно вмешивался в семейные дела взрослого сына. Он заточил в монастырь первых двух жен наследника — Евдокию Сабурову и Петрову-Соловую, которых сам же ему выбрал. Третью жену, Елену Шереметеву, царевич, возможно, выбрал сам: царю род Шереметевых был противен. Один из дядей царевны Елены был казнен по царскому указу, другой, которого царь называл «бесовым сыном», угодил в монастырь. Отца Елены Грозный всенародно обвинил в изменнических сношениях с крымским ханом. Единственный уцелевший дядя царевны попал в плен к полякам и, как доносили русские гонцы, не только присягнул на верность королю, но и подал ему изменнический совет нанести удар по Великим Лукам. Боярская «измена» снова в который уже раз вползла в царский дом.

Последняя ссора царя с сыном разыгралась в Александровской слободе, где семья по обыкновению проводила осень. Однажды Грозный застал сноху — царевну Елену — в одной рубахе на лавке в жарко натопленной комнате. (По тогдашним понятиям женщина считалась вполне одетой только тогда, когда на ней было никак не меньше трех рубах.) Елена была беременна, но царь не ведал жалости. Он прибил сноху. От страха и побоев у царевны случился выкидыш. Иван Иванович пытался защитить жену, он схватил отца за руки, тогда тот прибил и его. Эту сцену описал иезуит Поссевино, прибывший в Москву вскоре после похорон царевича. Ему стоило большого труда узнать подробности разыгравшейся трагедии. Один итальянец-толмач, находившийся в слободе во время ссоры в царской семье, сообщил ему, что царевич был очень тяжело ранен посохом в голову у виска, от раны он и умер. Толмач слышал дворцовые пересуды, но насколько верными они были?

Англичанин Джером Горсей, имевший много друзей при дворе, описывает гибель наследника несколько иначе. По его словам, Грозный в ярости ударил сына жезлом в ухо, да так «нежно», что тот заболел горячкой и на третий день умер. Горсей знал определенно, что Иван Иванович умер от горячки, что он не был положен на месте смертельным ударом в висок. Горсею вторил осведомленный польский современник хронист Гейденштейн. Он слыхал, что наследник от удара посохом или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в ли-

хорадку, от которой и умер. Примерно так же описал смерть царевича русский летописец: «Яко от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть...»

Какая из двух версий смерти царевича Ивана верна? Ответить на этот вопрос помогает подлинное царское письмо к земским боярам, покинувшим слободу после совещания с царем 9 ноября 1581 г. «...Которого вы дня от нас поехали,— писал боярам Грозный,— и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен... а нам, докудово бог помилует Ивана сына, ехати отсюды невозможно...» [3]

Итак, роковая ссора произошла в день отъезда бояр. Минуло четыре дня, прежде чем царь написал письмо, исполненное тревоги по поводу того, что Иван-сын его совсем болен. Побои и страшное нервное потрясение свели царевича в могилу. Он впал в горячку и, проболев 11 дней, умер. Отец от горя едва не лишился рассудка. Он разом погубил сына и долгожданного наследника. Его жестокость обрекла династию на исчезновение.

СМЕРТЬ ГРОЗНОГО

По случаю гибели наследника в стране был объявлен траур. Царь ездил на покаяние в Троицу. Там он втайне от архимандрита призвал к себе келаря и, встав перед ним на колени, «шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданьем». Царь просил, чтобы его сыну была оказана особая привилегия — поминание «по неделям». По монастырям и церквам распределены были богатые вклады на помин души царевича Ивана.

Будучи в состоянии глубокого душевного кризиса, царь совершил один из самых необычных в его жизни поступков. Он решил посмертно «простить» всех опальных бояр-«изменников», казненных по его приказу. Трудно сказать, тревожило ли его предчувствие близкой смерти, заботился ли он о спасении души, обремененной тяжкими грехами, или руководствовался трезвым расчетом и пытался разом примириться с духовенством и боярами, чтобы облегчить положение нового наследника царевича Федора. Так или иначе, Грозный приказал дьякам составить подробные списки всех избитых опричниками лиц. Эти списки посланы были в крупнейшие монастыри страны вместе с большими денежными суммами. На голову

духовенства пролился серебряный дождь. По примерным подсчетам, за год-два монахи получили десятки тысяч рублей. Посмертная реабилитация опальных, имена которых находились многие годы под запретом, явилась актом не только морального, но и политического характера. Фактически царь признал совершенную бесполезность своей длительной борьбы с боярской крамолой. Реабилитация стала в глазах думы своего рода гарантией того, что опалы и гонения больше не возобновятся. Новый курс получил подтверждение в указе, грозившем жестокими карами за ложные доносы. Указ предписывал казнить тех, кто неосновательно обвинит бояр в мятеже против царя. Наказанию подвергались также боярские холопы за ложный донос на своих господ. Мелких ябедников били палками и определяли на службу в казаки в южные крепости.

С гибелью царевича Ивана наследником престола стал слабоумный Федор. Поскольку неспособность Федора к правлению была всем известна, повествует дьяк Иван Тимофеев, все, хромая на ту и другую ногу, заболели недоверием к нему. Бояре сомневались в том, что Федор сможет управлять страной в обстановке тяжелого поражения и разрухи. Царь проявил обычную для него изворотливость, чтобы спасти будущее династии. После торжественного погребения царевича Ивана он обратился к думе с речью и начал с того, что смерть старшего сына произошла из-за его грехов. И так как, продолжал он, есть основания сомневаться, перейдет ли власть к младшему его сыну, он просит бояр подумать, кто из наиболее знатных в царстве лиц подходил бы для царского трона.

За время длительного и бурного правления Грозный дважды объявлял об оставлении трона. Третье отречение, на этот раз от имени слабоумного сына, имело подлинной целью утвердить царевича в качестве наследника. Бояре прекрасно понимали, что ждало любого другого претендента и тех, кто осмелился бы высказаться в его пользу. Поэтому они усердно просили царя отказаться от мыслей удалиться в монастырь на покой, пока дела в стране не наладятся, а также верноподданнически заявили, что не желают себе в государи никого, кроме его сына.

Царь не очень полагался на бояр и готовился вывезти семью в Англию в случае новых поражений и мятежа. Боясь огласки, он скрыл свои планы от самых близких

людей и поручил переговоры в Лондоне безвестному английскому толмачу.

Предчувствуя близкий конец, Грозный продиктовал новое завещание доверенному дьяку С. Фролову, одному из немногих лиц, участвовавших в тайных переговорах с англичанами. По примеру отца царь Иван образовал при сыне регентский совет, но он не пожелал возрождать семибоярщину и сузил круг регентов. Слабоумный Федор был вверен попечению четырех лиц. Это были дядя царевича боярин Н. Р. Юрьев, глава думы князь И. Ф. Мстиславский, славный защитник Пскова боярин князь И. П. Шуйский, а рядом с ними оружничий Б. Я. Бельский. Царь собрал воедино и недавних опальных бояр, и худородного племянника Малюты — главу сыскного ведомства, самое имя которого наводило ужас на подданных.

Вопреки легендам, Грозный не захотел включить в число опекунов своего любимца Бориса Годунова. В браке с Ириной Годуновой царевич Федор не имел детей. Царь пытался спасти будущее династии и помышлял развести сына. Но после гибели царевича Ивана он остерегался применить к младшему сыну крутые меры. На случай развода Федора Грозный и не включил в число его опекунов Бориса Годунова, который мог помешать исполнению царских планов.

В речи к Боярской думе Грозный просил подумать, кто из самых знатных лиц достоин занять царский трон. Бояре не осмелились исполнить царское повеление, но Иван вскоре сам указал на того, кто внушал ему наибольшие подозрения. Он подверг кратковременной опале боярина Василия Шуйского, честолюбивого, умного и ловкого «принца крови» (как называли Шуйских иностранцы), который впоследствии добился царской короны.

Кончина старшего сына надломила Грозного душевно и физически. Он пережил царевича всего на два года. Состояние его здоровья резко ухудшилось в конце февраля 1584 г. Вскоре же Иван послал в Кириллов наказ монахам молиться об избавлении его «от настоящие смертные болезни». По словам очевидцев, тело больного страшно распухло. Ходили темные слухи, будто царя отравили ближние люди — Бельский и Годунов. Но эти слухи были неосновательны. Временщики, возвышенные милостью Грозного, со страхом ждали его гибели, с которой все

неизбежно должно было перемениться. Передают, будто Богдан Бельский послал гонца в глухие поморские деревни за вещими колдуньями, умевшими предсказывать будущее, и старухи сообщили ему точно день и час смерти Грозного. Множество подобных легенд сочинено было после кончины царя.

В день смерти, 19 марта 1584 г., царь приказал принести и прочесть завещание, днем долго мылся в бане, после чего велел приготовить доску с шахматами. За шахматами он скоропостижно умер. Смерть царя вызвала страшную суматоху. Опасаясь волнений, бояре-опекуны попытались скрыть правду от народа и приказали объявить, будто еще есть надежда на выздоровление государя. Тем временем все ворота Кремля были заперты и гарнизон был поднят на ноги.

50-летнее царствование Грозного кончилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

конце Ливонской войны за рубежом распространились слухи о том, что в Москве со дня на день может вспыхнуть мятеж, что царь взят под стражу боярами, а дворянство волнуется. Эти слухи были преждевременными и недостоверными. В России «бунташное» время началось уже после смерти Грозного. Писатели, пережившие Смуту, любили вспоминать тишину и благоденствие, снизошедшие на страну в правление Федора. Бедствия последующих лет заслонили в их глазах многочисленные и грозные возмущения, которые потрясли государство до основания при сыне Ивана IV.

Народные волнения 80-х годов отличались широким размахом. В них участвовали и посадские тяглые мужики, и кабальный люд, и богатые купцы, и недовольные земские дворяне. Знать использовала восстание для того, чтобы отправить в ссылку главного царского душеприказчика Б. Я. Бельского. Опекунский совет распался, не просуществовав и месяца. Боярские правители упразднили «двор» и освободили узников, заточенных в тюрьму еще опричниками. Они использовали благоприятный момент, чтобы получить от казны вотчины, доходные кормления и денежные пожалования. Они распахнули перед знатью двери Боярской думы. Насчитывавшая менее десятка бояр, дума вдруг стала многолюдной. По словам очевидцев, бояре долго не могли поверить в кончину Грозного, а когда наконец удостоверились, что это не сон, то разоделись в роскошные одежды, помазали елеем седые кудри и стали выказывать к Федору пренебрежение, как будто его и вовсе не было.

Процесс разрушения сильной власти подвел государство к порогу Смуты. Но успехи централизации воспрепятствовали возрождению былого могущества аристократии. Проведенные Грозным преобразования создали прочную систему приказного управления, ввели в стены Боярской

думы худородных думных дворян и дьяков, сформировали органы сословного представительства и земского самоуправления. Реформы способствовали политическому возвышению дворянства. Опираясь на поддержку дворян, Борис Годунов смог восстановить сильную центральную власть.

История России в XVI столетии и поныне поражает своими контрастами. Поднявшаяся на ноги страна делала свои первые шаги. Им сопутствовали крупные взлеты и падения.

Государство добилось больших внешнеполитических успехов. Покончив с ордынской властью, оно сокрушило татарские ханства Поволжья и нанесло тяжелое поражение Крымской орде, служившей бичом в руках турок. Значение русских побед определялось тем, что турецкие завоеватели уже утвердились на Балканах и в Причерноморье, и тень экспансии нависла над всей Восточной Европой.

Россия проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь, завязала торговые сношения с Западной Европой сначала по северным морям, а затем по Балтике. Однако попытка прочно утвердиться на берегах Балтийского моря привела страну к тяжелому поражению.

В XVI в. Россия достигла огромных экономических успехов и пережила великое разорение. Итогом явилось запустение старых центров и начало освоения плодородных земель на вновь присоединенных окраинах. Подъем промышленности и торговли сменился в конце века упадком. В стране восторжествовала крепостническая реакция.

Бурное время наложило своеобразный отпечаток на характеры и судьбы исторических деятелей. Иван Грозный был порождением этого времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

Семибоярщина

[1] «Пискаревский летописец».— В кн.: «Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.)», т. II. М., 1955, стр. 86.
[2] «Письма русских государей», т. I. М., 1848, стр. 2—5.
[3] «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. VIII. СПб., 1859, стр. 285.
[4] ПСРЛ, т. XIII. СПб, 1904, стр. 76.
[5] «Псковские летописи», вып. I. М., 1941, стр. 106.
[6] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. III. Л., 1926, стр. 554—560.
[7] ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 27.

Правительница Елена Глинская

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. III, стр. 558.
[2] ПСРЛ, т. XIII, стр. 95.

Детство Ивана

[1] «Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1950, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34.
[3] «Сочинения князя А. М. Курбского».— «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XXXI, СПб, 1914, стр. 113.
[4] ПСРЛ, т. XIII, стр. 145, 444.
[5] РИБ, т. XXXI, стр. 166.

Царский титул

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

Московское восстание

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

Первые реформы

[1] Домострой. Одесса, 1887, стр. 12—13.
[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 309.
[3] Там же
[4] РИБ, т. XXXI, стр. 169.

Покорение Казани

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 47.
[2] Цит. по кн.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 332.
[3] Цит. по кн.: *Д. П. Голохвастов* и *Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874, стр. 91.

Пора заговоров

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 237.
[2] Там же, стр. 525.
[3] Там же, стр. 524.
[4] Там же, стр. 237.
[5] Там же, стр. 525.

Последние реформы

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 268.
[2] Там же, стр. 268—269.
[3] «Пискаревский летописец», стр. 56.

[4] РИБ, т. XIII, СПб, 1908, стр. 619—620.

[5] «Послания Ивана Грозного», стр. 37—38.

Отставка Адашева

[1] См.: РИБ, т. XXXI, стр. 260—261.

[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 15.

Полоцкое взятие

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 369.

Раздор с боярами

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 331.

[2] РИБ, т. XXXI, стр. 221.

[3] «Послания Ивана Грозного», стр. 537.

[4] Там же, стр. 38.

[5] См.: РИБ, т. XXXI, стр. 114—115.

[6] «Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.», М., 1960, стр. 36.

[7] ПСРЛ, т. XIII, стр. 525.

[8] РИБ, т. XXXI, стр. 276—277.

[9] Там же, стр. 279.

[10] «Послания Ивана Грозного», стр. 536.

Измена Курбского

[1] РИБ, т. XXXI, стр. 381.

[2] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 79, книги Посольского двора, № 12, л. 278 об.

[3] «Послания Ивана Грозного», стр. 535.

[4] См.: «Письмо Сигизмунда II Августа от 13 января 1563 г.». Архив Курник. Kórn (Познань), № 1536. Этот источник найден в польских архивах и любезно предоставлен в наше распоряжение Б. Н. Флорей.

[5] *Ф. Ниештадт.* Ливонская летопись.— «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. IV. Рига, 1883, стр. 36.

[6] Государственный архив Латвийской ССР (Рига), ф. А-2, оп. К8, д. 35, лл. 5—6.

[7] См.: РИБ, т. XXXI, стр. 395.

[8] «Послания Ивана Грозного» стр. 14—15, 19, 44, 61.

[9] Государственный архив Латвийской ССР (Рига), ф. А-2, оп. К8, д. 43. л. 10.

Указ об опричнине

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 392.

[2] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» (далее — ДДГ). М.—Л., 1950, стр. 426—427.

[3] РИБ, т. XXXI, стр. 3; ДДГ, стр. 426.

[4] ПСРЛ, т. XIII, стр. 392.

Опричная гроза

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 193.

[2] «Разрядная книга 1375—1605 гг.» (далее — «Разряды»). Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ). Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное, д. 390, л. 327 об.

[3] *Р. Г. Скрынников.* Опричная земельная реформа 1565 г.— «Исторические записки», т. 70, М., 1961.

[4] ЦГАДА, ф. Поместного приказа 1207, кн. 643, лл. 238 об.— 282, 333—369, 424—500 об.

[5] *Д. Флетчер.* О государстве Русском. СПб, 1906, стр. 41.

[6] *G Hoff.* Erscheckliche, greuliche und unérhörte Tyranney 2 van Wasiljewiec, 1582, S. 7.

[7] «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 245.

[8] ДДГ, стр. 442.

[9] РИБ, т. XXXI, стр. 285.

Земский собор

[1] «Пискаревский летописец», стр. 76.

[2] «Собрание государственных грамот и договоров», ч. I. М., 1813, № 193, стр. 557.

[3] «Пискаревский летописец», стр. 76.

[4] «Сборник русского исторического общества» (далее — Сб. РИО), т. 71, СПб., 1898, стр. 465.

Разгром земской оппозиции

[1] Сб. РИО, т. 71, стр. 464—465.
[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 163—164.
[3] Там же, стр. 444.
[4] ПСРЛ, т. XIII, стр. 526.
[5] *Ю. Толстой.* Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875, стр. 40.
[6] «Псковские летописи», вып. 2, стр. 262.
[7] «Пискаревский летописец», стр. 76.

Террор

[1] «Синодик опальных царя Ивана Грозного».— В кн.: *Р. Г. Скрынников.* Опричный террор. Л., 1969, стр. 267.
[2] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 98; ср. «Житие Филиппа митрополита». ГПБ, Соловецкое собрание, № 1073/963, л. 67.
[3] *C. Hoff.* Op. cit., S. 12.
[4] «Синодик опальных царя Ивана Грозного», стр. 269.
[5] РИБ, т. XXXI, стр. 350. *А. Шлихтинг.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 22.

Начало великого разорения

[1] *Д. Я. Самоквасов.* Архивный материал, т. I, ч. 2. М., 1905, стр. 34, 12 и 91.
[2] «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 109.

Новгородский разгром

[1] Сб. РИО. т. 71, стр. 591.
[2] «Послание И. Таубе и Э. Крузе».— «Русский исторический журнал», кн. 8. Пг., 1922, стр. 46.
[3] Сб. РИО, т. 71, стр. 777.
[4] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 395—405; «Eigentliche warhaftige Beschreibung etlicher Handiung so sich in Reussen zur Moskaw Pleskam Naugarten». Frankturt am Main, 1572.
[5] «Псковские летописи», т. I. М.— Л., 1941, стр. 116.
[6] «Historia Russiae Monumenta», t. I. СПб., 1841, стр. 214. В связи с описанием новгородской измены о гонце упоминает также вновь открытый источник по истории опричнины — немецкий отчет о Новгородском погроме, составленный на основании показаний очевидца (см.: «Warhaftige Neue Zeitung vom grausamen Feinde Christenheit dem Moskowiter», S. 3).
[7] Сб. РИО, т. 71, стр. 777.
[8] ДДГ, стр. 480.

Победы и поражения

[1] *Д. Флетчер.* О государстве Русском, стр. 96.
[2] «Разряды», л. 270.

Московское дело

[1] ДДГ, стр. 483.
[2] Там же, стр. 480.
[3] *А. Шлихтинг.* Новое известие о России времени Ивана Грозного, стр. 62.
[4] Там же, стр. 46.
[5] «Исторические песни XIII—XVI веков». М.—Л., 1960, стр. 358.
[6] *Е. Ф. Шмурло.* Россия и Италия, т. II, вып. 2, СПб., 1903, стр. 230.
[7] ДДГ, стр. 480.

Опричный Новгород

[1] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 121.
[2] Там же, стр. 107.
[3] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 255.
[4] «Новгородские летописи», стр. 105.

Последнее опричное правительство

[1] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, стр. 95—96.
[2] Там же.

[3] РИБ, т. XXXI, стр. 155.
[4] «Послания Ивана Грозного», стр. 567.
[5] «Разряды», лл. 455 об.— 456 об.
[6] «Временник Ивана Тимофеева». М.—Л., 1951, стр. 17, 150.
[7] Письмо Ф. Энгельса К. Марксу 4 сентября 1870 г.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 33, стр. 45.
[8] «Пискаревский летописец», стр. 85.
[9] «Послания Ивана Грозного», стр. 162—163.
[10] РИБ, т. XIII, стб. 619—620.

Разгром Крымской орды

[1] РИО, т. 129, СПб., 1910, стр. 222.

Отмена опричнины

[1] ДДГ, стр. 444.
[2] «Новгородские летописи», стр. 120.

Итоги опричнины

[1] См.: *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 346.
[2] *Ю. Толстой.* Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею, стр. 135.

Татарский хан на московском престоле

[1] ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 91.
[2] «Псковские летописи», т. 2, стр. 262.
[3] «Новгородские летописи», стр. 148.
[4] «Синодик опальных царя Ивана Грозного», стр. 288.
[5] ДДГ, стр. 483.
[6] «Опись Посольского приказа 1626 г.». ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, № 2, л. 426.
[7] *В. И. Буганов* и *В. И. Корецкий.* Неизвестный московский летописец XVII в.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32, М., 1971, стр. 145.
[8] *Ю. Толстой.* Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею, стр. 181.

Семейная жизнь Грозного

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 450.
[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 210.
[3] ГПБ, Отдел рукописей, сб. О XVII. 17, л. 157.
[4] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619. лл. 89—89 об.
[5] «Послания Ивана Грозного», стр. 142.
[6] Сб. РИО, т. 38, стр. 6.
[7] Там же, стр. 105.

Ливонские победы

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 259.
[2] Там же, стр. 211.
[3] «Разряды», л. 445.

Политика «двора»

[1] СГГД, ч. I, № 200.
[2] «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 82.

Конец войны

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 213, 232.
[2] «Дневник последнего похода С. Батория на Россию». Перев. О. Н. Милевского. Псков, 1882, стр. 107.
[3] *А. Поссевино.* Московия. Перев. Л. Н. Годовиковой.— *Л. Н. Годовикова.* Исторические сочинения А. Поссевино о России XVI в. (диссертация). МГУ, 1970, приложение, стр. 91.
[4] *Р. Гейденштейн.* Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 125.

Последний кризис

[1] *Д. Горсей.* Путешествия.— Чтения ОИДР, 1907, кн. 2, стр. 35.
[2] «Псковские летописи», т. 2, стр. 263.
[3] *Н. П. Лихачев.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. СПб., 1903, стр. 58.

ЛИТЕРАТУРА

С. В. Бахрушин. Иван Грозный.— «Научные труды», т. II. М., 1954.

С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, изд. 3. М.— Л., 1944.

А. А. Зимин. И. С. Пересветова и его современники. М., 1958.

А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, кн. 3, СПб., 1831.

В. О. Ключевский. Курс лекций по русской истории.— Сочинения, т. 2. М., 1959.

В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960.

В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954.

А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Московском государстве. М., 1961.

Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

В. В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582 гг.), СПб., 1904.

Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пг., 1923.

С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.

П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950.

А. М. Сахаров. Образование и развитие единого Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969.

Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966.

Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Л., 1969.

Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973.

И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944.

И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.— Л., 1958.

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960.

М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I, СПб., 1893.

С. О. Шмидт. Становление российского самодержства. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Руслан Григорьевич Скрынников

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева
Художник В. К. Бисенгалиев
Художественный редактор В. А. Черенцов
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Т. М. Ефимова, Г. Г. Петропавловская

Сдано в набор 08.02.80. Подпис. к печати 09.04.80
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 75 000 (допечатка)
Т-04168. Тип. зак. 2796. Цена 50 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
132	11 св.	Польскому	Посольскому

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

КАРГАЛОВ В. В. **Конец ордынского ига.— М.: Наука, 1980, 10 л. (Страницы истории нашей Родины).— 35 к. 50 000 экз.**

Книга посвящена героической борьбе русского народа против ордынского ига — ее решающему этапу, который начинается с Куликовской битвы 1380 г. и завершается осенью 1480 г., когда на р. Угре русские воины дали отпор нашествию хана Большой Орды — Ахмеду. Освобождение от иноземного гнета представлено автором книги как закономерный итог длительной и самоотверженной борьбы русского народа против завоевателей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»